ПИТЕР АКРОЙД

EDGAR POE
ЭДГАР ПО

PETER ACKROYD

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Питер Акройд, чьему перу принадлежит целый ряд жизнеописаний его великих соотечественников, — Чосера, Шекспира, Ньютона, Тернера, — не случайно включил в этот ряд биографию Эдгара Аллана По. В Англии По был признан гораздо раньше и понят гораздо глубже, чем в Америке. Томас Гарди считал По «первым, кто до конца осознал возможности английского языка», а Йейтс не сомневался в том, что По был «величайшим из американских поэтов». Эдгар Аллан По сыграл огромную роль в развитии европейской литературы, став предтечей символизма и сюрреализма, не говоря уже о том, что он заложил основы таких популярных в современности жанров, как фантастика и детектив.

- Питер Акройд
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35

Питер Акройд
Эдгар По
Сгоревшая жизнь

Глава первая
Жертва

Сентябрьским вечером 1849 года Эдгар Аллан По явился к доктору Джону Картеру в Ричмонде, в штате Вирджиния, и попросил лекарство от замучившей его лихорадки. Прихватив с собой на выходе принадлежавшую доктору трость из ротанга с вкладной шпагой, он отужинал в трактире напротив.

По собирался взойти на борт парохода до Балтимора, то есть первой предполагаемой остановки на пути в Нью-Йорк, где его ждали дела. Пароход отчаливал наутро в четыре часа, а все путешествие должно было продлиться сутки с небольшим. Провожавшим его друзьям По показался трезвым и веселым. Из Ричмонда писатель рассчитывал отлучиться недели на две, не больше. Он не взял с собой никакого багажа. А шестью днями позже его нашли при смерти в трактире.

В пятницу, 28 сентября, По прибыл в Балтимор. Здесь он задержался, вместо того чтобы сразу ехать в Филадельфию, второй пункт назначения по пути в Нью-Йорк, и есть свидетельства, что он там запил. Наверное, таким образом он вздумал лечиться от лихорадки. А может, хотел отвлечься от тяжелых мыслей. Ричмондские врачи предупредили его, что следующий приступ наверняка станет смертельным.

Не исключено, что потом По отправился в Филадельфию поездом. Там он навестил нескольких друзей и то ли напился, то ли заболел. Наутро, пребывая не в лучшей форме, заявил, что едет в Нью-Йорк. А на самом деле, случайно или следуя одному ему известному плану, вновь оказался в Балтиморе. Согласно неподтвержденным слухам, По пытался вернуться в Филадельфию, однако в поезде его обнаружили в «бессознательном» состоянии, и кондуктор препроводил его обратно в Балтимор. Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, что случилось на самом деле. Истина утрачена. Полный туман.

Нельсон По, кузен писателя, писал потом Марии Клемм, теще Э. А. По и его фактической опекунше, что «понятия не имеет, когда тот приехал в город [Балтимор], где проводил время и что с ним происходило». Несмотря на многочисленные изыскания и не менее многочисленные домыслы, картина не прояснилась. Наверное, он бродил по улицам или нетвердой походкой перебирался из трактира в трактир. В точности известно лишь одно. Третьего октября газетный типограф послал сообщение

Джозефу Эвансу Снодграссу: «Некий дурно одетый человек обнаружен у Райана на четвертом участке. Называет себя Эдгаром А. По. Он в ужасном состоянии и говорит, что знаком с вами. По моему убеждению, ему срочно нужна помощь». Снодграсс был редактором газеты «Сэтердей визитер», с которой По сотрудничал. «Четвертый участок» указывает на трактир, в котором тогда проводились выборы в конгресс; Райан — имя хозяина этого трактира.

Снодграсс немедленно отправился по указанному адресу, где и нашел одурманенного вином По в окружении толпы «пьющих мужчин». Внимание Снодграсса сразу же привлекла странная одежда По. Рваная соломенная шляпа, мешковатые брюки, сюртук с чужого плеча, и ни намека на жилет и шейный платок. Если не считать соломенной шляпы, По уезжал из Ричмонда одетый совсем иначе. Однако, как ни странно, при нем все еще была ротанговая трость доктора Картера. Вероятно, его больному сознанию она представлялась отличным орудием защиты.

Снодграсс не подошел к По, но заказал для него комнату в том же заведении. Он собирался послать сообщение родственникам писателя в Балтимор, но двое из них неожиданно возникли сами. Одним был Генри Герринг, кузен По, который оказался в трактире в связи с выборами, так как приходился родственником местному политику. Снодграсс вспоминал, как «родственники отказались взять на себя заботу о По» на том основании, что в запое он становился неуправляемым, и предложили поместить его в местную больницу. Бесчувственного, «как труп», По доволокли до экипажа и доставили в больницу при Вашингтонском колледже.

Позднее тамошний врач Джон Моран сообщил, что По «не осознавал своего положения до раннего утра», когда неподвижность сменилась «тремором в конечностях», а полное беспамятство — «беспрестанным бредом, в частности бессмысленными беседами с призраками и воображаемыми фигурами на стене». Лишь на второй день пребывания в больнице, то есть в пятницу второго октября, По успокоился. Он начал говорить разумно, хоть и не совсем связно. Врачу он рассказал, что в Ричмонде у него жена, хотя это не соответствовало действительности, и что он понятия не имеет, когда уехал из города. Врач уверил его, что скоро он свидится со своими друзьями. В ответ По принялся казниться и упрекать себя в своем падении и заявил, что лучшая услуга, которую может оказать ему друг, — это выбить ему (По) мозги. Потом он впал в дремотное состояние.

Проснувшись, он опять начал бредить. В субботу вечером

стал звать «Рейнольдса» и продолжал выкрикивать это имя до трех часов ночи. «Обессилев от такого напряжения, — писал врач, — он затих и как будто отдыхал некоторое время, а потом немного повернул голову, проговорил: „Господи, спаси мою душу“ — и перестал дышать». Таково свидетельство доктора Морана, которое он отправил Марии Клемм через пять недель после случившегося. Несмотря на позднее добавленные доктором «украшения», это описание является самым достоверным из всех известных.

Чем же По занимался в Балтиморе? Самая распространенная версия гласит, что его использовали в качестве «подставного лица» на выборах, и в чужой одежде он был для того, чтобы проголосовать несколько раз за некоего кандидата. Таких фальшивых избирателей держали в участках или трактирах и накачивали алкоголем. Известно, что «Рейнольдс», которого в предсмертном бреду поминал По, был одним из официальных представителей властей в трактире Райана.

Такое объяснение возможно, но оно не единственное. Например, существует версия, что при По была большая сумма денег, собранная по подписке на журнал «Стайлус», который По собирался выпускать, и его ограбили. Есть также множество других объяснений ранней смерти писателя, включая белую горячку и туберкулез, «поражение мозга», или опухоль мозга, и диабет. Тайна слишком глубоко погребена, и ее не найти.

Похороны состоялись в понедельник, 8 октября, в присутствии всего четырех человек. Были Генри Герринг и Нельсон По. Церемония заняла всего три или четыре минуты. Подобно рассказам и притчам Эдгара Аллана По, развязка собственной его истории оказалась неожиданной и допускает различные «толкования»; она сбивает с толку, поражает тайной, которая не была и, вероятно, никогда не будет раскрыта.

Глава вторая
Сирота

Со временем Эдгар Аллан По стал воплощением *poète maudit,* [1] пропащей души, неприкаянного скитальца. У По была трудная судьба и невыносимая жизнь. С рождения на него сыпался град ударов. Однажды он сказал, что «для коренной ломки, причем одним махом, всего мира человеческой мысли» необходимо лишь «написать и опубликовать очень маленькую книжку. У нее должно быть простое заглавие — всего два слова — „Обнаженное сердце“. Однако эта книжица должна соответствовать своему названию». По не написал такой книги, однако его жизнь могла бы послужить материалом к ней.

Его мучения — смесь неутолимой тревоги и тщетных желаний — начались в довольно раннем возрасте. До рождения сына его мать заболела туберкулезом, из-за чего, как он полагал, еще во чреве ему временами совсем не доставалось или не хватало еды. В его будущих произведениях большую роль играет замкнутое пространство, в котором жертва задыхается. Оба родителя, Дэвид и Элиза По, жили под тяжким гнетом постоянных забот и тревог, усугубленных нищетой, что не могло не влиять на плод. Таким образом, терзания Эдгара Аллана По начались еще до того, как он появился на свет. «Я верю, что Господь дал мне искру таланта, — сказал он за несколько недель до смерти, — но он же и загасил ее в невзгодах».

Эдгар Аллан По родился холодным днем января 1809 года в меблированных комнатах в Бостоне. Из-за шторма Бостонский порт загромоздили плавучие льдины. В будущем По изменит год своего рождения, словно подчиняясь некой мгновенной причуде или не желая слишком пристально вглядываться в прошлое. Его родители были актерами, странствующими актерами, и их социальный статус был ненамного выше, чем у бродяг. Наверное, мальчика назвали в честь мистера Эдгара, антрепренера театральной труппы, с которой разъезжали Дэвид и Элиза. Судя по воспоминаниям современников Эдгара Алана По, он не забывал о своей связи с театром. «Мир будет моим театром, — однажды написал он. — Я должен завоевать его или умереть».

Существует старая театральная поговорка: шоу должно продолжаться. Через три недели после рождения мальчика в бостонской газете появилось сообщение: «Мы поздравляем театральных завсегдатаев с благополучным разрешением миссис По от бремени». Она уже играла тогда Розалинду в пьесе под

названием «Абеллино, великий разбойник».[2] Однако бродячая жизнь семейства По быстро сказалась на их маленьком сыне, поэтому очень скоро его на несколько месяцев оставляют в Балтиморе, в штате Мэриленд, под опекой бабушки и дедушки с отцовской стороны. Это было первое из многих отторжений, пережитых По. Все-таки, как ни странно, он почитал свою мать. Однажды даже написал в газетной статье, что он сын актрисы и гордится этим, как ни один граф не гордится своим графством, «ибо моя мать, родившись в хорошей семье и получив хорошее воспитание, посвятила театру и свою красоту, и свой талант, сверкнувший в недолгой и блистательной ее карьере». Поступки матери он интерпретировал самым достойным образом.

Конечно же Элиза По не происходила из «хорошей семьи». В 1796 году она приплыла из Англии вместе со своей матерью, актрисой Ковент-Гарденского театра, которая рассчитывала на более широкие сценические перспективы в новой стране. В то время Элизе было всего девять лет от роду, но очень скоро она стала опытной *artiste*. Миновало всего три месяца, как Элиза приехала в Соединенные Штаты, а она уже дебютировала на сцене. До нас дошел всего один портрет этой женщины в ранней молодости. На нем изображена прелестная, возможно слишком хрупкая юная женщина с уложенными по моде локонами и живым лицом, которое несколько портят глаза навыкате. Портрет дополняют платье с высокой талией и элегантная, дерзкого фасона шляпка. Вероятно, Элиза По стала хорошей актрисой и нравилась публике, так как в газетах того времени можно найти немало комплиментов в ее адрес. К тому же она сочетала в себе разные амплуа и, бывало, играла по три роли за один вечер. За время своей относительно короткой карьеры она исполнила двести одну роль. Одним из ее партнеров был мистер Люк Ашер, чье имя сохранила история.

В 1802 году, в возрасте пятнадцати лет, Элиза вышла замуж за актера той же труппы Чарльза Хопкинса, который умер тремя годами позже. Четырнадцатого марта 1806 года, через полгода после смерти первого мужа, юная актриса спешно становится женой Дэвида По из Ричмонда, в штате Вирджиния, к чему ее, вероятно, подтолкнули трудные обстоятельства. Чтобы отпраздновать свадьбу, Дэвид По занимает некую сумму. Он собирался стать юристом, однако возобладали актерские амбиции, которым, к сожалению, не суждено было осуществиться в полной мере, так как в газетных рецензиях можно прочитать, что он не сумел стать вровень со своей прелестной юной женой. Один из журналов утверждал, что Дэвид По «не был предназначен

судьбой для высокой драмы». Ко времени женитьбы ему исполнилось двадцать два года, то есть он был на три года старше своей жены. Импульсивный, экстравагантный, старший По уже тогда пристрастился к алкоголю. Спектакли довольно часто отменялись по причине, как объявлял антрепренер, «внезапного нездоровья» мистера По, что было эвфемизмом глубокого опьянения. До сих пор спорят, была ли наследственной склонность Эдгара Аллана По к пьянству или алкоголизму (что не одно и то же). Единственное дошедшее до нас письмо, написанное Дэвидом По, — это отчаянная мольба о деньгах с уверениями, что «лишь крайне бедственное положение» заставляет его обращаться с такой просьбой. Точно так же позднее будет писать его сын. Можно сказать, что По тут как бы повторяет отца, демонстрируя ту мрачную мистическую связь, о которой нередко повествуют и его сочинения.

Генри, первый сын Дэвида и Элизы По, родился в январе 1807 года. Два года спустя он был отправлен к Элизабет и «генералу» По, родителям Дэвида. Бродячая жизнь актеров, путешествующих по всему Восточному побережью от Нью-Йорка до Бостона, от Балтимора до Филадельфии и Ричмонда и обратно, оказалась слишком утомительной для матери и малыша.

«Генерал» По никогда не был генералом и всю жизнь занимался тем, что мастерил прялки; но во время Войны за независимость он был назначен помощником начальника интендантской службы в городе Балтимор и со временем получил чин майора. Во всяком случае, он был инициативным и успешным офицером, впоследствии заслужившим похвалы маркиза де Лафайета.[3] Не менее успешным он был и в трудной роли отца, поскольку практически усыновил Генри и заботился об Эдгаре в первые месяцы его жизни.

Летом 1809 года Дэвид и Элиза вернулись в Балтимор ради маленького Эдгара. Однако счастливого воссоединения не получилось. И муж, и жена болели туберкулезом, к тому же состояние их здоровья усугублялось нищетой и ненадежностью существования. В декабре 1810 года у пары родилась девочка, которую назвали Розали, или Рози, и материальное положение молодой семьи стало еще напряженнее. До нас дошли сведения, что младшие дети были отданы под опеку старой валлийки, которая «обильно поила их джином и другими крепкими напитками, а иногда и настойкой опия», чтобы они становились «сильнее и здоровее». Или, скорее всего, чтобы не плакали.

В какой-то момент весной или летом 1811 года Дэвид По исчез. К жене и детям он больше не вернулся. Двадцать шестого июля газета «Норфолк геральд» сообщила, что миссис По

«осталась одна… без друзей и поддержки».

Повзрослев, как сообщает один из исследователей, По «делал вид», будто не знает, что случилось с его отцом. Однако вполне вероятно, что ему не надо было «делать вид». Причины бегства Дэвида По неизвестны. Ходили слухи о ссоре с Элизой и еще более настойчивые слухи о том, что Розали не его дочь. Не исключено, что он покинул семью еще в 1810 году, возможно до рождения Розали.

Тем временем туберкулез Элизы перешел в свою финальную стадию. Вероятно, маленький Эдгар остро чувствовал, что потерял отца и теряет мать. Вряд ли он мог это понять умом, однако его раннее детство проходило в атмосфере смертельной опасности и обреченности. Тревога не покидала его. Он ведь не мог не видеть, как его мама худеет, как она натужно кашляет и харкает кровью. Эта картина осталась с ним навсегда. Во многих из своих рассказов он вновь и вновь воскрешает любимый образ — женщины, снедаемой туберкулезом.

С июля по октябрь 1811 года Элиза По все еще выступает на театральной сцене в Ричмонде. А в ноябре она окончательно слегла. В начале месяца один из жителей Ричмонда сообщил, что она «больна» и «крайне нуждается». В конце ноября «Ричмонд энквайерер» поместил объявление, что «миссис По лежит на смертном одре в окружении одних только детей и молит о *помощи; возможно, в последний раз*». Девять дней спустя ее не стало. Двух малюток взяли на руки, чтобы они в последний раз посмотрели на восковое лицо своей матери. Розали получила в наследство пустую шкатулку, то есть почти все, что оставалось у миссис По, а Эдгар — миниатюрный портрет матери и два локона в дамской сумочке. На оборотной стороне миниатюры миссис По нарисовала Бостонский порт и написала наказ сыну «любить Бостон, в котором он родился». Эдгар не последовал ее наказу. Миссис По отнесли на кладбище при церкви Святого Иоанна и похоронили в присутствии сына и дочери.

В письме, написанном двадцатью четырьмя годами позднее, По рассказал о своей матери. «Я совсем не знал ее — и совсем не знал отцовской любви. Оба умерли… друг за другом в течение нескольких недель. У меня в жизни было много Скорбей, однако самым тяжким испытанием стало отсутствие родительской любви». Тем не менее не похоже, чтобы его отец умер вскоре после матери. По очень любил театральные эффекты, даже когда это касалось вещей самых интимных. Но в другом он, скорее всего, искренен. Возможно, и даже вероятно, что он не помнил своей матери. Всепоглощающее горе могло принести с собой спасительную амнезию. И ранние годы его жизни скрылись во

мраке.

Однако по-своему они повлияли на По. Если в детстве он и не понял, что значит смерть матери, с течением времени ощущение горестной утраты становится более сильным и тягостным. Чего-то ему недоставало. Из его жизни ушло нечто драгоценное. По был вечным сиротой в этом мире. И вся его жизнь и творчество его доказывают, что ранние впечатления обреченности и горького одиночества никогда не были им изжиты. Его сочинения полны образов умерших или умирающих женщин — юных, прекрасных и добрых. Наверное, здесь уместно вспомнить слова герцога Эксетера из шекспировского «Генриха V»:

> И слабость матери во мне воскресла
> В потоке слез.[4]

А что несчастные дети, сначала брошенные отцом, а потом, не по ее воле, оставленные матерью? В последние дни, когда она лежала на соломенном матрасе в съемной комнате, ее посещали и утешали, как писали в газетах, «дамы из респектабельных семейств». Среди них была жена торговца и бизнесмена Джона Аллана, который прибыл из Шотландии в страну неограниченных финансовых возможностей. Фрэнсис, или Фанни, Аллан привязалась к мальчику. Тогда ей уже исполнилось двадцать пять лет, а так как своих детей ей не было дано, то при виде несчастного ребенка в ее душе пробудились самые горячие чувства. Она уговорила мужа дать маленькому Эдгару приют, тогда как Розали взяла под опеку другая семья торговцев из Шотландии по фамилии Маккензи. Итак, Эдгар, еще совсем малыш, оказался в чужом доме на углу Тринадцатой улицы и Мэйн-стрит, в квартире над конторой фирмы «Эллис и Аллан». Седьмого января 1812 года состоялись крестины, когда По получил второе имя в честь приемного отца, став таким образом Эдгаром Алланом По.

О мальчике, поселившемся в доме Алланов, до нас дошли исключительно благоприятные отзывы. Соседи в Ричмонде запомнили его как «очаровательного ребенка с темными локонами и блестящими глазами, одетого как принц»; он остался в их памяти милым и умным мальчиком, ласковым и пылким, искренним и жизнерадостным. Картинка, идеальная до неправдоподобия! Ну прямо маленький лорд Фаунтлерой! Он танцевал на столе, приводя в восторг подруг Фанни Аллан, и читал наизусть «Песню последнего менестреля».[5] Он произносил тосты в честь «дам» и пил сладкое вино, разбавленное водой. Его баловала и наряжала миссис Аллан. Похоже, ему даже удалось

завоевать любовь ее мужа Джона Аллана, которому уже исполнился тридцать один год, когда Эдгар стал членом его семьи. Джон Аллан был человеком деловым, но никак не угрюмым или суровым. Наоборот, он был большим жизнелюбом. В Ричмонде у него имелись двое внебрачных детей. Наверное, он даже сочувствовал юному По, так как сам был сиротой.

Прочие обитатели дома Алланов остались в анналах безликой массой; эти люди входили в штат домашней прислуги и без нужды в хозяйских комнатах не появлялись. Среди них нам известна «мамушка», которая присматривала за маленьким Эдгаром, когда Фанни Аллан не было дома. Также мы знаем о молодом рабе по имени Сципион и пожилом — по имени Томас. Наверняка мальчика окружали и другие рабы. По всегда горячо защищал институт рабства, видимо припекшись к нему детской душой. Он был многим обязан немногочисленному черному сообществу, которое своими рассказами о могилах и погостах пробуждало его воображение.

Бабушка по матери говорила о внуке как о «баловне судьбы», потому что его усыновили такие добрые люди. Однако не сохранилось воспоминаний о том, что чувствовал сам мальчик. Наверняка он знал, что его взяли из милости и он всем обязан щедрости взрослых, которые не связаны с ним кровными узами; и это внушало ему ощущение неопределенности и незащищенности. Он стал боязливым. Известно, что в детстве при виде бревенчатого домика в окружении могил он воскликнул: «Мертвые погонятся за нами и утащат меня к себе!»

Глава третья
Школьник

В конце весны 1815 года Джон Аллан решил переехать в Англию. В Ричмонде дела его шли не так хорошо, а возможности для бизнеса в Лондоне показались Аллану более благоприятными. В частности, он предполагал обновить деловые связи с импортерами табака в столицу. Итак, в конце июня Алланы отправились в Ливерпуль на «Лотаре», а все путешествие должно было занять без малого пять недель. Вместе с самим Джоном Алланом и его женой на борт корабля взошли Энн Мур Валентайн, сестра и компаньонка Фрэнсис, и черный раб по имени Томас. Алланы также взяли с собой и своего маленького подопечного.

Эдгар По в первый раз видел океан. Выйдя из порта на лоцманском боте, Джон Аллан заметил, что «бедняжка Нед [Эдгар] почти не обращает внимания ни на что вокруг». Однако волны и широкий горизонт произвели неизгладимое впечатление на мальчика, и впечатление это отразилось в его взрослых сочинениях. Ступив на сушу по другую сторону Атлантики, шестилетний Эдгар, как записал Джон Аллан, простодушно спросил: «Папа, скажи, ведь я был храбрым, я не испугался океана, да?» Вероятно, мальчик очень старался не показать своего страха.

В Ливерпуль они прибыли 29 июля, но в Лондон не поехали. Сначала Аллан решил навестить родных в Шотландии — своих сестер, которые жили в Ирвине и Килмарноке, и других родственников в Гриноке, после чего семейство проследовало в Глазго и Эдинбург. Примерно два месяца продолжались разъезды по Шотландии, и только в начале октября Алланы наняли экипаж до Лондона. Они арендовали комнаты на Саутгемптон-роу, к югу от Рассел-сквер, и тут же простудились: дали себя знать сырость и тяжелый лондонский туман. Сохранился рисунок их нового дома, сделанный Джоном Алланом в письме, в котором он сообщает о том, что «Эдгар читает книгу». Это могла быть и та самая книга, о которой впоследствии По написал в одном эссе так: «Мы с любовью возвращаемся памятью к тем волшебным дням своего детства, когда впервые хмурили брови, озабоченные судьбой Робинзона Крузо».

Однако не все его тогдашнее чтение было столь занимательным. В начале апреля 1816 года По отдали в закрытое учебное заведение на Слоун-стрит, которое возглавляли две

сестры — некие «мисс Дюбург». Дошедший до нас счет из этого заведения включает, например, плату за «отдельную кровать» и «место в церкви», а также «Правописание Мейвора» и «Географию Фреснуа». Это все, что известно нам о тамошней программе обучения. Однако По, по-видимому, в школе преуспевал, так как в июне 1818 года Джон Аллан сообщил в письме, что «Эдгар сметливый парнишка и довольно бойко читает по латыни».

По и вправду хорошо учился, благодаря чему получил место с пансионом в другой школе. Теперь он стал учеником в Мэнор-Хаус в Сток-Ньюингтоне,[6] в школе, которой руководил преподобный Джон Брансби. Школа располагалась в местности, которая была тогда совершенно сельской, недалеко от города, рядом стояли старинная церковь и несколько прекрасных домов старой постройки. Неподалеку жил некогда Дэниель Дефо. В школе По учил латынь, не считая других обязательных предметов, и брал уроки танцев. Позднее Брансби вспоминал своего бывшего ученика как «живого и умного мальчика, который был бы еще и мальчиком очень хорошим, если бы его меньше баловали родители; а они портили сына, давая ему невиданно много денег на карманные расходы, что подвигало его на всякого рода проказы…» В другой раз он отзывался о По как «о сообразительном, своенравном и упрямом» мальчике. То же самое говорили о По и когда он повзрослел. Несомненно, потакала ему скорее Фанни, чем Джон; а карманных денег действительно давали ему «невиданно много», но по английским, а не по американским меркам.

По оставил нам собственное описание этой школы в «Уильяме Уилсоне», где она предстает огромным сооружением с просторными классами на бесчисленных этажах и извилистыми коридорами, которые кажутся бесконечными. Эдгар всегда был необычайно чуток к архитектурным красотам, и потому «причудливая», «готическая» громада распаляла его фантазию. Позднее он вспоминал и «сумрачную атмосферу» «подернутого туманом деревенского пейзажа», так что Сток-Ньюингтон стал для По источником его первых грез. Правда, не похоже, чтобы они были светлыми. Позднее он рассказывал, что школьные годы в Англии запомнились ему как «печальные, одинокие и несчастливые».

Несчастной была и Фрэнсис Аллан. Она не смогла прижиться в Лондоне и в течение пяти лет постоянно страдала от множества непонятных недугов. Джон Аллан писал, что «Фрэнсис, как обычно, жалуется», потом, что она «то и дело жалуется», да и подруга сообщала, что Фрэнсис «очень слаба — и, увы, не в состоянии написать сама». Фрэнсис Аллан отправилась в Челтнем

на воды, однако ничто не могло развеять ее уныния. А вот ее муж был куда бодрее. Осенью 1818 года он рассказывал в письме, что «Эдгар очень вырос, и его считают способным и старательным учеником». Годом позже он опять отметил, что мальчик «хорошо себя ведет и хорошо учится».

Однако в отношении своих дел мистер Аллан не был столь оптимистичен, поскольку в 1819 году неожиданное падение цен на табак на Лондонском рынке стало грозить ему полным разорением. Со временем долгов набралось еще больше, и тогда он решил отказаться от торговли ради того, чтобы стать фермером или плантатором. Джон Аллан готовился покинуть Англию и вместе со всем семейством вернуться на свою вторую родину. Итак, в июне 1820 года на корабле «Марта» они отплыли из Ливерпуля и примерно через шесть недель пришвартовались в Нью-Йорке, откуда на пароходе отправились в Ричмонд.

В то время Ричмонд был захолустным, сонным, душным городом с населением в десять тысяч человек. Промышленность в нем была достаточно развита, однако половину городского населения составляли рабы. В те времена американский Юг был полностью рабовладельческим, и затхлый консерватизм, разнообразившийся вспышками насилия, являлся его отличительной особенностью. Ричмонд стоял на восьми зеленых холмах над рекой Джеймс, на склонах которой теснились дома; река же, пролагавшая себе путь между островков по каменистому руслу, становилась отрадой для людей в душное, жаркое время года. В разгар лета, когда возвратилось семейство Алланов, кругом цвели персиковые деревья и магнолии. На центральных улицах в ряд стояли красивые крепкие дома, окруженные обширными садами, в которых росли липы, мирт, жимолость и розы. Здесь существовала своя законодательная власть, имелись прекрасная публичная библиотека, залы для собраний и белые деревянные церкви. Однако по соседству можно было видеть трущобы, в которых ютилось черное население.

Не только лошади чувствовали себя вольготно на улицах Ричмонда, но и козы со свиньями. На Кэпитол-сквер еще в середине девятнадцатого столетия паслись коровы. Разъезжали почтовые кареты и экипажи с чернокожими ливрейными лакеями и кучерами. У плантаторов дома были просторными, с прохладными верандами и комнатами, где льняные шторы защищали хозяев от нестерпимого зноя. Мужчины сидели в креслах-качалках, курили сигары и жевали местный табак. А рядом теснились хижины рабов, вокруг которых валялись и играли в пыли чернокожие ребятишки. В таком месте трудно

избавиться от уныния, если только не пить постоянно вишневый кобблер или мятный джулеп.[7] Воздух отравляли развешанные повсюду для сушки табачные листья.

Поначалу семейство Алланов остановилось в доме партнера Джона Аллана, которого звали Чарльз Эллис и который, возможно, и убедил Аллана продолжить занятия торговлей и добиваться успеха. Осенью Эдгара По отправили в местный колледж, где он запомнился учителю как «честолюбивый, хотя и не очень прилежный ученик, тем не менее хорошо проявлявший себя в классе». Обращало на себя внимание его чувство собственного достоинства «без кичливости», а также «возбудимость мальчика» и часто «его неизменное желание не уронить себя». Так что порою Эдгар По мог казаться строптивым и своенравным.

В это время он начал писать стихи. Его школьный учитель считал По «прирожденным поэтом», который сочиняет стихи «con amore,[8] а не по заданию». Джон Аллан разделял такое мнение учителя и даже показал ему сочинения мальчика, советуясь о возможности их публикации. Но с этим было решено повременить, дабы не разжечь честолюбия и без того чересчур честолюбивого подростка. Однако поступок Джона Аллана — свидетельство в пользу того, что он очень серьезно воспринимал литературные амбиции своего подопечного. И вовсе не был тем холодным и бесчувственным тираном, каким рисуют его биографы Эдгара По.

В школе По успешно осваивал классиков, в том числе Овидия, Вергилия и Цицерона. Но отличался и в менее ученых занятиях. По был хорошим пловцом и однажды одолел шесть миль против течения, тогда как учителя и ученики стояли на берегу реки Джеймс и наблюдали за ним. Атлетически сложенный, мускулистый и сильный, он неплохо боксировал и отлично показал себя в легкой атлетике, например в беге. Очевидный контраст с тем, что с ним сталось потом, когда в зрелые годы его почти постоянно одолевали недуги. Говорили, что у него необыкновенно приятный нрав: «Всегда веселый, всегда искрящийся радостью, По был любимцем своих товарищей по школе». Он получал призы за красноречие, считался лучшим в декламации римских поэтов и елизаветинских драматургов.

Однако, как это обычно бывает, описания современников страдают противоречиями. Один из учеников вспоминает, что По был «упрямым, своенравным, высокомерным, правда не без приступов щедрости, но далеко не всегда добрым и даже дружелюбным». Юный По копил недоброжелательство к миру. Каким-то образом его сверстники узнали, что он сын бродячих

актеров и Алланы его усыновили. По этой причине мальчики «отвергли его лидерство». В результате он сделался еще более «невыносимым», что выразилось в непомерной гордыне, или надменности, но также развило в нем болезненную восприимчивость. Таким же был характер По и в зрелые годы. Другой современник вспоминал, что юный По был «склонен к уединению и невероятно замкнут». В частности, известно, что после уроков он никогда не приглашал мальчиков к себе. Уходя домой, он как бы говорил: «На сегодня лимит моей общительности исчерпан».

Мальчиком По любил долгие и, как правило, одинокие «прогулки» по окрестным лесистым холмам. С друзьями он организовывал набеги на местные сады и на грядки с репой, а также был заводилой, когда дело касалось рыбной ловли и пикников с жарением рыбы на берегу реки Джеймс. Один из тогдашних школьных приятелей По вспоминал: «Он учил меня стрелять, плавать, кататься на коньках, играть в хоккей с мячом и т. д.». У По было и еще одно увлечение. Вместе с двумя-тремя товарищами он присоединился к местному Драматическому обществу, собиравшемуся в зале по соседству, где для немногочисленных зрителей устраивались представления пьес, сценок или декламации. Джону Аллану это пристрастие пасынка вроде бы не нравилось, так как напоминало о его умерших родителях.

По продолжал писать стихи. Он сам говорил, что несколько стихотворений из напечатанных в его первой книге он написал в возрасте четырнадцати лет. Несмотря на свойственную По любовь к преувеличениям, у нас нет причин оспаривать это утверждение. Самые ранние строчки, которые нам известны, написаны аккуратным почерком на финансовом документе Джона Аллана, когда Эдгару По было пятнадцать лет:

> Под бременем волнений и тревог
> Поникнув… на кушетку я прилег.

Меланхолический тон двустишия тем более интересен, что написано оно над строчками сложных математических выкладок мистера Аллана.

Вскоре мальчик нашел и предмет для своих романтических воздыханий. Один из его школьных друзей, Роберт Стэнард, пригласил По к себе домой, где он встретил Джейн Стэнард, тридцатилетнюю мать Роберта, которая «взяла его за руку и, произнеся несколько приветливых слов, пригласила мальчика в дом». Тот был сражен и «к себе вернулся, грезя на ходу».

Вероятно, ему показалось, что ожила его собственная мать.

Джейн Стэнард стала первой молодой женщиной, по-матерински приласкавшей По, и он полюбил ее. Ему были очень нужны женская ласка и забота. Не так уж необычно для сироты. Позднее в одной из журналистских «заметок на полях» он писал, что «детская поэтическая любовь, несомненно, является чувством, которое лучше всего отражает наши мечты о чистой, но полной страсти, небесной любви».

Его чувство действительно было чистым. По обладал безошибочным чутьем на слабых, в каком-то смысле отмеченных роком женщин, похожих на его рано угасшую мать. Весной 1824 года, то есть через год после их первой встречи, Джейн Стэнард сошла с ума и умерла.

По посетил ее могилу на кладбище Шоко-Хилл и рассказал поклоннице, что пролил много слез над свеженасыпанным холмом. Всю свою жизнь он любил гулять по кладбищам. Для него смерть и красота были неразрывно связаны. «Никогда больше» (no more) — вот его излюбленный рефрен. Укромные, скрытые от посторонних глаз помещения и ветхие, замшелые здания, которые он заселял своими героями, являются плодами его воображения или воспоминаниями о виденных им склепах.

Впрочем, мертвые занимали его и в другом плане. Он рассказывал своему другу Джону Гамильтону Маккензи, что «самый ужасный его детский кошмар — холодная рука, прикасающаяся к его лицу в кромешной тьме, когда он остается ночью один в своей комнате». Но это не единственная его фантазия. По боялся, что проснется в сумерках, а на него будет пристально смотреть чье-то ужасное, полное злобы лицо. Ему становилось настолько страшно от собственных фантазий, что он забивался с головой под простыни, пока не начинал задыхаться. Казалось, он получал извращенное удовольствие, пугая себя и других. Даже повзрослев, он признавался в том, что не любит темноты. В этом можно усмотреть корень его одержимости пограничными со смертью состояниями. Когда ему не исполнилось и двадцати лет, он написал символическое двустишие:

> Любил лишь ту Красу я, с чьим дыханьем
> Сливалась Смерть в мучительном лобзанье.

Довольно скоро По обрел другую, не менее странную и трудную любовь. Он всегда говорил, что его «любовь» — это Фанни Аллан, что не мешало его привязанности к Джейн Стэнард. Любви и поддержки одной женщины ему всегда было

недостаточно. В том году, когда умерла миссис Стэнард, он встретил пятнадцатилетнюю Эльмиру Ройстер и увлекся ею. Эльмира жила напротив его школы, так что видеться им ничто не мешало. Родители девочки не спускали с них глаз, когда они сидели в гостиной дома Ройстеров и она играла на фортепиано, а он пел или играл на флейте. По нарисовал Эльмиру, однако рисунок сохранился только в виде копии.

Она же вспоминала, что юный По корил ее дружбой с некой девицей, которую считая «вульгарной». «Он был полон предрассудков, — говорила Эльмира после смерти По, — и ненавидел грубость и невоспитанность». Эльмира Ройстер писала о высокомерии Эдгара По и о свойственной ему застенчивости в обществе. Безупречный южный джентльмен, он, однако, не укладывался в рамки общепринятых представлений. Эльмира, или «Мира», как называл ее По, отмечала, что он был «очень восторженным и импульсивным», но «как правило, выглядел печальным».

Печаль вызывалась и обстановкой дома. В семье Джона Аллана не все было так уж хорошо. У Фрэнсис Аллан, вероятно, уже тогда проявились первые признаки туберкулеза, который и свел ее в могилу пятью годами позже. Однако было и кое-что другое. По и Джон Аллан начали ссориться. Не исключено, что Джон Аллан напоминал своему юному подопечному, что тот был, по существу, взят в дом из милости. В ноябре 1824 года он написал письмо Генри, старшему брату Эдгара По, о том, что Эдгар «бездельничает и дуется — ходит в скверном настроении и злится на всех вокруг. Чем мы заслужили такое отношение — понять не могу». И еще он добавил, что у Эдгара «нет ни капли любви к нам и ни малейшей благодарности за все, что я для него сделал». То же самое говорилось и о взрослом По. Он не мог заставить себя унизиться перед кем бы то ни было, не мог заставить себя выразить благодарность.

В том же письме к Генри По приемный отец Эдгара упоминает о его «бедной сестренке Розали», которая жила в Ричмонде с Маккензи, и пишет, что она лишь «наполовину его сестра, но Боже упаси, дорогой Генри, упрекать живых в ошибках и слабостях мертвых». Смысл слов «наполовину сестра» совершенно очевиден. Аллан намекает на то, что у Розали был другой отец и что она соответственно внебрачный ребенок. Если Аллан написал такое Генри По, то он, вне всяких сомнений, говорил нечто подобное и Эдгару. Мальчику, который так почитал свою мать, это казалось непростительным. Нам уже известно о «ненависти» По ко всему грубому. А что может быть грубее, чем обвинение матери в том, что ребенок ее не от мужа?

Как развивались события? По знал о внебрачных детях Аллана, которые жили в Ричмонде, и, вероятно, приписал пошатнувшееся здоровье миссис Аллан именно этой причине. Если он упрекнул Аллана в том, что тот произвел на свет внебрачных детей, разве не естественен ответный упрек — напоминание о похожем грехе матери По? Наверное, это и стало началом жестокого и постоянно усугублявшегося конфликта. Не раз По говорил, что хочет сбежать от Алланов и найти свой путь в жизни. Опекуны Розали Маккензи свидетельствуют о его желании стать моряком.

Моряком По не стал. Вместо этого он поступил в университет.

В феврале 1826 года, в возрасте шестнадцати лет, Эдгар Аллан По был зачислен в новый университет штата Вирджиния в Шарлоттсвиле. Первый камень университета заложили девятью годами ранее, однако открытие состоялось лишь за год до поступления По. Основатель и душа университета Томас Джефферсон намеревался «развивать у молодых людей способность мыслить, расширять их интеллект, воспитывать нравственность», хоть в этом и не совсем преуспел. По поселился один в комнате № 13 в западном крыле нового комплекса — к западу от центрального газона. Слуга будил его в пять тридцать утра. В классах древних и современных языков занятия начинались в семь часов утра. По проявил себя идеальным студентом, способным переводить с латыни так же легко, как с итальянского языка. В конце года его отметили как «отличившегося» в старшем латинском и старшем французском классах. В письме Джону Аллану он сообщил, что собирается хорошо сдать экзамены, «если только не помешает страх»; нервическое состояние по-прежнему преследовало его. По стал секретарем дискуссионного клуба и показал выдающиеся результаты в беге и прыжках в высоту.

Один из студентов вспоминал, что По всегда был «печален, меланхоличен, даже когда улыбался», и что он не помнит, чтобы тот «от души смеялся, — смех его казался деланым». По ни с кем не сходился, будучи слишком закрытым или слишком гордым, чтобы идти на сближение. Он часто «выпивал», чтобы «умерить избыточное нервное напряжение, в котором постоянно находился». Вероятно, пил он популярную настойку «персик с медом», сладкое и убийственное сочетание. Это первое упоминание о его пристрастии к алкоголю. Важно отметить, что пить он стал в очень раннем возрасте. Значит, По родился, а не сделался пьяницей.

Другой студент вспоминал, что «страсть По к крепким напиткам была такой же неумеренной и обращавшей на себя внимание, как страсть к картам». По был азартен. Поспорив с местным клерком, кому достанутся гравюры Хогарта, По предложил ему сыграть в кости и проиграл. В карты он мог резаться бесконечно, время от времени просаживая большие деньги. В таких случаях, как пишет современник, он «словно погружался в глубины своего природного, не знавшего границ, безрассудства». Такое «безрассудство» было свойственно По и во взрослой жизни, когда он все больше увлекался спиртным и вел себя соответственно. Тем не менее он прилежно учился в университете.

Впрочем, его жизнь в университете надо рассматривать в определенном контексте. Юные джентльмены из Вирджинии не обязаны были во всем следовать наставлениям Томаса Джефферсона, тем более по части нравственности. В университете часто случались драки и потасовки, и большинство студентов имело пистолеты, которые молодые люди то и дело пускали в ход. Культура Юга все еще включала в себя традицию дуэлей. Некоторые студенты происходили из богатых семей плантаторов, и их сопровождали рабы. Другие привозили своих лошадей и охотничьих собак. Студенты нередко мародерствовали в близлежащих городках, совершая на них пьяные набеги, процветали карточные игры. По не был одинок в своих слабостях. Однако испытывал непривычный недостаток в средствах. Ему приходилось просить денег у Джона Аллана, который присылал слишком мало и с большим опозданием.

Когда дело касалось содержания юного Эдгара, Аллан обычно проявлял скупость. В одном из писем По подсчитал свои университетские расходы, включая жилье и обучение, оценив их в триста пятьдесят долларов в год. Аллан же отправил его в Шарлоттсвиль, дав всего сто десять долларов. В результате По смог записаться лишь в два из трех классов, открывавших ему свои двери, правда сэкономив на этом пятнадцать долларов. Конечно же были и денежные посылки, но их никогда не хватало на оплату счетов. Тем более их недоставало для покрытия карточных долгов, и, согласно жалобам По, «на него смотрели, как на попрошайку». Никаких явных причин так жаться у Аллана не было. Всего лишь годом раньше он унаследовал довольно большое земельное владение по завещанию богатого шотландского родственника, который тоже эмигрировал в Америку.

Должно быть, к своему приемному сыну Аллан испытывал противоречивые чувства. Позднее, по свидетельству друга По,

поэт сам характеризовал своего приемного отца как человека грубого и жестокого, признавая тем не менее, что временами он баловал сына, проявляя щедрость, хотя обычно бывал прижимист и скуп. Похоже, что с годами Эдгар вызывал у Аллана все большее негодование: он начинал видеться ему неблагодарным наглецом. В свою очередь По предполагал, что когда-нибудь богатства Аллана достанутся ему. И это было самым необоснованным предположением из всех возможных.

Когда в конце 1826 года По вернулся в Ричмонд, Аллан отказался финансировать его дальнейшее обучение. Несмотря на настойчивые письма кредиторов юного По, приемный отец больше не хотел оплачивать его долги, которые приближались к двум тысячам долларов. По рассчитывал проучиться в университете два года. Степени (в современном смысле этого слова) он не получил бы, но имел бы официальный документ о том, что закончил слушание ряда курсов. По отличала неуемная тяга к чтению, однако мир академического образования теперь для него закрывался. В позднейшем письме По упрекает Аллана в том, что «под влиянием минутного каприза» тот разрушил его надежды. Последовавшее возвращение домой оказалось горьким и по другой причине: По стало известно, что его письма к Эльмире перехватывались ее отцом и что она, по-видимому, собирается замуж за другого. Между Алланом и По участились стычки и ожесточенные ссоры. Следы былой любви между приемным отцом и его сыном окончательно исчезли.

В середине марта 1827 года По навсегда оставляет дом Алланов. Остановившись в трактире «Кортхаус», беглец написал приемному отцу: «Я слышал, как вы говорили (когда не знали, что я слышу, и поэтому говорили искренне), что не любите меня». Добавив, что его опекун постоянно упрекает его «в дармоедстве и лени», он заявил, что не желает «находиться во власти у черных», подразумевая, что рабы переняли отношение к нему хозяина. По просил выслать ему сундук с одеждой, так как собирался ехать на север, чтобы в каком-нибудь большом городе заработать достаточно денег для обучения в университете.

Однако потом, в письме, написанном на следующий день, По объявил, что находится «в отчаянном положении и не ел со вчерашнего утра. Не знаю, где буду спать ночью, верно, придется бродить по улицам — я вымотан…» Такой жалобный тон характерен чуть ли не для всей последующей корреспонденции По. «Милое письмецо», — написал Аллан на обороте конверта.

Четырьмя днями позже Эдгар Аллан По плыл в Бостон на судне, перевозящем уголь. Он возвращался в город, в котором

родился. Наверное, удивительным в сравнении с вялым и ленивым Ричмондом показался ему этот город, гордившийся своей строгой пуританской жизнью и интеллектуальной насыщенностью. Бостон строился из красного кирпича и белого дерева. Главными развлечениями были посещения церкви и лекционного зала. Никаких рабов. Граждане Бостона поднимались спозаранку и работали тяжелее, чем жители Ричмонда.

Конечно же, найти работу в Бостоне бедному недоучившемуся студенту оказалось нелегко. Известно, что По работал у купца в портовой части города и даже попробовал себя в журналистике. Его первые попытки пробиться в этом мире провалились. У него не было денег, и в отчаянии он решил завербоваться на военную службу.

Аллан написал Розали, сестре По, что «в поисках своего пути Эдгар ушел в море», однако на самом деле тот находился не так далеко от дома. Двадцать шестого мая По посетил Касл-Айленд в Бостонском порту и под именем Эдгара А. Перри (Перри — это фамилия студента, стоявшая перед его фамилией в университетском списке) завербовался в армию Соединенных Штатов Америки на пять лет. Он сказал, что ему двадцать два года, хотя на самом деле ему едва исполнилось восемнадцать. Несовершеннолетних тогда в армию брали беспрепятственно, так что никакой реальной необходимости лгать у По не было: просто ему хотелось исчезнуть и не нести с собой в будущее тяжкий груз себя прежнего. Как бы то ни было, вранье давалось ему легко.

Глава четвертая
Солдат

Это решение не стало ни неожиданным, ни совсем уж непредсказуемым. Мальчиком По был лейтенантом Юных Волонтеров Ричмонда, да и в университете он тоже записался на курс военной подготовки. Вне всяких сомнений, его привлекала строгая дисциплина как некий противовес свойственному ему «безрассудству». По явно искал какие-то рамки для необузданной своей натуры. Ему требовался порядок, который бы умерил порывы его натуры и, как следствие их, его страдания.

Однако натура не сдавалась. Живя в Бостоне, По познакомился с восемнадцатилетним печатником Сальвином Томасом, который согласился напечатать подборку стихотворений приятеля. Итак, в начале лета 1827 года пятьдесят экземпляров книги «Тамерлан и другие стихотворения», подписанной «Бостонцем», вышли из-под печатного станка Томаса. Сборник состоял из сочинений, которые По написал за предыдущие четыре-пять лет, то есть из поэмы, обозначенной на обложке, и ряда коротких стихотворений. В них уже присутствует крепкое чувство формы, ритма и метра, вкупе с сильным и заразительным настроением скорби и рефлексией. Поэма «Тамерлан» является монодией на тему радостей и опасностей честолюбия, уложенной в семнадцать меланхолических строф, исполненных гордости и негодования, отвращения к себе и разочарования. В предисловии сказано, что «неудача никак не повлияет на него (По) в его решимости», так как его решимость есть не что иное, как стремление достигнуть величия и совершенства поэтического выражения. Его попытка обезоружить критиков великолепно сработала. Рецензий не было, в печати появились лишь две заметки, предварившие появление книги в печати.

Когда книга вышла в свет, юный поэт отдавал все силы артиллерийской науке. Завербовав, его приписали к артиллерийской батарее, дислоцированной за пределами Бостона. Спустя шесть месяцев его перевели в Форт-Маултри на острове Сэлливана недалеко от Южной Каролины, а потом, еще через год, он оказался в крепости Монро на самой оконечности Вирджинского полуострова. Его образ жизни оставался неизменным. Подъем в половине шестого утра, после чего целый день строевая подготовка и упражнения в стрельбе. Он стал секретарем и клерком при интендантской службе, пройдя затем

все ступени унтер-офицерской карьеры. Начальство считало его «поведение образцовым», а его самого «образцовым и надежным» солдатом. В начале 1829 года он получил чин старшего сержанта в крепости Монро, и это был самый высокий чин, на который По мог претендовать. Вероятно, нелегко представить в военной форме автора «Ворона» и «Падения Дома Ашеров». Тем не менее так уж получилось, и эта сторона жизни По также отвечает чему-то в его характере, что нельзя упускать из виду. Умея выразить свою страстную и склонную к меланхолии натуру в стихах с очень жесткой формой, он мог подчинять себя и условиям суровой военной дисциплины.

К тому времени, как По стал старшим сержантом, у него уже появился основательный опыт военной жизни. Не пожелав находиться на воинской службе еще три с половиной года, как полагалось по контракту, По подал прошение своему командиру, лейтенанту Говарду, прося подписать его отставку. Наверное, он признался в подмене своей фамилии, так как Говард согласился на то, чтобы По — не Перри — вернулся к Джону Аллану. Итак, Говард написал Джону Аллану письмо, и тот ответил, мол, пусть По «лучше остается там, где он есть, до истечения контракта». Служба Эдгара в армии, вероятно, стала для Аллана неприятным сюрпризом. При этом он не выказал раскаяния в том, что практически выгнал мальчика из дома. Итак, 1 декабря 1828 года Эдгар По написал Аллану письмо, начав его так: «Видимо, вы считаете, что я опозорил и обесчестил себя службой в армии»; далее он заверял, что никогда в своей жизни не чувствовал большего удовлетворения: «и никогда в моем сердце не было столько заслуженной гордости». Помимо всего прочего, По был горд тем, что сумел обуздать себя. Однако он не хотел понапрасну тратить «лучшее время своей жизни» на дальнейшую службу. Его жизнь только начиналась. «Я ощущаю в себе силы, которые помогут мне достичь самых высоких целей, отвечающих всем вашим желаниям, — добавлял По. — Я либо выиграю, либо умру — либо добьюсь своего, либо закончу жизнь опозоренный». В заключительных строках он просил передать свою любовь «маме» и выражал надежду, что его «своеволие» не принесет ей разочарования.

Ответа он от Аллана не получил, и три недели спустя написал ему еще одно письмо в более требовательном тоне. «Мой отец не может отринуть меня как *отребье*… Если вы собираетесь забыть обо мне — тогда прощайте — Пренебрежение лишь подхлестнет мои амбиции». Некоторая театральная напыщенность тона свойственна и более поздней корреспонденции По. Прошел месяц. В начале февраля По сделал

еще одну попытку. Он попросил Аллана, чтобы тот помог ему с устройством в Вест-Пойнт, академию, готовящую офицеров для американской армии, чтобы в дальнейшем он мог «честно и с пользой служить своей стране». Вне всяких сомнений, настроен он был серьезно и писал это искренне. Закончив академию, он мог бы стать офицером и быть финансово независимым человеком с довольно высоким статусом. В то время как завербовавшись в солдаты, он не мог не чувствовать «позора и бесчестья».

Письмо пришло в Ричмонд в недобрый час. Фрэнсис Аллан умирала и, находясь, как писала местная газета, на последней стадии продолжительной и мучительной болезни, просила призвать юного По домой, чтобы она могла в последний раз обнять и поцеловать его, однако если он опоздает, то пусть ему дадут возможность посмотреть на нее, прежде чем ее тело предадут земле.

В день смерти Фрэнсис в конце февраля По все еще числился в списках полка. Джон Аллан до последней минуты бездействовал.

О смерти Фрэнсис Аллан По узнал лишь 1 марта и в тот же день выехал в Ричмонд. Приехал он туда на следующий день после похорон. Приемный отец купил ему траурный костюм. В нем он посетил свежую могилу на кладбище Шоко. Там он упал ниц, и рабы отнесли его в экипаж. «*Вашей* любви я никогда не искал, — писал он Джону Аллану позднее, уже потеряв всякую надежду на примирение. — Но ваша жена, как мне кажется, любила меня как своего сына». Судьба лишила его и второй матери, и двойное сиротство удвоило груз его печали. Отметим, кстати, что кладбище Шоко было местом упокоения и Джейн Стэнард, молодой матери его соученика, которую он любил.

Отношения По и Джона Аллана вступили в новую стадию. Казалось, что смерть Фанни смягчила сердце опекуна и присутствие По не вызывает больше в нем протеста. По рассказал ему о своем желании учиться в Вест-Пойнте и получил согласие. Итак, перед ним открылась дорога к достойной жизни. Неделю спустя он покинул Ричмонд и, вернувшись в крепость Монро, написал письмо Аллану, которое начал словами «Дорогой Па» вместо обычного «Дорогой Сэр».

В конце марта занялись процедурой увольнения По со службы. От него требовалось найти себе замену, и он информировал полковника, что принадлежит «к семейству сирот, чьи несчастные родители стали жертвами пожара в Ричмондском театре». Пожар он придумал, чтобы прикрыть свое сомнительное,

как он считал, происхождение. Объяснение было принято, и в следующем месяце По вернулся в Ричмонд.

Дорога в Вест-Пойнт оказалась, однако, не простой. В первые недели по возвращении По решил набрать очков, заручившись поддержкой политиков, дабы укрепить свое ходатайство, и обратился в том числе к мэру и конгрессмену своего округа. Вероятно, Аллан материально поддержал пасынка, собственное его поручительство поражает холодностью и безличностью тона. «Если быть откровенным, — писал он, обращаясь к военному министру, — то мы не родственники… тем не менее прошу вас поддержать этого юношу ради его будущего». В обучении Эдгара в Вест-Пойнте Аллан был заинтересован и лично: во-первых, он уедет из дома, во-вторых, что гораздо важнее, перестанет быть финансовой обузой.

По написал заявление и в мае, получив от Аллана пятьдесят долларов в подарок, отправился в Вашингтон, чтобы лично представить рекомендательные письма военному министру. Ему стало известно, что на место претендует сорок семь человек, но все же есть вероятность, что в сентябре он будет зачислен в академию. Сделав крюк миль в тридцать, По заехал в Балтимор. Ему хотелось повидать старшего брата Генри, который с детства жил с «генералом» По и его семьей; этот визит позволял По познакомиться с родственниками со стороны отца. Теперь, когда принявшая его семья потеряла Фанни Аллан, он был счастлив оказаться в объятиях кровной родни. Не исключалась и возможность помощи при зачислении в Вест-Пойнт со стороны кого-нибудь из бывших сослуживцев «генерала».

Балтимор являлся третьим по величине городом Соединенных Штатов, однако будущий его расцвет был еще впереди. Незадолго перед тем завершилось строительство железной дороги «Балтимор и Огайо». По берегам реки Патапско цепочкой протянулись пакгаузы и склады. Балтимор становился центром промышленного производства, а также транспортным узлом, то есть городом крупным и бойким, с широкими улицами, силуэт которого определяли высокие дома и шпили церквей. Двумя годами раньше Джон Квинси Адамс[9] назвал Балтимор «величественным городом». Самые ранние из дошедших до нас фотографий изображают оживленный район порта, за которым на некотором расстоянии виднеются базилика Успения Богородицы, колокольня Епископальной церкви Святого Павла и немецкая реформистская церковь, а также памятник Вашингтону. К тому же Балтимор был первым рабовладельческим городом по пути на Юг. По крайней мере, в этом отношении южанин По почувствовал себя там как дома.

Для остановки в Балтиморе у По была важная причина. Ему не терпелось напечатать вторую книгу стихов. Он не отказался от мечты о литературном успехе, к тому же его снедала чуть ли не биологическая потребность явить себя миру. Юный По жаждал славы. Вскоре после приезда он отправляется на пароходе в Филадельфию и там представляет рукопись своих стихотворений в показавшееся ему подходящим издательство «Кэри, Ли и Кэри». Похоже, мистера Ли заинтересовал этот приезжий — талантливый и такой плодовитый юный поэт, и он пообещал тщательно изучить манускрипт на предмет публикации. Ободренный По вернулся в Балтимор. Несколько недель спустя Ли прислал стандартный и обескураживающий ответ. Стихи могут быть напечатаны, если автор сможет предоставить издателям гарантию, заранее возместив возможные убытки.

Собственных денег у По почти не было. Итак, он написал Аллану и попросил у того финансовую помощь для издания книги. Вероятно, этот поступок огорошил Аллана своей глупостью. Вряд ли что-нибудь другое могло пробудить в нем подобную ярость. Он-то думал, что По начинает почетную военную карьеру — а этот молодой человек ступил на ненадежную и даже предосудительную дорожку. В начале XIX столетия поэзия не считалась в Америке достойным занятием. В конце письма к По Аллан приписал, что «весьма осуждает его поведение и отказывает ему в его просьбе».

Поддержка Аллана выражалась в минимальных суммах. Летом 1829 года он послал своему юному подопечному еще пятьдесят долларов, на которые тот должен был жить три месяца. Иными словами, в день По мог позволить себе истратить пятьдесят три цента. Тогда он решил выехать из меблированных комнат и поселиться у родственников в деловом районе, за пределами богатого и более модного квартала.

«Генерал» По умер, а его вдова жила в маленьком домике на Милк-стрит вместе с Марией Клемм, тетушкой По, и ее девятилетней дочерью Вирджинией. Здесь же жил Генри, старший брат По. Вряд ли все они были счастливы. Старую миссис По разбил паралич, да и миссис Клемм не отличалась хорошим здоровьем. Генри умирал от туберкулеза и, если верить По, «пьянствовал напропалую» и еще менее, чем сам По, мог себя прокормить. На Милк-стрит царила настоящая нищета, и По застал здесь совсем иную жизнь, нежели та, к которой он привык в доме своего приемного отца в Ричмонде. Но не только в этом переезд к родственникам означал решительную перемену. По привязался к Марии Клемм и ее юной дочери. В будущем его будет тянуть к ним как магнитом, и он станет искать у них

убежище от неистовых житейских бурь внешнего мира.

Поэтические амбиции По опять запутали дело. Аллан усомнился в том, что молодой человек всерьез нацелился на военную карьеру, и обвинил его в непоследовательности и уклонении от прямого ответа. К тому же его приводили в бешенство бесконечные просьбы По о деньгах. Деньги требовались, чтобы подыскать юноше замену в крепости Монро. По же написал приемному отцу, что в Балтиморе один из кузенов украл у него деньги. Наверное, Аллану казалось, что требованиям По никогда не будет конца. В одном из писем этого периода По заявил, что «немедленно вернулся бы домой, если бы не слова отца: „Я не особенно жажду тебя видеть“».

Была и еще одна причина, удерживавшая По в Балтиморе. Он забрал рукопись из издательства «Кэри, Ли и Кэри» и предложил ее издательскому дому «Хэтч и Даннинг». Рукопись приняли, и По не мог сдержать радости, когда в декабре 1829 года в свет вышла его книга «Аль-Аарааф, Тамерлан и другие стихотворения». В некотором смысле это был повтор сборника «Тамерлан», опубликованного двумя годами ранее. Однако в книге присутствовали и новые сочинения, среди которых была поэма «Аль-Аарааф», написанная под влиянием Мильтона и романтиков. Новые стихи еще раз доказывали великолепное владение По стихотворным ритмом. В стихах По энергия и напор сочетались с романтической недосказанностью и болезненной чувствительностью.

По испытывал острую необходимость доказать свою состоятельность одному-единственному человеку. Он написал Джону Аллану, сообщив ему о выходе книги, и заручился обещанием одного из издателей, мистера Даннинга, самолично отослать тому экземпляр.

В первый раз По получил похвалу за свой труд. Редактор «Янки и Бостон литерари газетт» Джон Нил, прочитав некоторые стихи еще до публикации, счел, что «по справедливости следует сказать: автор написал прекрасную и, возможно, даже великую поэму». Будучи всегда в высшей степени восприимчивым к похвалам, По отправил Нилу письмо, в котором признавался: «Я молод — мне еще нет двадцати, — но я *поэт* — если глубочайшее поклонение красоте делает меня *таковым*…» К этому он прибавил: «У меня нет отца — нет матери». Настоятельное подчеркивание своего сиротства являлось для По еще одним, дополнительным способом добиться симпатии и внимания.

Вероятно, По хотел остаться в Балтиморе, однако он был очень беден, и поэзия не могла спасти его от нищеты. Известно,

что в декабре 1829 года он продал одного из рабов миссис Клемм, а в начале 1830 года был вынужден вернуться к Джону Аллану. Куда еще он мог податься, кроме Ричмонда? Только там его терпели, правда без особой радости и ясно давая понять, что в скором времени ему придется отправиться в Вест-Пойнт. Атмосфера в доме была напряженной, и в письме к сержанту Грейвсу, одному из своих кредиторов, По признался: «Десять раз пытался получить для вас деньги у мистера А [ллана] — но тот так или иначе увиливает». Кроме того, По роняет вскользь, что «мистер А. не всегда трезв» — замечание, за которое он позднее поплатится.

В середине мая 1830 года По покидает Ричмонд. Аллану он писал: «Уезжая от вас, я стоял на палубе парохода и понимал, что больше мы никогда не увидимся». На день или два По задержался в Балтиморе, а потом отправился в Вест-Пойнт, Военную академию Соединенных Штатов Америки, построенную на зеленом плато, вознесенном на высоту в две сотни футов над рекой Гудзон в штате Нью-Йорк, туда, где с 1804 года обучались американские офицеры. Чарльз Диккенс в «Американских заметках» описывал это место как «очень красивое и замечательно расположенное между восхитительными холмами над рекой, прячущееся за зелеными вершинами и разрушенными фортами и глядящее на дальний город Ньюберг поверх сверкающей водной глади, по которой время от времени скользят парусники…».

Вместе с еще тремя кадетами По был расквартирован в Южных казармах, и ему положили жалованье в размере шестнадцати долларов. Молодой поэт носил форму синего цвета, однобортный мундир, фуражку с кокардой и саблю на ремне. Утренняя побудка происходила на рассвете. После завтрака начинались лекции, которые в четыре часа сменялись муштрой и строевыми занятиями, продолжавшимися до ужина, который кадетам подавали в большой офицерской столовой, после чего их отправляли в казармы для дальнейших занятий. Свет выключали в половине десятого. Для безделья времени не оставалось.

От современников до нас дошли разные, иногда противоречивые, воспоминания о По этого периода. Один из кадетов запомнил его как «беззаботного, неряшливого парня, весьма эксцентричного, любившего выпить и, естественно, предпочитавшего писать стихи вместо того, чтобы решать уравнения». Не очень похоже на правду. По никогда не был «неряшлив» в одежде или невнимателен к своей внешности. Другой кадет пишет о По с большим правдоподобием как о

человеке «застенчивом, гордом, чувствительном и плохо сходящемся с другими кадетами. Несравнимо больше времени он посвящал чтению, чем учебе…». Однако он все успевал, как бы мало времени ни тратил на учебу. По всегда быстро схватывал материал. Он посещал классы французского языка и математики и на экзаменах за год был семнадцатым по математике и третьим во французском. Совсем ни с кем не общаться он не мог, иначе откуда бы его соученики узнали некоторые подробности его прошлой жизни? Он рассказал им, что закончил колледж в Англии, охотился на китов, побывал в Южной Америке и на Востоке. По был прирожденным фантазером, что в равной степени доказывает как неуверенность его в себе, так и гордость.

Наиболее полно описал Эдгара По, каким тот был в академии, кадет Гибсон, живший с ним в одной комнате и особо отмечавший в своих воспоминаниях «усталый, безрадостный, недовольный вид» поэта, «вид, который трудно забыть тем, кто близко соприкасался с По. Он легко выходил из себя из-за любой мелочи, которую всегда принимал на свой счет… Почти сразу, несмотря на недолгий срок пребывания в Вест-Пойнте, По утвердился как талантливый человек, и из комнаты № 28 чуть ли не каждый день расходились стихи и эпиграммы на случай…». Гибсон еще добавил, что «никогда не слышал, чтобы По хвалил кого-нибудь из английских писателей, будь то живые или мертвые». По не упускал возможности обвинить современника в плагиате или, еще хуже, в незнании грамматики. Он всегда презрительно отзывался о тех, кто хотел соперничать с ним. Еще у него была репутация любителя розыгрышей, и от этой привычки шутить и разыгрывать он не избавился до самой смерти. Его шутки были жутковатыми и даже кровожадными. Однажды он уверял, что тушка гусака со свернутой шеей на самом деле была трупом нелюбимого учителя. Ему нравилось пугать приятелей. В этом он тоже был неизменен.

Довольно быстро По надоело пребывание в Вест-Пойнте. Один из современников утверждает, что По потерял интерес к учебе всего через «несколько недель», потом «впал в уныние и разочарование». Не о такой жизни для себя он мечтал. К тому же он опять наделал долгов. В результате По задумал уйти в отставку. К сожалению, этого нельзя было сделать без разрешения на то отца или опекуна, и По написал Джону Аллану, прося его совета. Ответом ему было: «Категорически против». У Аллана не оставалось сомнений в том, что По вернулся к прежним своеволию и беспутству.

Кстати сказать, в доме Алланов произошло важное событие, которое ухудшило и без того дурное отношение хозяина дома к

Эдгару: Джон Аллан женился во второй раз, и у него появилась надежда на появление законного наследника. Так с какой стати ему и дальше поддерживать шалопая? К тому же до Аллана дошли слухи, которые подкрепили его мнение о приемном сыне как о человеке злом и лживом: разве не наболтал он сержанту Грейвсу, что его приемный отец «далеко не всегда бывает трезв»?

Известно, что в письме, ныне утерянном, Аллан попросил По больше «его не беспокоить». По ответил, как всегда, чередой жалоб и оправданий — дескать, поведение его в Вирджинском университете объясняется тем, что «на всей Земле не нашлось человека, который бы заботился обо мне и любил меня». Обуреваемый гневом и жалостью к себе, он в ту минуту забыл о Фанни Аллан. Еще По прибавил: «Моя будущая жизнь (которая, даст Бог, долго не продлится) наверняка пройдет в болезнях и нищете. У меня не осталось ни сил, ни здоровья». И все-таки По не изменил своего решения. Не получив одобрения от опекуна, он пошел другим путем. Сказал Аллану, что «будет игнорировать свои занятия и обязанности». На обороте этого письма Аллан написал: «Не думаю, чтобы у парня было хотя бы одно положительное качество… Не верю ни одному его слову».

Едва заходит речь о несчастьях По, всегда вспоминают о пьянстве, как об их первопричине. Вне всяких сомнений, пил По много и часто, однако предположение, будто ему достаточно было одной рюмки, чтобы опьянеть, не выдерживает никакой критики. Он едва ли не постоянно выпивал «по одной», но не пьянел. С другой стороны, есть много письменных упоминаний о том, как он пил «весь вечер», «весь день» или даже «неделю напропалую». Вот тогда он и впрямь напивался, его приходилось спасать и доставлять домой. Иногда вызывали полицейских. Однако По пил не для удовольствия — до нас дошли сведения, что он опрокидывал бокал вина или стакан виски одним глотком и так жадно, словно был рабом непобедимой потребности. Стоило ему взяться за стакан, и остановиться он уже не мог. Как пишет один из его друзей, «одного бокала легкого вина или пива оказывалось достаточно, чтобы Рубикон был пройден. Все заканчивалось неумеренными возлияниями и соответствующим самочувствием». Выпивка спасала По от страхов перед будущим. Выпивка позволяла ему забыть о бедности и о неудачах. Выпивка приводила его в хорошее расположение духа и прибавляла уверенности в себе. Наверное, выпивка возвращала ему детское блаженство, освобождала от проблем и ограничений, налагаемых обстоятельствами. И все же когда он напивался, то становился агрессивным, властным и жестоким. Поскольку его отец и брат были запойными пьяницами, не исключено, что он страдал

наследственным заболеванием. Тем не менее он не был алкоголиком. На довольно долгое время и без всяких видимых усилий он мог отказаться от спиртного. Однако правда и то, что частые выпивки жестоко разрушали его как физическое, так и душевное здоровье. Со времени, проведенного в Вест-Пойнте, он уже никогда не чувствовал себя полностью здоровым.

План покончить с академией с помощью нарочито халатного отношения к своим обязанностям сработал великолепно. С начала 1831 года По перестал заниматься военными дисциплинами и отказался посещать церковные службы. Его не видели на плацу и в карауле. В конце января По предстал перед трибуналом, который обвинил его в «недопустимом пренебрежении долгом» и «неповиновении приказам». По всем пунктам По признал себя виновным. Эдгар Аллан По был уволен с военной службы Соединенных Штатов Америки и 19 февраля отправился на пароходе в Нью-Йорк. Аллану он сообщил, что едет, не имея «верхней одежды», которая защитила бы его от зимней непогоды. Это не совсем так. До конца жизни у него оставалась кадетская шинель.

Глава пятая
Журналист

Итак, По прибыл в Нью-Йорк и снял убогую комнатушку вблизи Мэдисон-сквер, но почти тотчас сильно простудился, да еще у него случился воспалительный процесс в ухе. Жизнь в Нью-Йорке во всех отношениях отличалась от того, к чему он привык в Ричмонде и даже в Балтиморе. Он вырос в общем-то в тогда еще сельскохозяйственной стране, где существовали традиционные различия в положении и чинах, а тут был город в начале своего индустриального и торгового пути, когда свободу получали дотоле сдерживаемые человеческие ресурсы. Здесь жизнь убыстрялась и оказывалась еще труднее, чем в городах, знакомых ему ранее. Генри Джеймс писал, что это был «старый, пропитанный запахом алкоголя, горячечный город», город, полный свиней и лошадей, город быстрых денег. В том году, когда в Нью-Йорк приехал Эдгар Аллан По, по Четвертой авеню прокатил первый трамвай.

Укоренившись в окрестностях старого порта, город медленно, но уверенно продвигался на север, и к началу 1830-х годов пограничной стала Кэнал-стрит. За ней располагались нищие поселения ирландских скваттеров,[10] а также дома рабочих и строителей, расчищавших землю под будущие городские застройки. Тут же находились и фермерские дома, выросшие здесь, когда эти места были еще девственно-пустынными. Теперь в воздухе стоял запах кирпичной пыли, становившийся все гуще по мере того, как расширялось строительство. Шум оглушал, суета обескураживала. Уже существовали Бродвей и Бауэри-стрит, обретавшие те черты, что сохранились вплоть до настоящего времени. Бродвей был центром розничной торговли, а также театральным центром, в то время как Бауэри изобиловала бедными домами и барами.

Заболев после приезда, По сообщил Аллану, что у него «нет денег — нет друзей…». «Мне никогда больше не встать с постели», — сетовал он. Аллан не ответил на столь тревожное письмо, но сохранил его. Позднее он написал на этом послании: «Прошло около двух лет с тех пор, как я получил сие драгоценное свидетельство чернейшей неблагодарности и бесчестия от человека, всякий день которого только и подтверждает его низость и падение». Другими словами, Аллан не возобновил отношений с По, несмотря на ужасные обстоятельства, в которых оказался молодой человек. Не дождавшись ответа, По впал в

отчаяние. Он даже написал в Вест-Пойнт, откуда был с позором изгнан, — попросил рекомендацию, признавшись в желании завербоваться в польскую армию. Начальник академии, полковник Тэйер, тоже ему не ответил.

Всего три месяца По прожил в Нью-Йорке. Его финансовое положение, если сказать мягко, было нестабильным. Он распространил подписку среди кадетов академии на книгу своих стихотворений. Надо думать, кадеты ожидали от него сатир, какими он забавлял их прежде, и, вероятно, почувствовали разочарование. В апреле 1831 года книга «Стихотворения Эдгара А. По» была опубликована с посвящением «Североамериканскому кадетскому корпусу». Однако написал ее По отнюдь не с мыслями о молодых солдатах. Он включил в книгу новые стихотворения, такие как «Израфель», «К Елене» и «Осужденный город», то есть стихотворения, которые подтверждали его внутреннее тяготение к анализу столь характерных для него отчаяния и меланхолии; казалось, он пришел к выводу, что счастье на этом свете ему не уготовано. Уже тут просматривается отношение к смерти как к будущему покою и безмятежности. В сборнике есть и другие стихотворения, также предваряющие особенности его будущей поэзии:

> Пусть дух молчание хранит:
> Ты одинок, но не забыт,
> Те Духи смерти, что с тобой
> Витали в жизни, — и теперь
> Витают в смерти. Смутный строй
> Тебя хранит; их власти верь![11]

Это прекрасные строки, одновременно захватывающие и мелодичные, полные гармонии и легкости. Одним из несчастий По являлось то, что никто из современников не понял, насколько хороша его поэзия. Он был в буквальном смысле обречен на непонимание. За следующие четырнадцать лет он не опубликовал ни одной книги стихов.

В предисловии к сборнику, названному им «Письмо к мистеру —», По изложил свое поэтическое кредо, которого потом придерживался всю жизнь. «Поэма, как я думаю, — пишет По, — может быть противопоставлена научной работе в том смысле, что *непосредственная* ее задача — наслаждение, а не истина; она может быть противопоставлена также роману в том смысле, что ее задача — *неопределенное* наслаждение вместо определенного, и она остается поэмой лишь в той мере, в какой эта цель достигнута». Далее он утверждает, что поэзия действует через

«посредство *неопределенных* ощущений, для достижения чего *существенное* значение имеет музыка, ибо восприимание нежного звука есть самое неопределенное из наших восприятий». [12]

Это одно из первых определений «искусства ради искусства», которое благодаря По оказало глубочайшее влияние на французскую поэзию XIX столетия; вывод же о музыкальном воздействии поэзии предвосхитил подобные же воззрения Уолтера Патера,[13] высказанные последним через сорок шесть лет.

Так как в Нью-Йорке молодой поэт остался без поддержки, в мае он отправился обратно к балтиморским родственникам. Жизнь на Меканикс-роу показалась ему все такой же бедной и беспорядочной, как прежде, однако положение еще усугубляла чахотка брата. Семейная болезнь. По разделил угловую мансардную комнату с несчастным, который и умер в этой комнате в августе того же года. Генри По подорвал свое здоровье «злоупотреблением спиртными напитками» и скончался в возрасте двадцати четырех лет. В письме, написанном двумя годами раньше, По признавался, что «нет ничего крепче братских уз — и суть не в том, что братья любят друг друга, а в том, что они любят одну и ту же мать». Со смертью Генри вновь умерла Элиза По.

Его тетя Мария Клемм — личность неоднозначная, единственный человек, пытавшийся поддержать семью в этот тяжелый период. Она была экономной хозяйкой, умела шить и штопать, была искусной кулинаркой, то есть являлась «опорой» семьи, которая приняла По, сделавшегося ее неотъемлемой частью. Всю оставшуюся жизнь По полностью и во всех затруднительных случаях полагался на Марию Клемм. За что она неизбежно расплачивалась репутацией то ли попрошайки, то ли прихлебательницы. Ей был сорок один год, когда в их семье объявился По, ее отличали мужеподобность, высокий лоб и твердый подбородок. И по некой неизвестной причине Мария получила прозвище Распустеха.

Вирджинии, дочери Марии Клемм, исполнилось девять лет, когда По вернулся в Балтимор. Он звал ее Сисси — сестренка. Она была еще совсем дитя, куколка с очень бледным лицом, маленькая, пухленькая, с большими глазами и черными, как вороново крыло, волосами, которые приворожили По.

Даже когда она стала его женой, он продолжал звать ее Сисси.

В первые месяцы своего пребывания в Балтиморе молодой По попытался устроиться учителем в местную школу, однако его не взяли. Тогда он решился использовать последнее, на что был способен, — зарабатывать деньги своим пером. Начал писать рассказы и даже, возможно, репортерствовал в провинциальных газетах. Тем не менее он оставался нищим. В ноябре По написал Аллану о том, что «одиннадцать дней провел в тюрьме за долг, о котором понятия не имел», и просил денег. Две недели спустя Мария Клемм повторила его просьбу, написав еще одно письмо, в котором утверждала, что «он в ужасном положении из-за вашего нежелания ему помочь». Однако никакими свидетельствами об аресте или задержании По в то время мы не располагаем. Если все это было уловкой, чтобы выманить деньги у Аллана, тогда совершенно ясно, что миссис Клемм пользовалась полным доверием По. В конце года он написал еще два письма бывшему опекуну. В первом он утверждал, что «из-за болезни и неудач в нем не осталось ни капли гордости». «Я признаю, что несчастен и недостоин вашего внимания, однако не оставляйте меня умирать, не подав мне хотя бы надежду на вашу помощь». Две недели спустя он опять написал Аллану, умоляя о помощи: «Во имя любви, которую вы питали ко мне, когда я сидел у вас на коленях и звал вас отцом».

В начале следующего года По получил от своего опекуна запоздалый подарок в двадцать долларов. Возможно, это спасло его от голода. До нас дошли сведения, что летом По ездил в Ричмонд, то ли чтобы взглянуть в глаза Аллану, то ли чтобы заслужить его расположение. Однако прямых доказательств этому у нас нет.

В январе 1832 года журнал «Сэтердей курьер» в Филадельфии отличился тем, что первым опубликовал рассказ По «Метценгерштейн», выдержанный в духе немецкой страшной сказки. В том же году и в том же журнале были напечатаны еще четыре рассказа Эдгара А. По. «Герцог де л’Омлет», «На стенах иерусалимских», «Без дыхания», «Проигранная сделка». Хотя эти рассказы относятся к литературе ужаса и сверхъестественного, в них сильны сатирическая и пародийная стороны. По читал такие журналы, как «Блэквудс мэгэзин», и быстро научился писать то, что было «гвоздем сезона». Однако это не шло ни в какое сравнение с серьезной работой над стихами. Рассказами он зарабатывал на жизнь, и его ироническое презрение отчасти чувствуется в этих мастерских, но все же несерьезных упражнениях в жанре, от которого мурашки бегают по коже. При этом настоящее признание он обрел в мансарде на Механикс-роу.

Как пример возьмем рассказ «Метценгерштейн». Это

вдохновенная захватывающая и в то же время точно просчитанная история кошмара, сюжет которой разворачивается в Венгрии. Речь идет о молодом бароне Метценгерштейне, который, одного за другим потеряв обоих родителей, получает огромное наследство; казалось бы, чего еще можно желать? Однако в беспутной жизни барона проглядывает «нездоровая меланхолия» и первые признаки наследственной болезни. Барон сжигает конюшню своего врага, а потом конь, вытканный на ковре в его комнате, внезапно оживает, «скаля ужасные, как у мертвеца, зубы». В итоге барон скачет на этом коне к своей гибели. Все это красочно и даже увлекательно, но, конечно же, не рассчитано на то, чтобы восприниматься всерьез. Основной целью По было, по-видимому, напугать и удивить довольно многочисленную аудиторию легковерных читателей. Указанной особенности предстояло стать главным парадоксом всего творчества Эдгара А. По.

Жизнь, которую По вел в Балтиморе, относительно неплохо документирована. Он посещал Балтиморскую библиотеку, где продолжал то, что называется самообразованием, а также довольно часто бывал в книжном магазине на Калверт-стрит и в ресторане на Пратт-стрит, где подавали устриц. Он ухаживал за молодой дамой Мэри Деверо, которая жила по соседству и оставила короткое описание своего молодого поклонника. По «не любил пустой болтовни. Не любил темнокожих людей… у него был вспыльчивый, несдержанный нрав, он был очень ревнив и имел сильные чувства, которые не мог контролировать. В его природе не было гармонии, так как он казался слишком умным. По насмехался надо всем, что свято, и никогда не молился в церкви… Часто он говорил, что его существование овеяно некой тайной, которую он не в силах разгадать». Наивная, однако весьма правдоподобная характеристика. Когда они гуляли по городу и по ближайшим холмам, По читал ей Бернса. «Единственное, что мне не нравилось в нем, — добавляет Мэри Деверо, — так это то, как высоко он задирал нос. Он был слишком гордым и свысока смотрел на моего дядю, потому что ему претил дядин бизнес».

Вспыльчивость и несдержанность По ясно проявилась в одной из рассказанных Деверо историй. Она повествует, как однажды, поссорившись с возлюбленным, отправилась к себе домой. По последовал за ней и властно потребовал от ее матери, чтобы та пропустила его к Мэри. В другой раз он якобы «стегнул плетью» ее дядю за то, что тот обидел его, послав «резкое» письмо. Все это вполне согласуется с будущим поведением По, которое бывало

даже эксцентричнее. Более объективные сведения дошли до нас через балтиморского современника По. У писателя была «на редкость хорошая фигура, и держался он очень прямо, словно был приучен к этому. Одевался в черное, обычно весьма потрепанный сюртук застегивал до самого горла, повязанного черным шейным платком». Черное он носил всегда, до самой смерти. Это был его цвет.

Публикация ранних рассказов и сочинение «поденщины», которую до сих пор открывают на страницах канувших в Лету местных газет и журналов, никак не сказались на материальном положении писателя. В апреле 1833 года он написал еще одно отчаянное письмо Джону Аллану, в котором заявил, что у него нет друзей, нет средств и в результате этого нет работы: «Я погибаю — решительно погибаю без всякой поддержки… Ради Бога, пожалейте меня, спасите меня от смерти». Аллан не ответил. Больше они не переписывались.

Однако По не бездельничал. В последующие месяцы он послал в «Нью-Инглэнд мэгэзин» короткий рассказ, один из тех, которые предполагал напечатать под названием «Одиннадцать арабесок». Он предложил прислать и остальные, добавив в постскриптуме: «Я беден».

Финансовое положение По несколько поправилось осенью 1833 года, после того как он отправил несколько рассказов на конкурс, устроенный «Балтимор сэтердей визитер». За лучший рассказ был установлен приз в пятьдесят долларов. Жюри, рассмотрев присланные анонимно рукописи, решило, что «Рукопись, найденная в бутылке» «значительно и намного превосходит все остальные» и награду следует вручить молодому неизвестному автору. Еще По представил стихотворение, за которое рассчитывал получить двадцать пять долларов. И получил бы, если бы жюри не сочло, что две награды сразу — слишком много. Рассказ о сверхъестественном путешествии с призрачной командой и «в хаосе бесформенной воды» был опубликован в начале октября. Собственно, это вариант легенды о «Летучем Голландце», однако с захватывающими, как всегда у По, картинами водоворотов и первозданной пучины.

То был один из триумфов в литературной карьере По. В первый раз он получил признание. Перспектива стать знаменитым и богатым уже не казалась недостижимой. В воскресенье и понедельник после того, как победитель был объявлен в журнале, По посетил членов редакционного совета. Один из них, мистер Лэтроуб, вспоминал, что «его поведение было свободным и непринужденным, и хотя он пришел поблагодарить за то, что считал заслуживающим благодарности,

в его словах и жестах не было никакого подобострастия». Мистер Лэтроуб отметил, что у По «был большой лоб, высокий, как свод храма. Это было главное в нем, все сразу это замечали, а я никогда не забывал». Так часто говорили о По — о том, что в его внешности было нечто незабываемое. Он поведал Лэтроубу, что работает над историей о полете на луну на воздушном шаре, и, увлекшись рассказом, «хлопал в ладоши и притоптывал ногой, как бы подчеркивая основное». Потом он рассмеялся и извинился за свою «восторженность».

Другой редактор, Джон П. Кеннеди, с которым По встретился в то же воскресенье, стал его неофициальным покровителем. Позднее По напомнил Кеннеди «о том абсолютном отчаянии», в котором он пребывал до встречи с ним, «почему и должен теперь возносить великую благодарность не только Богу, но и ему». В дневнике, уже после смерти По, Кеннеди сделал запись о том, что нашел его в Балтиморе голодающим.

У По были теперь основания питать надежду. В октябре «Визитер» объявил подписку на книгу Эдгара А. По под названием «Рассказы Фолио-клуба», которая должна была включать семнадцать сюжетов. Каждый из членов клуба рассказывал свою историю, после чего начиналось обсуждение. Это была, скажем так, витрина, демонстрирующая многообразие По. Рассказы были, говоря словами самого По, «странными, в основном причудливо фантастическими», однако важнее то, что по большей части они задумывались как сатиры на разные литературные стили — от немецкого сентиментализма «Блэквудс мэгэзин» до хлесткого, по последней моде, журнализма. По пародирует таких разных писателей, как Вальтер Скотт и Томас Мур, Бенджамин Дизраэли и Вашингтон Ирвинг. Диапазон был широким, начиная с «Очков», где герой влюбляется в собственную бабушку, и кончая некрофильским «Королем Чумой», да и повествователям даны странные имена, например Оррибиле Дикту или Конволвулус Гондола. В самом деле, юмор По причудлив, однако стоит отметить, что он начинал свою карьеру писателя в первую очередь как сатирик. И что в его произведениях всегда присутствует оттенок водевильности.

Даже в лучшие для него времена юмор По был несколько вымученным. Писатель часто балансировал на грани и получал удовольствие от того, что зовется юмором висельника. По-настоящему он являл свое остроумие в разгромных статьях о других авторах, и в статьях этих маячит едва ли не тень Уайльда. Главный дар По — это сарказм, тон легкого превосходства, смешанного с презрением. Он обожал разыгрывать читателя, описывая воображаемые путешествия в ледяные пустыни или

полет на луну; есть серьезный аргумент в пользу того, что и страшные его рассказы — во многом розыгрыши, где он сознательно накручивал побольше ужасов для легковерных читателей. «Черный кот» и «Сердце-обличитель» представляют собой к тому же упражнения в бурлеске.

В марте 1834 года Джон Аллан умер и, как и ожидал По, ничего не отписал в завещании своему бывшему приемному сыну. Однако, даже предвидя это, По наверняка расстроился. «Теперь я могу полагаться только на себя, — сказал он Кеннеди, — а у меня нет профессии и почти нет друзей». В течение всей своей жизни По постоянно жаловался на отсутствие друзей, словно это подтверждало его сиротский статус. Было время, когда По надеялся, даже не сомневался, что получит большое наследство от своего опекуна. Если бы Фрэнсис Аллан не умерла, возможно, так и случилось бы. Однако По был обречен на бедность, и ему оставалось только жаловаться и возмущаться тем, как незаслуженно его отверг приемный отец.

В добавление к этому, с публикацией «Рассказов Фолио-клуба» ничего не вышло, так как никто не жаждал издавать книгу рассказов американского автора. Местные писатели были не в чести в то время. Выживали лишь те из них, кто имел другие профессии, например дипломата или педагога, либо благодаря семейным средствам. Пальму первенства в культуре завоевали англичане, с той поправкой, что привезенные из Англии книги перепечатывались задаром. В то время не существовало законов, защищавших авторские права. Платить местному автору при том, что можно было не тратить денег, издавая книгу иностранца, многим издателям казалось расточительством. Так что По приходилось несладко. Он был одним из первых по-настоящему профессиональных писателей в истории американской литературы, однако издатели не торопились покупать его творения. Было подсчитано, что весь его гонорар от проданных за двадцать лет книг составил примерно триста долларов.

Есть упоминания о том, что в злосчастном 1834 году, когда По было двадцать пять лет, с ним якобы случился сердечный приступ, что он подвергся тюремному заключению, что какое-то время работал каменщиком и литографом. Однако ни одно из них не подтверждено фактами. Зато известно, что весной 1835 года По обратился с просьбой о должности школьного учителя.

Сохранилось его письмо к Кеннеди, в котором он умолял о помощи. Кеннеди, в то время все еще один из редакторов «Балтимор сэтердей визитер», вняв этой настойчивой просьбе, пригласил По к обеду, однако По отклонил его приглашение на

том основании, что ему нечего надеть: у него лишь один потрепанный черный костюм, который он носит всегда. Кеннеди сразу догадался, насколько беден По, и подарил ему одежду, в которой тот смог приходить к нему на обеды, и даже одолжил ему лошадь для моциона. Он, что называется, спас По, когда тот «был на грани отчаяния».

Весной 1835 года Кеннеди сделал еще кое-что для молодого писателя. Он дал ему то, что По назвал своим «первым стартом в литературном мире», без которого он «не был бы в данный момент среди живых». Кеннеди рекомендовал По некоему Томасу Уиллису Уайту, редактору нового тогда журнала «Сатерн литерери мессенджер», редакция которого располагалась в Ричмонде. Ничего лучшего для молодого писателя нельзя было придумать. Кеннеди сообщил Уайту, что По «очень беден», и рекомендовал ему для публикации произведения молодого талантливого автора. По послал Уайту один из своих рассказов, «Беренику», и тот был мгновенно принят. Потом у По с Уайтом завязалась переписка, и По посоветовал новоиспеченному редактору придерживаться нескольких журналистских принципов. Он предложил поменять шрифт в его издании, а также поработать над стилем статей. «Чтобы вас оценили, — написал он, — вас должны прочесть». В ответ Уайт подверг критике некоторые детали «Береники» как «слишком ужасные», и По признал его правоту. Однако он продолжал настаивать на том, что самые читаемые рассказы непременно содержат «некую нелепость, доходящую до гротеска; страшное на грани кошмара; остроумное — доведенное до степени бурлеска; своеобразное — с оттенком странности. Можете считать это дурновкусием». Таково было творческое кредо По, и этим принципам он следовал на протяжении всей своей писательской карьеры. У него был нюх на то, что привлечет внимание формировавшейся тогда читательской аудитории. Он хорошо понимал преимущества краткости и единства действия; необходимость обращаться к чувствам и не пренебрегать веяниями моды. В течение всей его жизни По не раз третировали, обвиняя в «журнализме», однако именно рискованная и плохо оплачиваемая профессия журналиста стала питательной почвой для его гения.

Оценив добрый совет относительно редакторской работы, который дал ему По, Уайт в июне 1835 года предложил ему место в журнале. Принятие этого предложения означало бы переезд в Ричмонд. Однако перспектива получить работу и жалованье стоила некоторых неудобств. По тотчас ответил согласием, пообещав стать сотрудником «Сатерн литерери мессенджер», и сделал вид, будто «счастлив обосноваться» в родном городе. Итак,

летом 1835 года По вернулся в декорации своего детства.

По снял меблированную комнату в пансионе и после некоторого периода, когда он уклонялся от прямого ответа, безуспешно пытаясь получить место учителя в Ричмондском колледже, в конце концов дал согласие Уайту стать его сотрудником с месячным окладом в шестьдесят долларов. Впервые у По появилась перспектива на длительное и устойчивое положение. Совершенно случайно вышло так, что редакция «Мессенджера» располагалась неподалеку от конторы фирмы «Эллис и Аллан», то есть бывшего владения Джона Аллана, что каждодневно напоминало По об изменении его статуса, или, как он говорил сам, «касты». В общем-то, исполнял в основном работу литературного поденщика. Пока Уайт разъезжал в поисках подписчиков, По почти полностью заполнял журнал своими материалами. Он писал рецензии, короткие юморески — в общем, всякую всячину, причем в довольно сжатые сроки; к тому же он переплетал и отправлял подписчикам вышедшие в свет экземпляры. И все время дышал печатной краской. Журнал выходил в свет каждый месяц и стоил подписчикам пять долларов в год за тридцать две двойных полосы в формате ин-октаво. Заполнить их было непростым делом.

В августе, однако, довольно шаткий баланс существования По подвергся нешуточной атаке. Мария Клемм сообщила, что Нельсон По, кузен Эдгара По, готов приехать и обучать ее дочь Вирджинию за собственный счет. Так как предположительно уже существовала договоренность, что Эдгар По когда-нибудь женится на Вирджинии, то он ответил истерическим письмом, начинавшимся: «Меня слепят слезы, когда я пишу это». Далее он заявлял: «У меня нет желания жить, и жить я не буду», так как, насколько «вам известно, я страстно и преданно люблю Вирджинию». Перспектива потерять юную девушку, как он потерял мать и Джейн Стэнард, казалось, лишила его последних сил. «Господи, помоги мне. Зачем *я живу?* Зачем мне жить среди чужих мне людей, из которых *ни один не любит меня?*» В конверт он также вложил письмо для Вирджинии, в котором назвал ее «моей прекраснейшей Сисси, моей чудесной маленькой женушкой» и попросил не «разбивать сердце кузена Эдди».

По пригласил миссис Клемм вместе с дочерью переехать к нему в Ричмонд и соврал, что «приобрел миленький домик в уединенном местечке». Подобный «домик» существовал только в воображении По. У него была склонность верить в то, что написанное им так или иначе воплощается в жизнь.

Сиюминутного разрешения проблемы не последовало, и по

прошествии месяца По совсем приуныл. В письме из Ричмонда он пожаловался Кеннеди, что чувствует себя «глубоко несчастным, непонятно почему». Довольно странное признание, ведь он знал, что причина его депрессии в возможности навсегда потерять Вирджинию. Вероятно, написать такое По заставила потребность в постоянном сочувствии окружающих, неутолимая жажда любви и внимания. К тому же он начал много пить. Уайт написал одному своему другу, что По «к сожалению, довольно беспутен, почему я вряд ли могу на него положиться». Один из печатников «Мессенджера» вспоминал, что «мистер По был прекрасным человеком, пока не напивался. Он был добр и учтив, и таким все любили его. Но стоило ему выпить, и человека неприятнее трудно было вообразить».

В сентябре По неожиданно освободил свой стол в редакции. Он «съехал с катушек», как выразился Уайт, добавив, что его «совсем бы не удивило», если б он узнал, что По «свел счеты с жизнью». Однако По не убил себя. Он возвратился в Балтимор, где, как считается, тайно обвенчался с Вирджинией. Доподлинно об этом неизвестно, но ясно, что какая-то договоренность была достигнута. Брак, скорее всего, стал для По единственным способом удержать Вирджинию. Так как ей исполнилось всего тринадцать лет, то соблюсти тайну было весьма желательно.

В конце того же месяца По написал Уайту, прося восстановить его в «Мессенджере». Уайт согласился на том условии, что По станет воздерживаться от спиртного. «Человек, пьющий до завтрака, не может не вызывать опасений, — сказал он. — Нельзя пить и в то же время хорошо делать свое дело». Итак, По опять стал много пить. В двух-трех рассказах этого периода люди сидят за столом и пьют, а между ними сидит смерть. Пространство замкнуто и освещено масляными лампами или факелами. Это трактир, порожденный горячечным воображением, где опьянение и смерть — сумрачная часть реальности. По видел такие трактиры в Нью-Йорке, так же как и в Ричмонде; в них лестница вела с улицы вниз в залу, отличавшуюся от обычного подвала лишь деревянной стойкой, деревянными скамьями и тем, что грязный пол там был утоптан множеством ног. По неплохо изучил подобные клоаки.

В начале октября он вернулся из Балтимора в Ричмонд. Приехавшие с ним Мария Клемм и Вирджиния поселились в меблированных комнатах, а вовсе не в обещанном «миленьком домике». Постороннему глазу семейство могло показаться связанным лишь родственными узами: холостяк, а с ним его родственница с маленькой девочкой, о которой она нежно

заботится. Почти сразу по приезде Мария Клемм пишет письмо близкой своей приятельнице, признаваясь: «Мы полностью зависим от Эдгара. Ведь он мне как сын и всегда был мне сыном…»

Уайт назначил По редактором «Мессенджера», оставив себе роль хозяина, и поначалу По с удовольствием выполнял новые свои обязанности. Теперь, когда причина его депрессий была устранена, он бросил пить и пишет Кеннеди, что «мужественно сражается с врагом». В том же письме он утверждает, что его здоровье «лучше, чем в прежние годы, мозг работает плодотворно, исчезли финансовые трудности. Похоже, что впереди меня ждет успех…».

И он постоянно писал. После того как «Сатерн литерери мессенджер» опубликовал «Беренику», По передал в распоряжение журнала и другие свои рассказы. Так, в декабрьском номере появляется рассказ «Рукопись, найденная в бутылке», незаконченная драма под названием «Политик», два-три материала для заполнения журнальных пустот и не менее девятнадцати рецензий на книги, а за предшествующие девять месяцев он опубликовал шесть новых рассказов, среди которых «Необыкновенное приключение некоего *Ганса Пфааля*», «Морелла» и «Король Чума».

Критические работы По сразу же привлекли внимание, поскольку умный анализ сочетался в них с едким сарказмом. В результате репутации некоторых из моднейших авторов был нанесен существенный урон. В своей критике По бывал подчас груб и даже жесток. Его недовольство миром частично проистекало из его недовольства собой. Приведенное Юнгом замечание Парацельса вполне уместно и применительно к По: «… когда человек неосознанно действует себе во вред, возникают нетерпимость, возбудимость и бесплотное желание любой ценой сокрушить противника». По, несомненно, нравилось поднимать шум или «устраивать скандалы», особенно если жертвой скандала становились авторы из Нью-Йорка или Новой Англии. Он не скрывал своих «проюжных симпатий» и не готов был склоняться перед авторитетами своих северных коллег, признавая все их притязания. И он весьма заботился о собственной репутации, жаждал славы, жаждал производить впечатление и все для этого делал.

Журналистика его имеет лишь историческую ценность, а вот рассказы выжили. В каком-то смысле тон всем им задала «Береника». Этот рассказ, сюжет которого — столь характерный для По кошмар — несет в себе отпечаток болезненности с примесью сентиментальности, повествуя о смерти и порочной

страсти. Сюжет развивается медленно и продуманно, с ритмическим использованием полнозвучных гласных. Такая проза надолго остается в памяти — начало, подобное похоронному звону колокола: «Печаль многосложна. И многострадальность человеческая необъятна…»[14] — и все дальнейшее, когда несчастливый и неудачливый повествователь по имени Эгей женится на своей кузине Беренике, чахнущей из-за какой-то непонятной болезни. Женившись, Эгей становится жертвой еще более странной мании — его преследуют, одновременно маня и отвращая, зубы возлюбленной. Как это часто бывает у По, девушка безвременно умирает. Оправившись от страшного горя и помрачения рассудка, Эгей осознает, что вырвал зубы у своей возлюбленной, пока она была еще жива и подавала признаки жизни. На этом рассказ обрывается. К таким неожиданным концовкам По нередко прибегает для пущего эффекта. Намеренная незавершенность призвана усилить ощущение неопределенности и тревоги. Для произведений По характерна некая неоднозначность содержания, смысл которого читатель постигает как бы вместе с автором.

Разумеется, «Береника» создана в традициях готической литературы, но с особенностями, присущими творческой манере По. Дело в том, что ужас и болезненную патологию По помещает в центр повествования. Настойчивый повтор связанного с зубами мотива, возможно имеющий источником испитую внешность погибшей от чахотки матери По, можно проследить и в некоторых других его произведениях; фантазия По соединяет, сплавляет в единый конгломерат погребение заживо, некрофильское тяготение к тлену и останкам. Так намертво спаяны в его произведениях смерть и красота. Когда он описывал ужасы, инстинктивно тяготея к ним, фантазия преображала их в нечто высокое и святое, перенося в местность, наполненную благоуханием, где звучат лишь отголоски действительного мира.

Не исключено однако, что По мог бы с презрением отвергнуть подобные умозаключения, так как он весьма точно рассчитывал все свои эффекты, ни на минуту не забывая о поставленной задаче и держа под абсолютным контролем свое повествование. Важно и то, как часто вносил он в текст поправки, иногда и полностью менял написанное. Не лишне отметить, что писал он каллиграфическим почерком, аккуратно складывая листы рукописи и соблюдая абсолютный порядок.

Здесь точка, в которой хаос смыкается с иронией, и трудно сказать, не смеялся ли подчас По над некоторыми из своих выдумок. Однако расчет и преднамеренность вовсе не всегда бывают несовместимы с выражением глубочайших страхов. По

так свыкся со своими тревогами и так глубоко проникся ими, что всегда умел заразить ими читателя. Но для того чтобы в точности описать их, нужны упорядоченность и дисциплина. Это как разница между невольно вырвавшимся рыданием и плачем профессиональной плакальщицы.

Весной 1836 года По официально женился на Вирджинии; по-видимому, тайная его женитьба, если она конечно же имела место, так и осталась тайной. Свидетель официальной церемонии Томас В. Клеланд поклялся, что невесте «полный двадцать один год». Так как Клеланд был благочестивым пресвитерианцем, то он вряд ли позволил себе солгать священнику, — следовательно, в заблуждение о возрасте Вирджинии ввел его сам По. Солгала, по-видимому, и Мария Клемм. Вирджинии было на семь лет меньше заявленного, да и при малом ее росте она не выглядела на свой-то возраст. Странный получился союз. Не то чтобы незаконный, но необычный.

Новобрачный отважился на короткий медовый «месяц» в Петербурге, в штате Вирджиния, хотя вряд ли брак их уже тогда получил положенное физическое выражение, что естественно для По, который склонен был идеализировать своих возлюбленных, переводя отношения с ними в область платонических. Результатом является предположение, что физической стороны любви он чурался вообще, возможно будучи импотентом. Но все это область домыслов, как и то, что физическая близость с его девочкой-женой, если она и случилась, имела место позже. Спустя несколько лет По заявил, что «женился ради счастья ближних, когда понял, что… самому счастливым не бывать». Он любил пожалеть себя и задним числом.

В этот относительно мирный период его жизни авторское честолюбие По значительно возросло и укрепилось. Он отправил нью-йоркскому издателю рукопись «Рассказов Фолио-клуба», а некий друг-литератор посоветовал ему разделить «Рассказы» на два выпуска, так как «это хорошо для продажи». И По решил последовать его совету. Будь в те времена литературный рынок, он бы всем разослал свою рукопись. Тогда же По начал писать «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима», первая часть которой была напечатана в «Сатерн литерери мессенджер» в 1837 году. Однако прежде чем повесть вышла в свет, По изгнали из журнала. И опять причиной стало его пьянство. В сентябре 1836 года Уайт сделал ему предупреждение, продлив договор с ним на определенных «условиях», — но в декабре По «опять нарушил» эти условия. Один из современников, проживавших в Ричмонде, свидетельствует, что «стоило По выпить (а с ним это теперь

случалось частенько), и работать он не мог». Он срывался в «загул», и тогда требовать от него чего-либо было бесполезно. Как признавался сам По, ему приходилось тогда несколько дней проводить в постели, ссылаясь на «болезнь».

Итак, По в 1837 году был уволен. Тремя неделями позже Уайт написал в письме другу о том, что «Мессенджер» «выстоит, пережив тот урон, который нанес ему По своей деятельностью». Однако никакого «урона» не было и в помине. При По журнал привлек к себе больше внимания, чем когда-либо в последующем. При По тираж увеличился с семисот до трех тысяч пятисот экземпляров. Более того, именно тогда журнал напечатал некоторые из шедевров американской литературы. По уже в то время являлся крупнейшим американским прозаиком. Но лишь немногие из критиков это понимали.

До конца января По оставался в Ричмонде, продолжая досаждать Уайту. «Он постоянно клянчит у меня деньги, — писал Уайт. — А его писания надоели мне не меньше, чем он сам». В конце февраля По со своим небольшим семейством уехал в Нью-Йорк. Шесть лет назад он уже провел в этом городе несколько несчастливых месяцев, однако память о нищете и страданиях, которые он тогда претерпевал, не помешала ему вернуться. Так было предначертано. Знаменательны начальные строки «Сиопы, или Тишины»: «„Внемли мне“, — молвил Демон, возлагая мне руку на голову».[15]

Глава шестая
Редактор

Чета По и Мария Клемм сначала поселились в меблированных комнатах на Уэверли-плейс в Гринвич-вилледж, а потом, в 1837 году, в нескольких кварталах оттуда на Кармин-стрит. Их сосед по Уэверли-плейс описывал По как «одного из самых любезных, воспитанных и умных людей, с какими мне только приходилось встречаться» и добавлял, что «никогда не видел его хоть чуточку выпившим». И все же для По это было трудное время, особенно если учесть разразившийся весной финансовый кризис, сопровождаемый паникой. В этих безнадежных обстоятельствах По пытался найти журналистскую или репортерскую работу. Об успехах в этом не сохранилось никаких свидетельств. За год было напечатано лишь два рассказа По: «Фон Юнг — мистификатор» и «Сиопа». Выпуск «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» в «Мессенджере» по прошествии двух лет прекратился. Непонятно, каким образом По и его семья сводили тогда концы с концами. Не исключено, что Мария Клемм сдавала комнаты внаем на Кармин-стрит. Судя по дошедшему до нас печатному изображению, дом был достаточно большой, чтобы вместить некоторое количество постояльцев, — однако другие источники дохода нам неизвестны.

Разразившийся кризис привел к голоду и множеству смертей. Сохранившиеся регистрационные записи указывают на то, что зимой 1837 года писатель приходил в бесплатную амбулаторию в Гринвич-вилледж, чтобы получить лекарство от сильнейшей простуды.

Так что неудивительно, что в начале 1838 года небольшое семейство вернулось в Филадельфию. У По была привычка чуть что отправляться в путь в поисках лучшей доли. Нигде он не чувствовал себя дома.

Филадельфия с ее пересекающимися под прямым углом улицами была похожа на шахматную доску, брошенную между реками Скулкил и Делавэр; это был один из самых старых и в то время самых больших городов в Соединенных Штатах. Город был шумным и постоянно расширялся. Но По все это не вдохновляло. Наверное, он чувствовал себя там песчинкой.

По и Мария Клемм вновь поселились в меблированных комнатах. Положение их, по всей вероятности, было отчаянным. Хозяин дома вспоминал, что «им в буквальном смысле было нечего есть» и «они неделями питались хлебом с черной патокой».

Несколько недель спустя они перебрались в другой дом, а потом в конце года — в третий. Чем занимался тогда По и как жил он, неизвестно, единственное свидетельство — его письмо, в котором говорится о «несчастном существовании литературного поденщика», каким он стал, и его «разбитом сердце». По опять занялся журналистикой: писал очерки и рецензии на заказ. Он обратился к новому министру военно-морских сил с просьбой предоставить ему канцелярскую работу — *«все, что угодно, на море или на суше»,* — но замысел провалился.

При этом писательскую деятельность По продолжал. Наверное, в Филадельфию он переехал в первую очередь потому, что город этот был тогда издательским центром, где выходили в свет такие журналы, как «Сэтердей ивнинг пост» и «Джентльменс мэгэзин». В Филадельфии выпускалось ежедневно семь утренних газет и две вечерних. Однако найти постоянную работу поначалу оказалось не так-то легко. Некоторую стабильность принес выпуск в свет «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» отдельной книгой, осуществленный летом нью-йоркским издательским домом «Харперс». Насколько известно, сам По никогда не был в восторге от своего первого и последнего, как он называл это произведение, «романа». Два года спустя он заявил, что сочинил «глупейшую книгу». Вердикт кажется нам слишком суровым. На самом деле это до крайности неправдоподобная история, полное наименование которой «Повесть о невероятных приключениях и открытиях», обладает странным очарованием, сходным с тем, что излучала и сама личность По, его мрачная и беспокойная натура. Надо сказать, По многому научился у Дэниеля Дефо, также старавшегося соблюдать правдоподобие деталей, дабы вызвать доверие к самым диким своим фантазиям.

Первые главы рисуют нам Артура Гордона Пима замкнутым в тесном пространстве между палубами корабля. В этом описании отразилось смятение самого По, муки его духовной жизни. Его манили и в то же время страшили замкнутость и уединение; это явственно сквозит в напряженной болезненности его стихов. В следующих главах Артур Гордон Пим становится жертвой жестокого мятежа, терпит кораблекрушение, страдает от голода, его берут в плен каннибалы, в общем повествование приобретает пародийный оттенок. По — художник невероятного. Стоя на краю бездны, Пим не в силах удержаться, чтобы не заглянуть в нее: «Всю душу мою наполнило *желание упасть* — даже не желание, а непреодолимая жажда, влечение, страсть».[16] Это чистый По с его неодолимой потребностью в кошмарах. По стал крупнейшим из создателей англоязычной фантастики, потому что сумел коснуться самых потаенных и глубоко запрятанных в

человеческой душе страхов. В финале поток тащит лодку Пима «в объятия водопада». Это один из центральных образов искусства По. А потом появляется некая фигура в саване, размерами превосходящая обычного человека, кожа у этого существа «изумительно белая, как снег». Пустынное и загадочное пространство тянет к себе По, но что это за пространство, По до конца не рассказывает.

Книга была оценена, что называется, «неоднозначно» и не стала финансово успешной. По оказался в таких стесненных обстоятельствах, что был вынужден согласиться на унизительные условия: авторизовать своей подписью уже издававшийся текст. «Первая книга конколога» Эдгара Аллана По есть не что иное, как сокращенная версия «Руководства конколога» Томаса Уайетта, который прибег к помощи По, отчаявшись уговорить первоначального своего издателя на сокращенный вариант. Ирония заключается в том, что именно этой книге, единственной из всех, вышедших под именем По, удалось выдержать два издания еще при жизни По.

В том же году По удалось опубликовать в «Американ мьюзеум оф литерачер энд артс» рассказ «Лигейя». Это история о метемпсихотическом[17] ужасе — поглощении души рассказчика душой его жены Лигейи, женщины колоссальной воли и учености. Рассказчика завораживают глаза жены, «черные и огромные». По признавался, что в основу рассказа легло собственное его сновидение, в котором его неотступно преследовал взгляд женщины. После смерти Лигейи рассказчик не может прийти в себя от «чувства полного одиночества», основного чувства, лейтмотива, если можно так выразиться, всего творчества По. Мучаясь от одиночества, рассказчик женится на англичанке, которую он не любит и не уважает. Отвращение к ней мужа подрывает здоровье англичанки, и после ее смерти в закутанном в саван трупе начинают проглядывать черты Лигейи. Тогда он громко кричит: «Это они — огромные, и черные, и пылающие глаза моей потерянной возлюбленной… леди… ЛЕДИ ЛИГЕЙИ!»[18] Мертвые не исчезают полностью — мысль о выходцах с того света кажется По утешительной. Позднее он писал: «„Лигейя“ — мой лучший рассказ». Думать так его заставляла уверенность в том, что здесь цель, которую он ставил перед собой, была достигнута в полной мере. По был расчетлив. Он никогда не забывал о цели и не давал сбить себя с толку, как бы странно и прихотливо ни развивался сюжет. Писатель очень точно и аккуратно выверял и подготавливал свои эффекты.

В конце 1838 года По признает, что вновь очутился в

отчаянном положении. Лишь «путем самых болезненных жертв», по его собственным словам, он сумел заплатить за аренду предыдущего своего жилища. Семейству пришлось перебраться в дом поменьше на Шестнадцатой улице. Тем не менее в их жизни, где властвовали самые непредсказуемые случайности или неуловимый и изменчивый рок, образовалась некоторая отдушина. Поздней весной 1839 года По предложил себя в качестве помощника редактора в «Джентльменс мэгэзин». Редактор Уильям Э. Бартон ответил, что хочет сформировать некое сообщество, «подобное тому, какое предлагаете вы», и что он не знает никого другого, кто был бы так близок ему по взглядам. В своем первом письме По, вероятно, набросал план «идеального» литературного журнала, который мог распространить свое влияние на всю страну. Бартон предложил По отнюдь не королевское жалованье в 10 долларов в неделю, уверив По, что его обязанности займут не более двух часов в день, так что у него останется время для «любого другого приятного ему времяпрепровождения». «Приятным времяпрепровождением» он, по-видимому, именовал собственное творчество писателя. Начало не производит впечатления удачного. Да и Бартон был необычным редактором. Английский комический актер, специализировавшийся на диккенсовских ролях Микобера и капитана Каттла, переехал в Соединенные Штаты, желая стать литератором. Позднее По назвал его «фигляром».

Итак, По начал с того, что написал для «Джентльменс мэгэзин» (известного и как «Бартонс мэгэзин», или, что еще нелепей, «Бартонс джентльменс мэгэзин») ядовитую рецензию на балтиморского поэта Руфуса Доуса, которую Бартон запретил печатать из-за ее чрезмерной суровости. Будучи в подавленном настроении, По написал Бартону письмо, на которое редактор ответил так: «Несчастья мира наложили мрачный отпечаток на ваши чувства, с чем вам желательно бороться». Тем не менее в следующем месяце, то есть в июне 1839 года, По формально получил в журнале должность помощника редактора. Томас Данн Инглиш, молодой поэт, который частенько наведывался в редакцию журнала, вспоминал По вечно «одетым в черный, простенький и довольно потрепанный сюртук». И еще он замечал, что «у него были большие горящие глаза, пронизывающий взгляд, манеры же были простыми и естественными, как это и свойственно воспитанному человеку, а его тон и рассуждения завораживали».

Однако проза По завораживала вовсе не всех, и, во всяком случае, она не завораживала тех современных ему писателей,

которых автор презирал. По прямо заявил, что в своих статьях он не собирается «помогать тем, кому он может помочь *лишь замолчать*». Он был абсолютно уверен в своих силах. Он был уверен в своем таланте. Когда он видел, как другие выстраиваются впереди него и получают похвалы за то, за что его жестоко критикуют, он впадал в ярость. Это было невыносимо. Понемногу он заработал репутацию сварливого и ядовитого критика. Несомненно, ему это было неприятно, и он обижался на литераторов Бостона и Нью-Йорка, однако вызов, с которым он встречал обиды, тоже не имеет себе равных и говорит о человеческой уникальности По. Ему было известно, что его не любят. «Вы говорите о „врагах“, — писал он балтиморскому журналисту, — а вы не могли бы сообщить мне их имена?»

Но получал он и похвалы. В статье в «Сент-Луис баллетин» говорилось, что «за вычетом Нила, Ирвинга и Уиллиса, никого в этой стране нельзя поставить рядом с По». Следует отметить, что По с жадностью ждал похвал и любил при случае упомянуть о благосклонных отзывах. Он написал Джозефу Эвансу Снодграссу, тогдашнему редактору «Американ мьюзеум», и попросил включить этот отзыв в какой-нибудь из обзоров «Джентльменс мэгэзин». В другой раз он сообщил Снодграссу, что сам Вашингтон Ирвинг «написал мне два письма, в которых высоко оценил мои рассказы». Некий современник отмечал, что ни один «из живущих писателей не любил так похвалы, как любил их он, и стоило мне заговорить с ним о достоинствах его произведений, как грудь у него начинала вздыматься, будто штормовое море». Несмотря на явную его гордыню, По была свойственна острая жажда аплодисментов и признания. Вероятно, так проявлялось его сиротство в этом мире.

По и в самом деле заслуживал похвал. Некоторые из его лучших рассказов были напечатаны в «Джентльменс мэгэзин», среди них «Падение Дома Ашеров» и «Уильям Уилсон». Эти рассказы вместе с еще двадцатью тремя вошли в два тома «Гротесков и арабесков», выпущенных издательством «Ли и Бланшар» в конце 1839 года. В коротком предисловии По ответил тем критикам, которые обвиняли его в «германизме» и «мрачности». «Если во многих из моих сочинений предметом является ужас, — писал он, — то этот ужас не имеет отношения к Германии, он в моей душе».

«Ужас» души стал сюжетом рассказа «Падение Дома Ашеров», привлекшего естественное и всеобщее внимание. С годами рассказ этот, или скорее поэма в прозе, сделался классикой жанра. Во многом благодаря этому рассказу столь разные писатели, как Бодлер и Метерлинк, называли По своим учителем.

Это история о невообразимых извращениях психики, перенесенная и в фантастическую, и в реальную обстановку, история, исполненная крови, мрака и тайны.

Родерик Ашер, последний представитель древнего захудалого рода, живет в особняке, окутанном «тлетворными таинственными испарениями, тусклыми, медлительными, едва различимыми, свинцово-серыми».[19] Существование Родерика проходит в постоянном, леденящем кровь страхе, который разделяет с ним его сестра, леди Мэдилейн, доживающая там же в особняке свои последние дни, страдая от тяжелой болезни, от которой ее не может спасти ни один врач. Она испускает последний вздох, когда повествователь еще находится в доме, и Родерик Ашер решает оставить ее труп на две недели в одной из ниш в стене старинного особняка. Далее начинается фантасмагория: стены раскачиваются, слышится металлический скрежет и раздается «немыслимый крик, от которого холодеет кровь». Худая как скелет и вся в крови, леди Мэдилейн поднимается со своего смертного ложа. Она была похоронена еще живой, однако при виде брата в самом деле умирает и тащит брата за собой. Рассказчик в ужасе убегает. Дом раскалывается пополам и падает в черное озеро или попросту в пруд, где и смешиваются органические и неорганические остатки. Мрачный, мастерски выстроенный сюжет с невероятным искусством можно интерпретировать по-разному, психологически и психопатически. Вот почему он и оказывается столь долговечным.

Многие рецензенты высмеивали «Гротески и арабески» как «неряшливые» или «бредовые», но были и другие критики, которые заговорили об уникальности прозы произведений По. Например, рецензент из «Американ мьюзеум» различил в рассказах «печать гения», а «Алекзэндерс уикли мессенджер» поставил По «в первый ряд американских писателей», тогда как «Сэтердей курьер» сравнила По с Кольриджем. Иногда утверждают, что По вел жизнь отшельника, что при жизни его не ценили. Разумеется, это не так. Многие хвалили и даже превозносили его. Он считался одним из самых знаменитых американских писателей, что, однако, не избавляло его от нищеты и лишений.

Так, за новое издание «Рассказов» он не получил ничего, не считая нескольких экземпляров, которые он мог продать сам. Двухтомник его распродавался плохо, и через два года издатели информировали По, что семьсот пятьдесят экземпляров издания остались нераскупленными.

Нищета вынудила По вновь поменять жилье, правда на сей раз удачно. С Шестнадцатой улицы семья перебралась в

трехэтажный кирпичный дом вблизи реки Скулкил, находившийся на другом конце города, зато куда как более дешевый. Вблизи реки По чувствовал себя свободнее; он любил плавать, нередко отправлялся в путешествия на лодке. Очень часто, будучи на реке, он переставал грести и погружался в сны наяву. Миссис Клемм хозяйничала по дому, а Вирджиния занималась садом.

Однако полностью укрыться в своем убежище По не удавалось. Томас Данн Инглиш вспоминал, как «шел вечером домой и увидел человека, который никак не мог подняться из сточной канавы. Предположив, что некто споткнулся и упал, я наклонился и помог ему. Оказалось, это был По». Инглиш предложил проводить По до дома, и тот пошел, «выписывая по дороге кренделя и зигзаги». Чарльз Диккенс считал Филадельфию «красивым городом, но уж слишком правильным»: «Погуляв по Филадельфии пару часов, я почувствовал, что готов бросить ее ради какого-нибудь кривого переулка». По нашел собственный способ превратить прямую улицу в «кривую».

Когда в конце концов По и Инглиш добрались до дома, Мария Клемм открыла дверь и закричала: «Вы напоили Эдди, а теперь притащили его домой!»

Два-три дня По не приходил в редакцию, а при следующей встрече с Томасом Данном Инглишем «ощутил искренний стыд из-за случившегося». Он уверил Инглиша, что такого с ним «никогда не бывало» и больше никогда не повторится. Однако несколько недель спустя Инглиш узнал, что По «нашли ночью на улице пьяным до беспамятства». Правда, пил тот не регулярно, но уж коли начинал пить, остановиться не мог, погружаясь в красный туман. До нас также дошли свидетельства того, что По не раз попадал в «дурные компании». Вне всяких сомнений, Уильям Бартон, наниматель По, весьма разочарованный в своем сотруднике, жаловался всем и каждому из околачивающихся в редакции типографов, поэтов-рифмоплетов и литературных сотрудников, что, мол, По пьет в рабочее время.

Поэтому или по другой причине, но Бартон терял интерес к журналу. Он затеял строительство в Филадельфии театра, гордо называемого Национальным, и в мае 1840 года выставил «Джентльменс мэгэзин» на продажу. Узнав о его намерениях, По решил немедленно объявить об открытии собственного журнала.

Разрыв между владельцем и редактором был неизбежен. В конце месяца По ушел из журнала, вернее, он объявил, что уходит «из-за принципиального отвращения» к «придиркам, высокомерию, невежеству и грубости» Бартона. Он начал серию приключенческих рассказов для «Джорнал оф Джулиус Родман»,

однако бросил их буквально на полуфразе. Так они и остались недописанными. На страницах «Джентльменс мэгэзин» Бартон отомстил По тем, что напечатал извинительное письмо подписчику, чье имя было «вычеркнуто из списка сотрудником, „пороки“ которого и без того доставили много неприятностей журналу». Тогда, в ответ, По назвал Бартона «негодяем» и «фигляром». Короткое сотрудничество закончилось очередной катастрофой.

Тем временем По всерьез задумался об альтернативном журнале. Он довольно долго размышлял над своей затеей, а в июне сочинил проспект того, что назвал «Пен мэгэзин», обыграв два слова — «пен» (ручка) и Пенсильвания. От своих авторов По ждал «разносторонности, оригинальности и остроты»; заявил, что к его журналу «можно будет всегда обратиться за честным и безбоязненным мнением обо всех временах и обо всех предметах» и что его журнал будет представлять литературу «самого высокого уровня». И стоить он будет пять долларов в год. По был убежден, что журнал принесет ему состояние и одним махом избавит от давления так досаждающих ему владельцев. И еще он был убежден в том, что способен преобразовать, нет, создать заново американскую литературу.

Почти незамедлительно По вступил в переписку с редакторами, издателями и журналистами в надежде на полновесный подписной лист. К началу декабря он намеревался собрать не меньше пятисот подписей, которые обеспечат его детищу прочный фундамент. Он даже написал практически всем членам семейства По, рассчитывая на их поддержку. Одновременно По собирал материал для первого номера, который намеревался подготовить к началу 1841 года. Однако на этом этапе амбиции его далеко превосходили его достижения. Предварительная работа показалась ему «трудной и требующей немереных сил», и к концу года некая недиагностируемая болезнь уложила его на месяц в постель. «Жестокая хворь», как он сам назвал ее, с легкостью изменила его планы. Выпуск первого номера был отложен с января 1841 года на март того же года. А в феврале опять начался кризис, или паника, и большие банки в Филадельфии и на Юге были вынуждены прикрыться. Для замысла По трудно было придумать время хуже. Все рухнуло. Опять, как всегда, вмешалась злая судьба.

Что делать дальше? В беспокойной, нищей жизни По нужен был хотя бы ничтожный шанс, чтобы спасти свою семью. И этот шанс явился ему в виде «Джентльменс мэгэзин». Уильям Бартон продал журнал Джорджу Рексу Грэхему, молодому адвокату из Филадельфии, и тот мгновенно поменял название на «Грэхемс

ледис энд джентльменс мэгэзин». Однако, не имея достаточного литературного и журналистского опыта, он нуждался в помощнике. Не исключено, что Бартон сам рекомендовал ему человека, которого за восемь месяцев до этого уволил из своего журнала. Вражда в этом мире редко длится долго. Итак, весной 1841 года Грэхем предложил По место редактора раздела книжных рецензий с жалованьем восемьсот долларов в год. По немедленно согласился — с «большой радостью», как выразился он сам, — и снова принялся работать по найму.

Сентиментальный и приторно-слащавый, с нравоучительными стишками, гладенькими, робкими «триллерами», с картинками, изображающими домашних животных и детей, журнал оказался далеким от того идеала, который рисовал себе в мечтах По. И все же он отмел предубеждения, после чего за два года опубликовал на страницах журнала семь новых рассказов, пятьдесят одну рецензию и пятнадцать эссе. Именно здесь впервые появились такие рассказы, как «Убийства на улице Морг» и «Низвержение в Мальстрем».

Однако По считал журнал Грэхема прибежищем временным, призванным спасти его от сиюминутных и преходящих неприятностей. Так что уже через пять месяцев после того, как предложение было принято, он активно искал место чиновника в кабинетах вашингтонских политиков. Его посредником был Фредерик В. Томас, с которым он познакомился годом раньше на собрании в Филадельфии. Томас был романтиком, журналистом и приятелем Генри, брата Эдгара А. По; он тоже изрядно пил и мечтал о литературной славе. Они подружились. В сущности, Томас стал одним из немногих близких друзей По. У Томаса имелась в Вашингтоне синекура: просеивание обращений и заявок, поступавших в Министерство финансов, и он предложил По подыскать ему нечто подобное. По воспринял это с энтузиазмом. Он «совершенно серьезно отнесся» к идее приятеля, признавшись ему: «Несмотря на неизменную вежливость Грэхема и его искреннюю доброту, я питаю все большее и большее отвращение к журналу». По уже было невмоготу переносить положение поденщика в сером издании.

Тем не менее в это время По зарабатывал больше денег, чем когда бы то ни было. Одному из знакомых он сказал, что «умерен, как пуританин», и впервые в его взрослой жизни у него не было долгов. Он приобрел непривычно роскошные вещи, включая кровать с пологом на четырех столбах, фарфоровый обеденный сервиз и, для Вирджинии, пианино и арфу. Стал постоянным посетителем на литературных обедах, общался с другими писателями и издателями и сделался частым гостем в доме

Грэхема. Известно, что Мария Клемм нередко поджидала зятя в кухне Грэхема с явной целью уберечь По от излишних возлияний и в целости и сохранности доставить домой.

Надежда на должность в Вашингтоне, подобно всем надеждам По, не осуществилась. Тем не менее осенью 1841 года По договорился с Грэхемом о том, что остается редактором еще на год. Для Грэхема это была удача. Тираж журнала вырос с пяти до двадцати пяти тысяч, и причиной такого роста стали в первую очередь публикации там рассказов и рецензий По. Благодаря По журнал «Грэхемс мэгэзин», как его повсеместно называли, очень скоро стал самым читаемым и раскупаемым ежемесячником в Америке.

Однажды По назвал себя «до мозга костей человеком журнальным». Он и вправду обладал чутьем журналиста. Он заранее предвидел результат, мог предсказать, как будет воспринята новинка, интересовался всевозможными поветриями и увлечениями публики, будь то френология или запуск шаров-зондов, и тонко чувствовал вкус публики, ее страсть к «сенсациям». Одному из своих корреспондентов он писал, что тенденция времени — это литература журнальная: «немногословная, напряженная по сюжету, написанная с оглядкой на время и легко усваиваемая в отличие от старых творческих форм, где царят многословие и скука…» Это могло бы служить определением принципов и самого По, который отлично чувствовал конъюнктуру.

После смерти По в некрологе, написанном Грэхемом, говорилось, что он был «педантичным и неутомимым в своем деле человеком — поистине во всем человеком чести… И во всех мелочах он проявлял аккуратность банкира». Грэхем превозносил По: «изысканное джентльменство» и «преданность мужа», которые он неизменно демонстрировал «в борьбе с враждебной судьбой». Одна деталь, упомянутая Грэхемом, помогает понять уклад жизни семейства По: «Все жалованье, которое он получал от меня ежемесячно, мгновенно оказывалось в руках его тещи…»

По решил, что написал достаточно для «Грэхемс мэгэзин» и других журналов и может предложить «Ли и Бланшар» издание сборника, который хотел назвать «Фантастические рассказы» и в который, помимо восьми новых, он собирался включить рассказы, уже печатавшиеся в «Гротесках и арабесках». «Ли и Бланшар» отказались от этого предложения на том основании, что до сих пор не продали предыдущий сборник.

Среди отвергнутых был и рассказ «Убийства на улице Морг», который в последующие годы стал считаться предвестником современного детективного жанра. В центре повествования —

Огюст Дюпен, французский детектив, распутывающий самые странные или неоднозначные преступления с помощью математического анализа. Скорее всего, Дюпен — своего рода интерпретация личности автора. Известно, что По гордился своим знакомством с секретами криптографии и успешно решал самые неразрешимые и загадочные шифры. Он даже начал серию работ для «Грэхемс мэгэзин», в которых бросал вызов составителям «тайных посланий». Ему нравилась сама мысль о распутывании тайнописи, в которой можно прочитать нечитаемое. Не загадочное ли исчезновение отца вместе со слухами о «бесчестье» матери воспитали в нем интерес к тайнам? По хвастался одному из приятелей: «Нет ничего такого, чего я не мог бы рано или поздно прочитать». И это правда.

По говорил, что «*высший* уровень творческого всегда имеет в своей основе математику» и гений — это метод. Однако собственная его ссылка на постоянное присутствие в его произведениях анализа и расчета — отчасти преувеличение. По признавался и сам, что увлекает в них главным образом «атмосфера метода».

По отличался расчетливостью и другого рода. Очень часто он хитрил и ловчил. В человеческих отношениях он проявлял крайнюю осмотрительность, рассчитывая каждый шаг, собственный и окружающих. Своих целей он часто достигал с великолепной легкостью прирожденного манипулятора. В одном из писем По писал, что «раздражительность» его была «притворством», аргументом в споре, заранее запланированным доводом, «и тем же было негодование, на которое я настраивал себя». И все же в характере По было нечто детское. Он отчаянно страдал после очередного запоя, отчасти потому, что усматривал в инциденте проявление ненавистной ему нерасчетливости.

Многие из наиболее удачных рассказов, таким образом, являются «логическими упражнениями». Слова «детектив» не существовало до 1843 года. Наверное, Дюпен стал первым детективом. И в качестве детектива он опередил таких разных «логиков», как Шерлок Холмс и отец Браун. Именно Конан Дойлем было сказано, что По стал отцом детективного рассказа, настолько разработавшим его, что «я не вижу, чем могут тут поживиться его последователи». Дюпен — холостяк, из близких у него есть лишь секретарь, который записывает детали расследования; с полицейскими же он общается постольку-поскольку, когда те приходят просить его о помощи. В «Убийствах на улице Морг» полицейских поставило в тупик жестокое убийство матери и дочери. И Дюпен подвергает оба убийства беспристрастному, объективному анализу. Он — Ньютон

криминального мира. Пользуясь методом дедукции и исключения малозначащих деталей, Дюпен приходит к выводу, что убийцей был не человек. И он ставит ловушку. По писал, что рассказ этот сочинен «в новом ключе».

В сюжете одного из рассказов того же периода, названного им «Элеонора», прослеживается любопытная связь с его собственной жизнью. Рассказчик Пиррос взял в жены свою пятнадцатилетнюю кузину: «Жили мы совсем одни, не зная ничего о внешнем мире, — я, моя кузина и мать ее».[20] Это, естественно, является отражением семейных обстоятельств самого По, однако событиям сюжета автор придает фатальный характер. Молодая жена умирает от чахотки, а перед смертью берет с Пирроса клятву, что он никогда не полюбит другую женщину. Увы, тот оказывается лжецом. Остальное, а также неуклюжий «счастливый конец истории» не так важны для нас, как различимая параллель: через несколько месяцев после того, как По написал «Элеонору», Вирджиния стала жертвой первых приступов чахотки.

Глава седьмая
Человек, который никогда не смеялся

В середине января 1842 года Вирджиния По пела, аккомпанируя себе на пианино, что было ее любимым занятием, и вдруг стала кашлять кровью. По предположил, что у нее разорвался сосуд, однако, скорее всего, виноваты были слабые легкие.

После этого кровохарканья ей требовалась особая забота, однако обстоятельства не способствовали идеальному уходу за больной. Один из соседей свидетельствует, что больная была вынуждена лежать на узкой кровати в крошечной спальне с очень низким потолком, которого почти касалась головой, — она страдала от нехватки воздуха. Но никто не осмеливался заговорить о неподходящих для больной условиях с По, который стал «в высшей степени нервным и раздражительным», «вспыхивал как порох, мгновенно», по замечанию одного из современников. Грэхем вспоминал, что По не отходил от кровати своей жены, отзываясь на малейшее ее движение или кашель «с содроганием, от которого холодело сердце». Тем не менее он никому не позволял и слова молвить о смертельной угрозе — «любое упоминание об этом приводило его в бешенство».

И все же По постоянно размышлял о смерти. В рассказе «Жизнь в смерти»[21] художник хочет запечатлеть свою юную невесту, однако во время сеансов в башенке, где находится его студия, девушка начинает томиться, чахнуть и умирает. Создавая портрет любимой, художник убивает ее. В это же время По пишет «Маску Красной Смерти», историю смертельной эпидемии, в которой «кровь была… гербом и печатью — жуткий багрянец крови».[22] А также рассказ «Тайна Мари Роже», в котором юную девушку убивает один или несколько неизвестных. «Сердце-обличитель» — это кошмарная история, рассказанная маньяком. Леденящее кровь повествование заканчивается криком ужаса: «… вот здесь, здесь!.. это стучит его мерзкое сердце!»[23] В том же году По создал «Линор», панегирик юной женщине и плач по ней:

> Обряд творите похорон, запойте гимн святой,
> Печальный гимн былых времен о жертве молодой,
> О той, что дважды умерла, скончавшись молодой![24]

В отчаянии По часами бродил по улицам, пока миссис Клемм в панике не бросалась на его поиски. И тогда же он опять начал пить. В периоды неотвратимых бед и несчастий для него это был естественный выход. Никакие земные силы не могли его остановить. По писал о Вирджинии, что «с каждым приступом болезни я любил ее все сильнее и все отчаяннее дорожил ее жизнью». И потом: «После долгого периода жуткого здравомыслия на меня словно нападало безумие. И тогда, погружаясь в беспамятство, я пил — один Бог знает, как часто это было и как много я пил». По связывал тягу к спиртному с безумием, однако, скорее всего, временное безумие бывало результатом опьянения. У него была необычайно тонкая нервная конституция, и любой удар по ней был чреват опасными последствиями.

Весной 1842 года По ушел из журнала на том очевидном основании, что ему противен «его жеманный характер… Я говорю о всех этих жалких рассуждениях о модах, музыке и любовных историях». Однако настоящие причины были глубже. По опять стал «нерегулярно» выполнять свои редакторские обязанности. Он жестоко разругался с коллегой, скорее всего будучи пьяным. А потом, когда после довольно долгого отсутствия он вернулся в контору, на его месте уже сидел другой человек. Ему ничего не оставалось, как уйти. По доброй воле По не отказался бы от ежегодного дохода в восемьсот долларов.

Одному из адресатов По написал, что в любом случае «состояние моего ума» отвергает «любые умственные усилия». Болезнь жены, собственные нездоровье и нищета «довели меня почти до безумия. Моя единственная надежда — „Закон о банкротстве“… борьба за выживание совершенно уничтожила меня». В последних строчках этого письма сказано, что «миссис По опять серьезно больна, у нее кровохарканье. Надеяться — чистое безумие». Казалось, жизнь сжимает его словно тисками, а впереди одна чернота. Именно в это время он написал «Колодец и маятник». Несмотря ни на что, он все же надеялся. Надеялся получить место чиновника на таможне в Филадельфии, и вновь с помощью Томаса. Он надеялся вернуться к замыслам собственного журнала «Пен мэгэзин».

Некий произошедший в начале лета 1842 года любопытный случай заставляет совсем по-другому взглянуть на все его «высокие мечты». Он решил поехать в Нью-Йорк, чтобы подыскать журналистскую работу и обсудить с издателями новую книгу своих рассказов. Однако он напился. И тогда ему взбрело в голову навестить старую подругу, или «возлюбленную», с которой он был близок в Балтиморе одиннадцать лет назад. Мэри Деверо, или

«балтиморская Мэри», как он называл ее в память о более счастливых временах, звалась теперь «миссис Дженнингс». Он забыл ее адрес в Джерси-сити и провел много часов, вновь и вновь пересекая реку Гудзон на пароме, приставая с расспросами к незнакомым людям в попытках выведать ее адрес. Каким-то чудом ему удалось раздобыть его. Он убежал от больной жены к молодой женщине, с которой был когда-то неофициально помолвлен. Он искал покоя и награды, возвращаясь к былому.

Его неожиданное появление в доме Мэри вызвало там некоторый переполох, а впоследствии Мэри вспоминала, как быстро они поняли, что «он не в себе и не был дома уже несколько дней». Другими словами, По был пьян, грязен и всклокочен. Он обрушился на хозяйку с упреками за то, что та вышла замуж, уверяя, что на самом деле она любит его одного. Странное поведение для человека, жена которого смертельно больна. Он попросил Мэри спеть и сыграть на рояле, а тем временем «его речь становилась все более возбужденной». Потом По принялся жевать редиску, причем так яростно, что кусочки так и летели по комнате. Выпив чашку чая, он удалился.

Несколькими днями позже Мария Клемм, отчаявшись найти «дорогого Эдди», приехала к Мэри. Согласно записям Мэри, «ею были предприняты поиски, в результате которых По отыскался в лесу недалеко от Джерси-сити, где он бродил в совершенном безумии». Не исключено, что кое-что тут придумано, но в целом история вполне правдоподобна. Попробуйте придумать такую деталь, как редиска.

В другой раз, будучи в Нью-Йорке, По также пал жертвой пагубной привычки. Позднее он написал покаянное письмо тамошнему другу, умоляя его проявить «доброту и снисходительность» в понимании его поведения в Нью-Йорке. «Вероятно, у тебя сложилось *странное* представление обо мне — но правда заключается в том, что Уоллес [поэт] все настаивал на том, чтобы я пил, подливая и подливая мне джулеп, и я понятия не имею, что говорил и делал».

По обыкновению, По перекладывает вину за свое пьянство на кого-то другого. Возможно, только такое разумное объяснение он и мог этому дать.

Весь следующий год Филадельфия гудела слухами и сплетнями о пьянстве По. Ламберт Уилмер, его балтиморский приятель, сказал их общему другу, что По «катится в пропасть деградации моральной, физической и умственной». Что же до самого По, то он был в таких стесненных обстоятельствах, что предложил свой последний рассказ «Тайна Мари Роже» за

невысокую цену сразу двум изданиям, бостонскому «Ноушн» и «Балтимор сэтердей визитер». Потеря регулярного заработка стала катастрофой для семьи Эдгара По. Пришлось переехать в дом поменьше на окраине Филадельфии, где Фредерик Томас и посетил По осенью 1842 года. Он обратил внимание на то, что «все помещение несло на себе отпечаток безденежья», более того, он заметил, что «на стол собрали не сразу и, видимо, не без затруднений». Мария Клемм и Вирджиния попросили Томаса о какой-нибудь постоянной работе для «Эдди», однако «я почти сразу и с великим сожалением понял, что он вновь злоупотребляет спиртным». Томас и По договорились встретиться на следующий день, но По не явился; он написал письмо с извинениями — мол, заболел. Обычная отговорка.

По все еще активно искал место чиновника филадельфийской таможни. Он верил, что должность ему обеспечена, но, как часто бывало в его жизни, мечты тешили его, пока «не разбивались вдребезги». Эту фразу он употребил в письме к Томасу, где детально описал наглость и высокомерие мелкого чиновника, которому имел глупость довериться. Вечно судьба срывала его планы. При этом нельзя сказать, что административная работа, какой бы она ни была, хоть в малейшей степени привлекала и интересовала его. К американским политикам он испытывал теперь лишь отвращение, поэтому и задался однажды вопросом: «Разве не факт, что дух американской демократии порождает скорее таланты, нежели гении?» По был защитником рабства и верил в то, что сам называл «кастовым обществом». А вот в прогресс он не верил и в демократию тоже, поэтому и не мог вписаться в американскую жизнь — во всяком случае, в жизнь Северных штатов.

Тем не менее По рассчитывал на назначение, чтобы претворить в жизнь свой план создания собственного литературного журнала. Отбрасывая все сомнения, он надеялся выпустить первый номер в начале 1843 года, однако и в этом, как во многом другом, ему пришлось разочароваться. Хотя удача не сопутствовала писателю, все-таки нашелся некий человек, вознамерившийся его спасти. По познакомился с Томасом К. Кларком, редактором «Филадельфия сэтердей мьюзеум», который поддержал писателя в его начинании — предполагаемом журнале (По решил переименовать его из «Пен» в «Стайлус»). Кларк согласился финансировать проект, предложив По половинное партнерство. Наконец-то По достиг «великой цели — партнерской доли в крупном предприятии и вместе с тем — какое отсутствие самомнения со стороны партнера! — права полного контроля над редакторской политикой журнала». Не слишком ли

хорошо, чтобы быть правдой?

Вооруженный подписанным договором, По распространял новый проспект, в котором превозносил достоинства журнала, основанного на «чистейших принципах Искусства» и, следовательно, «способного превзойти все американские журналы любого направления». Он желал, чтобы его журнал стал «великим литературным журналом будущего», как он сказал одному из своих знакомых. И организовал своего рода саморекламу — публикацию материала о своей жизни в «Сэтердей мьюзеум». Это была в общем-то «дутая» реклама, однако По не сомневался, что она существенным образом поддержит удачное начало «Стайлуса». Естественно, материал написал сам По, явно погрешив в нем против истины. Для начала он сообщил, что побывал в Греции и в России, а из Европы чудесным образом вернулся как раз в день похорон Фрэнсис Аллан. О его внешности сообщалось, что он «довольно стройный, ростом около пяти футов восьми дюймов, хорошо сложен, лицо белое, глаза серые и беспокойные, выдающие его нервозность; тогда как линия рта говорит о твердости характера…».

«Дух времени», еще один филадельфийский журнал, отметил биографию По и воздал ему почести как «одному из самых мощных, чистых и эрудированных талантов современности». «Мьюзеум» в свою очередь объявил, что По станет соредактором журнала, отчего слава его «вспыхнет с новой силой». Это было общее предприятие, зиждущееся на принципах обоюдной ответственности, что, несомненно, тешило тщеславие По. Однако формально в штате «Мьюзеума» он не состоял. Это была одна из фантазий, так необходимых ему в жизни.

Надежды, возлагаемые на «Стайлус», отправили По в Вашингтон, где он надеялся навербовать подписчиков. Попутно он собирался возобновить свои вечные поиски места чиновника и даже придумал лично встретиться с президентом Тайлером и изложить ему свою просьбу. Однако поездка вышла неудачной. Оказавшись в номере отеля Фуллера, По едва ли не сразу начал пить. В первый же вечер, судя по воспоминаниям современника, он был «весьма озабочен тем, чтобы достать портвейн», и потом «довольно сильно набрался». Два дня спустя он встретился на улице с коллегой-журналистом, который счел его вид «жалким и нездоровым». По попросил у него пятьдесят центов, пожаловавшись на то, что «ничего не ел со вчерашнего дня». На другой день По написал своему новому партнеру Томасу Кларку, сообщая, что его «приезд производит *сенсацию,* которая, как он думает, пойдет на благо Журналу».

Со стороны По это было явным самообольщением, хотя он

действительно становился «сенсацией», но совсем в другом смысле. И опять он слишком много пил. Редактор вашингтонского «Индекса» Джесс Доу был знаком с По уже четыре года. Прежде они вместе работали в Филадельфии на «Бартонс мэгэзин». Теперь на Доу легла незавидная обязанность сопровождать По в поездках по городу. Доу попытался избежать ответственности, отправив послание Кларку, в котором настойчиво рекомендовал ему «самому приехать и проследить, чтобы По в целости и сохранности добрался до дома». Еще Доу добавил, что «миссис По в очень плохом состоянии, и я заклинаю вас, если только у вас есть сердце, не говорить ей ни слова, пока он не будет вместе с вами». Через три дня По сел на поезд, следовавший из Вашингтона в Филадельфию, где на вокзале его встретила терпеливо поджидавшая миссис Клемм. В тот же вечер он нанес визит Кларку, надо полагать, чтобы развеять неприятное впечатление, которое Кларк мог получить из письма Доу. «Итак, встретил он меня очень радушно, и мы обсудили случившееся, — написал он Томасу и Доу. — Я сказал ему то, о чем мы договорились — будто бы я немного приболел, а Доу, зная мое прошлое, то есть запои, вдруг запаниковал и т. д.». По удалось уладить все с помощью близких ему людей.

Однако, вне всяких сомнений, По опять подвела его привычка. Доу он послал «тысячу благодарностей за доброту и великое терпение, не говоря уже о вывернутом наизнанку пальто… Передай жене мои глубокие сожаления из-за неприятностей, которые я ей доставил». Потом он попросил Томаса поклониться «Дону, чьими усами я восхищаюсь, несмотря ни на что… и извиниться перед мистером Фуллером за то, что разыграл такого дурака в его доме…». Итак, он ходил по улицам в вывернутом наизнанку пальто и смеялся над чьими-то испанскими усами. Еще он неприлично вел себя в чьем-то доме. Но это не такие уж смертельные оскорбления, скорее развлечение для окружающих. Однако не надо забывать о безграничной гордости По, так же как о его природной вежливости и привычке не нарушать правил приличия. Когда же это случалось, он впадал в отчаяние, и причинами его болезней были не злоупотребление спиртным, а глубокое раскаяние и чувство вины.

Естественно, результатом вашингтонской эскапады была невозможность встретиться с Тайлером, что не оставляло надежд на получение места в администрации. Сомнительно также, что По удалось завербовать много подписчиков для нового журнала. Но даже если и удалось, то вряд ли он их запомнил. «Ты сказал Доу о том, — написал он в письме другу, — что коммодор Элиот выразил желание, чтобы я подписал его? Было это на самом деле

или мне только приснилось?» По был категорически не способен экономически обосновывать или же финансово обеспечивать то или иное дело.

Вскоре после возвращения из Вашингтона семейство По вновь снялось с места. Вечные долги заставляли их постоянно перемещаться. На этот раз они оказались в пригороде Филадельфии, в районе, который назывался Спринг-Гарден, в дощатой в три комнаты пристройке под односкатной крышей. Так описывал их новое жилище их сосед и новый знакомый, капитан Уэйн Рид. Марию Клемм он характеризовал как «женщину средних лет и мужеподобной внешности». Его удивляло то, что она могла быть матерью «женщины столь же ангельского вида, как и нрава».

Рид пишет и о том, какую роль Мария Клемм играла в семье. «Она была неусыпным стражем этого дома, — сообщает он, — охранявшим его от всего на свете… Она была единственной служанкой, содержавшей дом в чистоте; единственным посыльным, осуществлявшим постоянную связь поэта с его издателями… И только она единственная отправлялась на рынок, откуда приносила отнюдь „не сезонные деликатесы“, а то необходимое, что спасает от голода».

И все-таки, несмотря на нужду, на болезнь Вирджинии, окружающие воспринимали семью как относительно благополучную. Другой сосед вспоминает, как по утрам «миссис Клемм и ее дочь вместе поливали цветы… Они всегда казались веселыми и счастливыми, и часто, заворачивая за угол, я слышал смех миссис Клемм. Миссис Клемм постоянно хлопотала по дому. По утрам я наблюдал, как она мела двор, мыла окна и крыльцо и даже белила ограду». Где бы ни жило семейство, все отмечали чистоту, ухоженность их дома. Кстати, и в Спринг-Гарден лучшую комнату Мария Клемм сдавала жильцам. Таким образом ей удавалось сводить концы с концами.

А что сам По? Другая соседка, Лидия Гарт Гэррингтон, юная женщина, проживавшая на той же улице, вспоминала, что «он носил испанский плащ». Она же отмечала, что «всегда поражалась его печальному, задумчивому виду… Он, его жена и миссис Клемм держались наособицу и пользовались репутацией скрытных людей — мы относили это за счет их бедности и его великой жажды успеха». Еще мисс Гэррингтон добавляла, что «только после публикации „Ворона“… мы узнали его как писателя». Наверное, ей было бы интересно узнать, что прославившее его стихотворение По начал сочинять еще до Спринг-Гарден. Работа шла не быстро, и сам По говорил, что

рождение этого стихотворения потребовало такого количества расчетов и правок, «которые утомили бы Мильтона и Софокла, вместе взятых». Сначала он хотел, чтобы птицей был филин, но потом изменил свое намерение. И здесь, в Филадельфии, вылупился ворон.

Здесь же из-под его пера вышел приключенческо-детективный рассказ «Золотой жук», получивший приз в сто долларов от «Доллар ньюспейпер». В рассказе говорится о сокровище, спрятанном вблизи острова Сэлливана, где По проходил военную службу пятнадцать лет тому назад. Субтропические берега, покрытые «частой зарослью душистого мирта, столь высоко ценимого английскими садоводами… образуют сплошную чащу, наполняющую воздух тяжким благоуханием…»,[25] явились подходящим антуражем для сказки о невидимых чернилах, криптографии, таинственных шифрах и секретных инструкциях. Наверное, для современной аудитории «Золотой жук» не представляет особого интереса, однако первые читатели сочли его «произведением необычайных достоинств», в котором поиски мифического золота становятся сюжетным стержнем для в высшей степени правдоподобных и захватывающих перипетий. По совершенно справедливо назвали вторым Дефо, чей «Робинзон Крузо» удостоился высших похвал как шедевр достоверности и реалистичности. «Сэтердей мьюзеум», постоянный защитник По, описывал рассказ как «самое прекрасное произведение американской литературы за последние пятнадцать лет». Тираж «Доллар ньюспейпер» с первой частью «Золотого жука» был раскуплен в мгновение ока.

Однако был один читатель, которого не вдохновило то, что он назвал «полной ерундой» и «надувательством» под видом правды. Автором этой атаки был Ф. Г. Даффи, тогда же намекнувший, что автору, должно быть, заплатили за рассказ вместо объявленного большого приза всего долларов десять-пятнадцать. По подал на него в суд за клевету, заявив, что пострадало его «честное имя». Он нанял адвоката и передал письменное показание в районный суд. Многие потешались над такой неожиданной ранимостью автора, который и сам прежде писал «критику едкую и суровую». Однако судебного разбирательства не было. Через неделю По явился в суд, где встретился с Даффи, с которым уладил конфликт и подписал мировую.

Узнав о награде в сто долларов от «Доллар ньюспейпер», Уильям По, кузен Эдгара По, послал ему поздравительное письмо, в котором выразил надежду, что деньги помогут ему избавиться от «болезни и уныния, которые так явственны в

последнем его письме». Итак, По не скрывал этого от родственников. Уильям По также хотел предостеречь двоюродного брата от «страшного врага нашей семьи». Врагом, естественно, он считал «слишком частое обращение к бутылке». Бутылка была демоном всех По. Летом 1843 года По подвергся публичному осмеянию как пьяница. Он сделался героем романа-памфлета Томаса Данна Инглиша «Судьба пьяницы», где изображался «воплощением предательства и лжи». Это был первый, но не последний случай, когда По становился литературным героем.

О его внешности тоже ходило много пересудов. При росте в пять футов и восемь дюймов он держался исключительно, почти по-военному прямо, носил все черное — черный сюртук и черный галстук, словно вечно пребывал в трауре. Обращали на себя внимание его деликатное сложение, даже хрупкость, темно-каштановые, слегка вьющиеся волосы и большие серые глаза, которые одним современникам казались «беспокойными», в то время как другие говорили об их «влажном блеске». Все отмечали его широкий лоб, подтверждавший то, что на языке френологии (в которую он верил) называется «шишкой идеализма». У него были тонкие губы, то и дело кривившиеся в презрительной или недовольной усмешке, а иногда и в сарказме. Вспоминали бледные щеки, правильность черт. В 1845 году По отрастил усы, которые были скорее длинными, чем густыми. Говорил он «нервно и категорично», а один из современников утверждал, что «*нервность* была самой характерной чертой внешности По». Обычно вид у него был печальный, меланхолический или хмурый, мрачный или мечтательный. Разумно соединив все это, можно получить представление о наружности По. К этому следует добавить одну деталь — на сохранившихся фотографиях заметна некоторая асимметрия правой и левой сторон лица — проявляется это в глазах, в форме рта, лба и подбородка. Одна сторона как бы расслаблена.

В августе 1843 года По рассказал филадельфийскому приятелю, что «его жена и миссис Клемм голодают». Сразу же журналисты собрали пятнадцать долларов и вручили их По, однако час спустя его «нашли в состоянии глубокого опьянения на Декейтер-стрит». На этой улице находилось кафе «Декейтер», в котором подавали «мятный джулеп, кобблер, яичный коктейль и т. д.».

В то время По был огорчен плохими продажами нового издания своих рассказов. Брат Грэхема согласился опубликовать «Единообразное серийное издание прозаических произведений

Эдгара А. По». Это была серия дешевых книг стоимостью в двенадцать с половиной центов, и первыми стали «Убийства на улице Морг» и «Человек, которого изрубили в куски». Их заметили два-три журналиста, однако то, что следующие книги не увидели света, говорит о том, что предприятие успеха не имело. Остались неизданными новые рассказы, в числе которых «Заживо погребенные», «Украденное письмо» и «Ты человек». Можно с уверенностью сказать, что гений По был признан лишь после его смерти.

Итак, когда писательская карьера застопорилась, журналистская находилась в подвешенном состоянии, а планы, связанные со «Стайлусом», были отложены на неопределенное время, По начал читать лекции. Двадцать первого ноября 1843 года он выступил перед аудиторией в Филадельфии на тему «Американская поэзия», и, как пишет «Юнайтед стейтс газетт», «сотни людей… не смогли попасть» в церковь на Джулиана-стрит, где происходило это действо. Так или иначе, По повторил лекцию, и вполне успешно, в Темперанс-Холле в Уилмингтоне, в Ньюаркской академии в Делавэре, в Лекционном зале Филадельфийского музея. Потом была лекция в Балтиморе в Зале масонского ордена.

По был неутомим. Он осудил систему «дутой рекламы», которая тогда имела распространение в американской прессе, и выставил на всеобщее обозрение лживых авторов, которые сами рецензируют свои книги и восхваляют книги своих друзей. Впрочем, сам По тоже был не без греха. Потом он перешел к оценке достоинств американских поэтов, концентрируясь в основном на «собраниях» стихов или антологиях, которые в то время были чрезвычайно популярными. Выделил книгу «Поэты и поэзия Америки» Руфуса Грисвольда, которого похвалил как «лучшего» современного составителя, а потом обругал как редактора за «прискорбное отсутствие вкуса и рассудительности — когда выбираются худшие примеры вместо лучших и когда непомерный объем отдается личным друзьям…».

Двумя годами раньше По встречался с Грисвольдом, и они с подозрением косились друг на друга, прилюдно обмениваясь похвалами. Грисвольд унаследовал должность По в «Грэхемс мэгэзин», где заработал себе репутацию придиры. Однако публикация антологии в 1842 году принесла ему некоторый успех. По повел себя двулично: распевая в печати дифирамбы «важнейшему вкладу в нашу литературу», в письме одному из адресатов назвал книгу «чудовищным надувательством». Когда в «Сэтердей мьюзеум» появился саркастически-негативный отзыв на антологию Грисвольда, тот заподозрил (ошибочно, как

оказалось), что это дело рук По. Позднее По выругал книгу в одной из своих лекций. Со временем Грисвольд отомстил ему. После смерти По он обрушил на него самую убийственную критику за всю историю американской литературы.

В апреле 1844 года семейство По вновь собралось в путь, на сей раз они ехали в Нью-Йорк. То, что прежние попытки «зацепиться» были неудачными, ничуть не обескураживало По. Что могло быть хуже нищеты в Филадельфии?

По и Вирджиния отправились первыми поездом, а затем пароходом, и наутро же по приезде По послал длинное письмо Марии Клемм «Когда мы оказались на пароме, — сообщал он, — лил сильный дождь. Я оставил ее на борту, отнес сундуки в каюту для дам, а потом отправился покупать зонтик, и мне удалось раздобыть один за шестьдесят два цента». Сначала он написал «56», а потом переправил цену на «62». Лишние шесть центов много значили для такой женщины, как Мария Клемм.

По отправился на Гринвич-стрит и вскоре нашел там пансион, который превзошел все его ожидания. «На ужин нам подали невероятно вкусный чай…» Он подробно описал поставленные перед ними на стол мясо, сыр, хлеб. Вирджиния, или Сисси, «почти не кашляет и по ночам не потеет. Сейчас она зашивает мои штаны, которые я разорвал о гвоздь». Это необычная для По откровенность. Как бы между прочим он добавляет, что ходил занимать денег — знак того, что это стало для него обыденностью, — и замечает, что чувствует себя превосходно и не пьет ни капли, таким образом надеясь избежать неприятностей. Из чего явствует, что По был запойным пьяницей и Мария Клемм знала это. Не было нужды темнить или оправдываться, «неприятности» же вели за собой раскаяние и невозможность работать.

На сей раз По остается верен своему слову. Не проходит и недели, а он уже продал в «Нью-Йорк сан» новый фантастический рассказ. Тринадцатого апреля газета выходит под заголовком «ПОРАЗИТЕЛЬНАЯ НОВОСТЬ, ПЕРЕДАННАЯ СРОЧНО ЧЕРЕЗ НОРФОЛК! ПЕРЕЛЕТ ЧЕРЕЗ АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН ЗА ТРИ ДНЯ! НА ОСТРОВЕ СЭЛЛИВАНА ПРИЗЕМЛИЛСЯ ЛЕТАТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ, ИЗОБРЕТЕННЫЙ МИСТЕРОМ МОНКОМ МЕЙСОНОМ!» Это был самый удачный «розыгрыш» или «мистификация» По, то есть игра, столь им любимая. Она удовлетворяла его склонность к точно рассчитанному комизму. В тот же день газета напечатала дополнительный тираж, который был мгновенно раскуплен. По писал, что «трудно вообразить себе радость счастливых обладателей этой газеты». Мальчишки запрашивали за нее

немыслимую цену, и даже По не мог в тот день купить экземпляр. Два дня спустя «Сан» дезавуировала сенсационную новость, вызвав целый хор недоверия и осуждения. Мощь фантазии По была неопровержимо доказана.

«История с воздушным шаром» — один из самых знаменитых рассказов По хотя бы потому, что открыл дорогу научно-популярной литературе будущего, например Жюлю Верну и Герберту Уэллсу. Считается даже, что По предвосхитил научную фантастику XIX и XX веков. Если это прибавить к его заслугам в детективном жанре, тогда становится неоспоримым, что По оставил нам достойное наследство. «История с воздушным шаром» — это как бы путевой журнал мистера Монка Мейсона, действительно существовавшего воздухоплавателя, перелетевшего на воздушном шаре из Воксхолл-Гарденс в немецкий Вайльбург. Под его именем По и отправляется в свое фантастическое путешествие; Мейсон совершает то, что люди считают невероятным подвигом: используя хитроумное сочетание клапанов и направление воздушных потоков, умудряется пересечь на воздушном шаре Атлантический океан. По на целый век опередил реально совершенное путешествие, однако в его описаниях нет ничего такого, что вызывало бы недоверие. Предприятие выглядит вполне правдоподобным, и рассказывается о нем просто, как бы в форме журналистского репортажа. Примерно такой же стиль По испробовал лет за девять до этого в рассказе «Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфааля», в котором детально описывал полет на воздушном шаре на луну — но тогда ему было двадцать шесть лет. По всегда наслаждался такими выдумками. Это была своеобразная сатира, направленная против современных «увлечений». Но это также было логическим упражнением, дерзким решением поставленной задачи: выстроить систему правдоподобных обстоятельств и деталей, оправдать неправдоподобное.

Весной 1844 года Мария Клемм, взяв черную кошку Катерину, присоединилась к дочери на Гринвич-стрит, пока По временно занимал холостяцкую квартирку. Однако вскоре им опять пришлось перебираться на другое место. В начале июня семейство По обосновалось в фермерском доме в пяти милях от Нью-Йорка, в местности тогда совершенно сельской, а теперь определяемой примерно как угол Восемьдесят четвертой улицы и Бродвея. По словам современника, это была «каменистая пустошь, поросшая кустарником и чертополохом, с редкими, одиноко стоявшими фермерскими домами». В доме По окна фасада глядели на пойму Гудзона. Позднее это место По назвал «райским

уголком», способным мирным покоем своим вылечить как его нервы, так и недуг Вирджинии. Сын владельца Том Бреннан через некоторое время вспоминал, что По частенько гулял утром по пустоши или по берегу реки, а днем возвращался и «до темноты без перерыва работал с пером и бумагой». Сестра Тома, Марта Бреннан, запомнила, какой слабой была Вирджиния, вплоть до того, что По приходилось на руках выносить ее к обеду. Стоит отметить и еще кое-что важное. Миссис Бреннан была энтузиасткой движения за трезвость. Наверное, пока семейство жило у нее, По воздерживался от пьянства.

Денег, как всегда, не хватало. Надо было платить миссис Бреннан, но иногда у По не оказывалось ни цента, даже чтобы забрать письма, дожидавшиеся его на почте. Ему очень нравилась жизнь в деревне, однако надо было возвращаться в город и искать работу. И тут Мария Клемм, как всегда, взяла дело в свои руки. В конце сентября она отправилась в город и нанесла визит Натаниелю П. Уиллису, редактору новой ежедневной газеты «Ивнинг миррор», прося его, а скорее умоляя, о работе для ее зятя. Уиллис был уже известным журналистом, снабжавшим неиссякаемым потоком остроумной и прихотливой прозы все расширявшийся круг читателей. Он понял, насколько талантлив По, и защищал его репутацию и до, и после смерти писателя. По словам Уиллиса, Мария Клемм «извинилась за свой приход, оправдываясь тем, что зять ее болен, дочь — инвалид, а обстоятельства их жизни таковы, что она вынуждена сама всем заниматься».

Итак, По зачислили в «технические составители» — невысокий статус в профессии для того, кто уже был главным редактором. Занимался По в основном тем, что делал выжимки из напечатанных в других газетах статей, отбирал из французской прессы то, что могло заинтересовать американскую аудиторию, короче говоря, обеспечивал «занимательность» номера. Чтобы работать в «Миррор», По приходилось одолевать каждый день по пять миль в оба конца. За омнибус следовало платить шиллинг, а у По таких денег на проезд не было. Так что зимой 1844 года семейство снова перебралось в город и снова поселилось на Гринвич-стрит. Теперь По жил близко от работы.

В разговоре с сотрудником Уиллис вспоминал, «насколько заинтересованно и благожелательно воспринимал По любые предложения, насколько был точен и надежен в работе, с какой веселой готовностью и здравомыслием исполнял свои обязанности и каким вялым и рассеянным становился, когда его толкали на это „обстоятельства“». Эту характеристику следует иметь в виду всем, читающим драматические и мрачные описания

пьянства По. Во многих случаях, борясь с упорным и неодолимым недугом юной жены, По умел быть внимательным и деятельным. Однако его преследовали нищета и неудачи, и все же некоторые из его современников считали, что он терпеливо несет свой крест. Среди его замечательных качеств немалое место занимал и стоицизм. Уиллис также отметил «магнетизм его гения» и «таинственную спонтанность ума» По, но добавил, что тот «никогда не улыбался».

В том же году, но несколько раньше, еще живя у Бреннанов, По задумался о литературном журнале. Он переписывался с такими людьми, как Чарльз Антон, профессор греческого и латинского языков в Колумбийском университете, по поводу своего плана. Антону он написал также о плане издания пяти томов своих рассказов. Он признался, что «в его жизни наступил кризис и ему не обойтись без чьей-либо помощи», посетовал «на долгую и безуспешную борьбу с несчастьями, чей корень — сиротство». Вернулись все его прежние печали, когда ему действительно было весьма несладко, но если по правде, то они никогда и не покидали его. Он всегда носил их в себе. Даже когда По казался своим коллегам-журналистам веселым и стойким, в мыслях он оставался мрачным меланхоликом. Но именно тогда, когда он жаловался на «кризис», к нему неожиданно пришел настоящий и ошеломляющий успех.

Глава восьмая
Птица

В начале 1845 года По встретил в Нью-Йорке знакомого журналиста и признался ему:

— Уоллес, я только что написал самое великое из всех стихотворений, что есть на свете.

— Неужели? — переспросил Уоллес. — Это замечательно.

— Хочешь послушать?

— Конечно хочу, — ответил Уоллес.

И По прочитал стихотворение «Ворон». Он работал над ним со времени переезда в дом Бреннанов и вносил последние изменения уже на Гринвич-стрит. Двадцать девятого января «Ворона» опубликовал «Ивнинг миррор», а потом его перепечатали нью-йоркские периодические издания. Это стало сенсацией. «Ворон» сделался самым знаменитым стихотворением По и до сих пор остается самым знаменитым стихотворением в американской литературе:

Как-то в полночь, в час унылый, я вникал,
устав, без силы,
Меж томов старинных, в строки
рассужденья одного
По отвергнутой науке, и расслышал
смутно звуки,
Вдруг у двери словно стуки, — стук
у входа моего.
«Это — гость, — пробормотал я, —
там, у входа моего,
Гость — и больше ничего!»[26]

Так начинается стихотворение, в котором слились мечта и жалоба, надгробный плач и церковный псалом, модуляции которого столь мощны и мелодичны, что оно до сих пор поражает поклонников американской поэзии. И так же настойчиво звучит заунывный рефрен «Никогда».[27] К автору, который оплакивает смерть любимой, прилетает зловещая птица, чье присутствие усиливает ощущение одиночества и заброшенности. Один из критиков писал, что в этих стихах «отчаяние проникнуто мудростью». По объяснял, что его птица — олицетворение «Мрачного и Неисчезающего Воспоминания». В «Нью-Йорк

экспресс» было сказано, что это стихотворение превосходит «все, написанное лучшими поэтами нынешнего века», а «Ричмонд экзэминер» поставил «Ворона» «выше всей всемирной литературы». Менее склонная к высокопарности «Нью уорлд» написала, что оно «своим безумием вгоняет в дрожь». Стихотворение перепечатали десять раз, а вскоре оно стало объектом бесчисленных пародий.

Современник заметил, что «очень скоро „Ворон“ стал известен повсеместно, и все повторяли „Никогда“». Актеры включали эти слова в свои диалоги. Они вошли в моду. И По начали называть Вороном, тем более что этому не противоречила его черная одежда. Однажды он зашел в редакцию своей газеты, сопровождаемый знаменитым актером. По сел за стол, достал текст стихотворения и собрал всех сотрудников, чтобы те послушали, как звучит его стихотворение в исполнении замечательного актера. Рассыльный редакции вспоминал, что «был как будто околдован». По восторженно встречали во всех литературных салонах города и постоянно просили читать его стихи, что он и делал в свойственной ему мрачной манере. Он «подкручивал фитили в лампах, пока в комнате не становилось почти совсем темно», вспоминал один из современников, «а потом вставал в центре и произносил великолепные строки мелодичнейшим голосом… Читал он так прекрасно, что слушатели боялись дышать, не смея нарушить очарование момента».

До нас дошло несколько подтверждений этой внезапно обрушившейся на По славы. «Все хотят с ним познакомиться, — пишет один из современников, — но совсем немногие знаются с ним близко». По бывает в салоне мисс Линч на Уэверли-плейс и в салоне миссис Смит на Гринвич-стрит. Эти литературные дамы именовались «созвездием небосклона». По аккуратно одевался и «своим видом, а также манерами производил впечатление истинного джентльмена». Он никогда не приходил навеселе. Был «любезным и обаятельным… спокойным, милым и скромным». Иногда на эти *conversazione,* как их называли, мужа сопровождала Вирджиния По, всегда выражавшая «величайшее восхищение его гением и преклонение перед ним». Она не была в этом одинока. Миссис Смит признавала, что По «производил сокрушительное впечатление не столько на мужчин, сколько на высокообразованных женщин… К неудовольствию мужского пола, женщины подпадали под его чары и слушали, затаив дыхание». Вероятно, они лучше понимали поэта, в частности его сиротство. Миссис Смит записала в дневнике одну из бесед с По:

— Ах, мистер По, эта страна не подходит для мечтателей.

— А вы мечтаете? Спите и видите сны?

— О да, подобно Иосифу, я часто вижу сны, вот только сны мои о непостижимом, о духовном.

— Я так и знал. Я понял это по вашим глазам.

Несомненно, По нравилось всеобщее внимание и признание. Он всегда жаждал славы и теперь словно бы обрел ее. «Человек не живет, — сказал он кому-то, — пока не прославится». Ему очень нравилось, когда его хвалили. Тем не менее он умудрялся иронично относиться к своим стихам. «Ворон отлично „пошел“, Томас, — писал он Фредерику Томасу, — но для этого я его и писал, так же, понятно, как и „Золотого жука“. Но птица слопала жука со всеми потрохами». Этот расчетливый тон весьма характерен для По. Он писал такие стихи, какие были желательны большинству. Он писал стихи с расчетом на рынок. Он говорил коллегам-журналистам, что хочет выяснить. «до какого абсурда можно дойти, не переходя все же известной границы».

По написал эссе «Философия композиции», в котором изложил принципы своего искусства и, строфа за строфой, подробно исследовал свое стихотворение. Он рассмотрел собственно стих и присущий ему тон «печали»; разъяснил, как достигал тех или иных эффектов и важность символического рефрена. По утверждал, что «его сочинение продвигалось шаг за шагом до полного завершения в тщательном и неукоснительном следовании законам математики». Это был совершенный как методический, так и практический урок написания великих поэтических произведений. Совершая сей как бы объективный анализ, По объявил, что «смерть красивой женщины, вне всяких сомнений, самый поэтический сюжет в мире», но не стал объяснять, по какой причине выбрал этот сюжет. Он перечислил свои поэтические приемы из потребности в порядке — той самой потребности, что призвала его в армию и Вест-Пойнт.

Однако этот цинично-объективный анализ не должен заслонять от нас другое его высказывание: чтение «Ворона» вызывает у него самого «смятение чувств». Не технической дерзостью, не музыкальной выверенностью потрясает это, а болью отчаяния. Бесстрастие По подобно напускному спокойствию маньяков — рассказчиков его историй.

На гребне своего успеха По оставил работу в «Ивнинг миррор» и перешел в конкурирующий «Бродвей джорнал», где

начал публиковать некоторые из своих уже опубликованных рассказов и стихотворений. И продолжил литературную войну, начатую в «Ивнинг миррор» нападками на поэзию и репутацию Генри Уодсворта Лонгфелло. В то время Лонгфелло был одним из самых уважаемых поэтов-патриархов Америки, и, похоже, именно его авторитет приводил По в такую ярость. В рецензии на антологию «Разное», составленную Лонгфелло, он обвинил почтенного поэта в том, что тот не включил в нее стихи тех, кто мог бы с ним соперничать. И еще он обвинил его в очевидном плагиате. По назвал Лонгфелло «явным имитатором, ловко использующим идеи других людей», в частности Теннисона, что «слишком заметно, чтобы ошибиться… [и] может быть отнесено к самой варварской разновидности литературного грабежа».

Конечно, По написал это, чтобы обеспечить тираж своему новому журналу. Ему хотелось зацепить публику. Он зашел настолько далеко, что сочинил сам себе ответ, подписавшись «Outis», то есть «Никто», просто чтобы немного продлить дебаты. В чем он преуспел. Эта односторонняя якобы схватка представляет собой одну из самых замечательных литературных распрей в истории американской литературы. По посвятил ей около ста страниц. И продолжил поносить противника в своей лекции «Поэт и поэзия Америки», прочитанной в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Точно так же называлась его лекция, которую он читал годом раньше, но теперь он расширил ее охват рассуждениями о Лонгфелло и, главное, его «фатальной страсти к имитации». Публично Лонгфелло ни разу не ответил своему обидчику, однако позднее он сказал, что наскоки По были спровоцированы «болезненной возбудимостью чувствительной натуры, мучимой смутным ощущением некой неправильности». Вероятно, он не ошибался в своем диагнозе.

Но По не только исполнял роль главного литературного палача в «Бродвей джорнал». Он еще был и театральным критиком. Причем не самым доброжелательным, так что после одного его особо злобного отзыва на спектакль «Антигона» антрепренер обруганной труппы вычеркнул имя По из списка приглашаемых на премьеры критиков.

Посыльный Александр Крейн вспоминал, что в редакции По «вел себя тихо и был одинаково добр и любезен со всеми, а в компании быстро оживлялся и даже становился игривым». Каждое утро в девять часов утра он являлся в редакцию, где и работал «упорно и методично до трех-четырех пополудни». Однажды Крейн потерял там сознание от жары, а когда очнулся, По «стоял, наклонившись над ним, и смачивал ему виски и запястья холодной водой». Так что он умел быть не только

любезным, но и чутким.

Однако переезд из относительного уединения в фермерском доме вкупе с успехом «Ворона» вновь подтолкнули писателя к бутылке. Тот же Александр Крейн вспоминал, что наутро после одной из лекций, которая была отменена из-за плохой погоды, По явился в редакцию, «опираясь на руку приятеля, так как был пьян». Скорее всего, он пил всю ночь. Некий нью-йоркский журнал распространил воображаемый список выходящих в свет книг, одна из которых якобы называлась «Трактат об „Aqua Pura“, [28] ее употреблении и злоупотреблении ею, написанный Эдгаром А. По». Выходит, о пристрастии По было широко известно.

По попросили написать стихотворение для декламации его в Нью-Йоркском университете, однако он не сумел этого сделать. Переживая неудачу, он, согласно Томасу Данну Инглишу, поступил так, «как поступал всегда, когда расстраивался, — напился до чертиков и пил потом всю неделю». Отчеты о его пьяных «кутежах», как он их называл, позволяют предположить, что в Нью-Йорке ему было неуютно. Одному из приятелей По писал, что скоро будет читать «Ворона» самой королеве Виктории и королевской семье. Еще он сообщил ему, что остальные писатели строят ему козни. Итак, переизбыток алкоголя, вполне вероятно, вел его прямой дорогой к безумию.

Журналист Томас Холи Чиверс, проходя по Нассау-стрит, встретил и узнал По, который «раскачивался из стороны в сторону и был пьян в стельку». Едва По заметил Чиверса, он крикнул:

«Господи Боже! А вот и мой друг! Куда идешь? Нет, ты должен проводить меня домой». Когда же несколькими минутами позднее он увидел на противоположной стороне редактора конкурирующего издания, он впал в такое возбуждение, что Чиверс едва удержал его от потасовки. Потом Чиверс проводил его до дому. Когда Вирджиния увидела из верхнего окна, как они приближаются к дому, она ушла в свою комнату и заперлась на ключ. Судя по воспоминаниям Чиверса, Мария Клемм же своего заблудшего зятя встретила словами: «Ох! Эдди! Эдди! Эдди! Иди сюда, мой милый. Давай-ка я уложу тебя в постель». И шепнула Чиверсу: «Мне кажется, бедный мальчик сходит с ума». По-видимому, таявшая с каждым днем Вирджиния не могла видеть своего мужа в таком состоянии. Возможно, она винила себя, думая, что к пьянству По побуждает отчаяние, вызванное ее болезнью. Слишком она была слаба, чтобы выносить эти утомительные неистовые выходки мужа. По словам того же Чиверса, Мария Клемм сокрушалась о болезни дочери и

жаловалась: «Врачи ничего не могут сделать. Но даже если бы могли, один вид несчастного Эдди свел бы дочь в могилу». Не исключено, что слова Марии Клемм запомнились Чиверсу не совсем точно, однако она явно порицала По за страдания Вирджинии. Еще один журналист записал в дневнике как раз тогда же: «По с его сдержанностью, безукоризненной чистотой души и чувствительностью — этот джентльмен до мозга костей равняет себя с подонками, опускаясь на самое дно по причине пьянства и деградации моральной, интеллектуальной и физической».

По не заблуждался на собственный счет. Летом 1845 года «Грэхемс мэгэзин» опубликовал его рассказ «Бес противоречия». Это горестное размышление о том, что люди ведут себя неподобающим образом «именно потому, что так поступать *не должны*».[29] Делать то, что запрещено — делать что-то вопреки инстинкту самосохранения и даже любви к себе, — вот суть этого беса. Никогда не задерживаться долго на одной работе; влюбляться в обреченных молодых женщин; постоянно ссориться с друзьями; много пить, даже зная, что убиваешь себя. Таков этот бес.

Весной или летом 1845 года молодой и талантливый поэт Джеймс Расселл Лоуэлл посетил По у него дома. За несколько месяцев до этого Лоуэлл написал весьма пространный и хвалебный очерк о сочинениях По для «Грэхемс мэгэзин», где выразил ту точку зрения, что «мы не знаем никого, способного продемонстрировать нам такое же поразительное разнообразие способностей». Это была первая большая статья о творчестве По, не написанная самим По. Оба поэта переписывались, и Лоуэлл уже считал По «дорогим другом». Однако встреча их оказалась неудачной. По был «немного навеселе, как будто приходил в себя после запоя». Лоуэллу показалось, что он несчастлив и саркастичен. И вел он себя «довольно натянуто и даже несколько высокомерно». В общем, По был не в лучшей форме. А еще Лоуэлл обратил внимание, что у жены По «был явно встревоженный вид». (Пять лет спустя Мария Клемм написала Лоуэллу письмо с извинениями: дескать, «в тот день, когда вы навестили его в Нью-Йорке, он был сам на себя не похож».) Позднее По набросился на Лоуэлла в печати и даже обвинил его в том, что он занимается плагиатом, воруя у Вордсворта. Лоуэлл отплатил, публично высказав предположение, что у По отсутствует «качество взрослого мужчины, которое мы, за неимением другого названия, именуем характером». Другими словами, обвинил По в слабохарактерности.

И все-таки каков был, если в общих чертах, характер у По? О нем вспоминали как о человеке амбициозном и не от мира сего, ревнивом и сдержанном, по-детски наивном и не чуждом позерству, робком и жестоком, самоуверенном и капризном, дерзком и склонном жалеть самого себя. В нем было и все это, и много чего другого. Один из знакомых сказал, что он «изменчив, как поток», а другой — что у него вообще нет «характера». Еще один, сделавшись его врагом, назвал По «оболочкой человека, а не человеком».

Подобно саламандре По мог жить в огне и не сгорать. И этот огонь он зажигал сам. Его жизнь — это череда эмоциональных вспышек. Похоже, он сам не знал себя, а личность свою обретал во вдохновении. Иногда он рвал себя на части, сам накликал беду, отгораживаясь от людей, даже когда понимал, что не нужно этого делать. Он двигался от несчастья к подлинной катастрофе, а оттуда — опять к несчастью. Вся его жизнь была цепью ошибок и неудач, разочарований и неосуществленных желаний. По жил так, словно он был один на земле, — отсюда яд его критики. Он гордился своим одиночеством, как бы бросал этим вызов окружающим, хоть и сокрушался о нем в письмах. Таким образом, центральная тема его творчества — гнев на весь мир. Его сердце в любую минуту готово было разорваться.

Произошедший летом 1845 года любопытный случай как будто подтверждает нелицеприятное мнение о По некоторых его современников. Молодой поэт Р. Г. Стоддард прислал стихи в «Бродвей джорнал». Не получив ответа, он разыскал По, и тот заверил его, что стихи будут опубликованы в следующем номере журнала. Этого не случилось. Более того, в следующем номере было напечатано: «Автору строк о „Греческой флейте“. К сожалению, стихи нами, по-видимому, утеряны». В следующем месяце в журнале, к изумлению Стоддарда, появилось другое «объявление»: «Мы сомневаемся в оригинальности „Греческой флейты“ по причине великолепия некоторых ее строф и слабости других». Весьма типично для По. В смятении Стоддард посетил редакцию журнала, где застал По «злого, угрюмого, пьяного». По посмотрел на несчастного молодого поэта «диким взглядом» и обвинил его в плагиате. «Вы не писали той Оды, которую я недавно рассматривал». Он обругал Стоддарда и, судя по его словам, пригрозил ему «заслуженной поркой», после чего выгнал его вон.

В это время По в очередной раз писал, что находится в депрессии, что ему «ужасно плохо» и он боится, что «серьезно болен». А семья продолжала перебираться из дома в дом — с Гринвич-стрит на Ист-Бродвей, с Ист-Бродвей в район Вашингтон-

сквер на Эмити-стрит. Теперь По решил вернуться в деревню, чтобы поправить здоровье и подлечить нервы, для чего ему требовалось оставить свою должность в «Бродвей джорнал» и продать свою «долю» в журнале. Партнер По Чарльз Фредерик Бриггс не очень огорчался перспективой ухода писателя. Пьющий По был ненадежен. «Я выкину его имя из журнала, — писал он. — В последнее время он вернулся к старым привычкам, и боюсь, непоправимо вредит себе». А По вдруг изменил свои намерения. Он сказал Томасу Данну Инглишу, что «относительная неудача» с журналом случилась в результате «не единоличного им владения». Говорят, это были его слова: «Дайте мне полный контроль над журналом, и он станет величайшим литературным событием». Таким образом, По сосредоточил свои мечты об идеальном литературном журнале на «Бродвей джорнал».

Летом 1845 года вышел в свет том, состоявший из двенадцати рассказов Эдгара А. По. «Рассказы» были опубликованы нью-йоркским издательством «Уайли и Путнем» и включали, в частности, «Убийства на улице Морг» и «Черного кота». Если то была попытка сыграть на известности, которую принесла По публикация «Ворона», то цели своей издатели частично достигли. Небольшую книжку похвалили в «Американ ревью» как «одну из самых оригинальных, самых своеобразных книг, когда-либо напечатанных в Соединенных Штатах», а в «Грэхемс мэгэзин» — как «одну из самых оригинальных и американских книг в американской литературе». Из всех сборников, вышедших в свет при жизни По, этот оказался самым удачным. Как подсчитал сам По, за четыре месяца было продано около пятнадцати тысяч экземпляров, а сам автор заработал более ста долларов. Не такое уж щедрое вознаграждение, однако воспринято оно было с энтузиазмом.

В июле По совершил неожиданное путешествие в Провиденс, в штате Род-Айленд, на которое ему пришлось одолжить у приятеля десять долларов. Путешествие было тайным, поэтому у Марии Клемм взять на него денег он не мог. По задумал нечто вроде свидания.

Будучи пьян, По проболтался, что «чертовски влюблен». Естественно, сообщать об этом жене он не намеревался. Дамой его сердца стала миссис Фрэнсис Осгуд, «синий чулок» от литературы. Она сочиняла стихи и рассказы для нью-йоркских газет и журналов. Высоко оценив «Фанни» Осгуд в лекции об американских поэтах, По затем встретился с ней в гостиной отеля «Астор» в Нью-Йорке. Позднее она вспоминала об этой встрече с преувеличениями, характерными для воспоминаний задним

числом. «Я увидела гордо откинутую назад, прекрасную голову, — говорила она, — темные глаза, сверкающие электрическим огнем чувств и мыслей, особую, неподражаемую смесь любезности и высокомерия в выражении лица и манерах. Он приветствовал меня спокойно, серьезно, почти холодно…»

Видимо, от холодности вскоре не осталось и следа. Они стали обмениваться стихами, и По напечатал некоторые из стихотворений Осгуд в «Бродвей джорнал». Если то был роман, то роман самый публичный и широко разрекламированный. Но скорее всего, имела место дружба, нервные и неровные отношения двух литераторов, окрашенные тем пылом, с каким По искал женского участия и женской заботы. Помимо стихов они обменивались письмами, однако до нашего времени эти письма не дошли. Стихотворения По, посвященные Фанни, совсем не обязательно были вдохновлены страстной привязанностью. Одно из таких стихотворений «К Ф — С О — Д» и вовсе было написано для Вирджинии одиннадцатью годами раньше; другое — «К Ф.» — написано в 1835 году и посвящено «Мэри». По был не прочь перенаправить чувства в иное русло.

Нью-йоркский издатель Фрэнсис Осгуд вспоминал: «Когда она бывала у нас, то каждый раз приходил и По и проводил у нас весь вечер». Она обычно присутствовала на литературных собраниях, на которых и По теперь тоже был частым гостем. Еще один писатель вспоминал «детское личико Фанни Осгуд, залитое слезами под влиянием его [По] колдовских чар». Томас Данн Инглиш рассказывал, как «малышка миссис Осгуд совершенно по-детски… не сводит глаз с По». Очевидно, что По стал ее литературным кумиром, а он изо всех сил поддерживал Фрэнсис в ее идолопоклонстве. Однако ухаживания его приобрели излишне пылкий характер, и позднее миссис Осгуд вспоминала, что «отправилась в Олбани, а потом в Бостон и Провиденс, чтобы избежать встреч с ним». Она добавляла, что «он преследовал меня и писал мне, умоляя о любви». Все это смахивало бы на долгий и серьезный роман, если бы их отношения не развивались на глазах у мужа миссис Осгуд, художника Сэмюэла Осгуда. Скорее всего, то был всего лишь невинный флирт. К адюльтерам общество в то время не было столь снисходительно, даже в Нью-Йорке.

Когда Фанни Осгуд нанесла По визит в его доме в Нью-Йорке, она нашла его работающим над серией статей «Literati[30] в Нью-Йорке». По всегда писал на узких бумажных полосах, которые сворачивал в толстые рулоны, и он стал показывать их Фанни. Пришла его жена. «Иди сюда, Вирджиния, — запомнила его слова миссис Осгуд, — помоги мне!» Вместе они принялись

разворачивать рулон за рулоном, пока «наконец не нашли такой, который казался бесконечным. Вирджиния со смехом пятилась в угол, держа рулон, тогда как муж стоял напротив». Миссис Осгуд спросила, кому посвящена столь длинная статья. «Только послушайте ее, — воскликнул По, — можно подумать, ее тщеславное сердечко ничего ей не подсказало!» Слащавость этого эпизода отнюдь не противоречит тошнотворно преувеличенным восхвалениям поэзии миссис Осгуд, которые публиковал По. В критике у него не было стойких принципов. Им повелевали личные страсти и вечное соперничество. Тот факт, что Фанни Осгуд навещала семейную пару, подтверждает наше подозрение, что в сексуальной связи Фанни и По не находились. Похоже, миссис По даже просила миссис Осгуд продолжать переписку с ее мужем, потому что их дружба помогала ему сохранять трезвость. По было приятно с Фанни Осгуд.

Знаменателен и портрет Фанни, каким его рисует По: «черные блестящие волосы, лучистые серые глаза — большие и удивительно выразительные». Точь-в-точь описание какой-нибудь из обреченных героинь его рассказов. Таким могло быть и описание его матери. Через четыре года Фанни Осгуд действительно умерла от чахотки. Неужели он заметил какие-то признаки — По был сверхчувствителен к такого рода вещам — и потому его и потянуло к Фанни?

Маргарет Фуллер, наиболее беспристрастная и умная из всех, писавших о По, верила, что его любовные отношения на самом деле были «полной страсти иллюзией, которой он развлекал себя, скорее сочиняя ее сам, чем подчиняясь искреннему чувству». Она полагала, что у него нет друзей и что он «прятался за выдуманным характером, облачаясь в него, точно в костюм». Возможно, что он и правда разыгрывал из себя Байрона ради своих обожательниц, оставаясь при этом глубоко несчастным и неуверенным в себе. По играл свою роль со страстью, заложенной в его собственной артистической натуре.

Летом 1845 года По время от времени работал над книгой стихотворений. Сборник «Ворон и другие стихотворения» должен был стать первым после 1831 года. Это была важная для По публикация, не в последнюю очередь потому, что он рассчитывал заработать на продаже тиража пятьсот долларов. Как всегда, его надежды не оправдались. По выбрал для книги тридцать стихотворений, среди которых были такие давние поэмы, как «Тамерлан» и «Аль-Аарааф». В предисловии автор заявил: «Не зависящие от меня обстоятельства не позволили мне сделать то, что я непременно сделал бы при условиях, более благоприятных. Для меня поэзия не цель, но страсть». К сожалению, критикам

стихотворения не понравились, как не нравились и его рассказы. Книгу не покупали. И она стала последней прижизненной книгой стихотворений Эдгара А. По.

По заявил, что отказывается от алкоголя, от «мусора», как он сам называл спиртное, однако осенью уже снова начал прикладываться к бутылке. Он явно не умел просчитывать впечатление от своих поступков или поведения, и чтение в Бостоне подтвердило, как вспоминал один из критиков, начало его «падения». Его пригласили выступить в Бостонском лектории на торжественном открытии целой серии лекций. Предполагалось, что По завершит своим выступлением лекцию массачусетского политика Калеба Кушинга, прочитав новое свое стихотворение. Однако он «пятнадцать минут извинялся за то, что не будет читать полагающиеся в таких случаях нравоучительные стихи». По не писал нравоучительных стихов, для него поэзия и нравоучение были несовместимы. Единственным предметом поэзии он считал «прекрасное» — то есть «сверхъестественную», или «высшую», красоту.

Это он и попытался донести до бостонцев. Один из студентов Гарварда, присутствовавший на лекции, вспоминал, что По «постоял некоторое время с неуверенным видом перед аудиторией, а потом начал тонким, дрожащим и совсем не мелодичным голосом просить прощения у бостонской аудитории за свои стихи и всячески унижаться перед предполагаемыми критиками из числа слушающих его». Студент заметил также, что «такая чрезмерная робость и приниженность выглядят подчас какой-то оскорбительной грубостью». Другими словами, По нервничал и ожидал от аудитории худшего. Итак, он стал читать поэму «Аль-Аарааф», которую сочинил шестнадцать лет назад. Часть публики стала проявлять беспокойство, слушая эти написанные еще в юности стихи, так что По под конец вынужден был прочитать «Ворона». Но многие слушатели к тому времени уже покинули зал, громко хлопая стульями.

Вечер был не самым удачным, а потом «за бутылкой шампанского» По, в отместку, признался некоторым бостонским писателям и журналистам, что поэма «Аль-Аарааф» — юношеское произведение. Такая новость никого не обрадовала, а была сочтена оскорблением как лекторию, так и Бостону. Редактор «Бостон ивнинг транскрипт» Корнелия Уэллс Уолтер[31] сообщила о своем открытии, что поэма была написана, «когда автору еще не исполнилось двенадцати лет». Вероятно, По в очередном приступе фантазерства сам же это и выдумал. Мисс Уолтер пыхала негодованием и так и рвущимся из нее сарказмом: «Поэма, прочитанная перед литературным сообществом взрослых

людей, написана мальчиком! Позор! По-зор!» По отплатил ей той же монетой. «В общем, нам следует извинить ее, — написал он. — Что мы и сделаем. Только заткнись, малышка!» Последние слова особо возмутили публику, как совершенно недопустимые и омерзительные.

Не стоит забывать, что По был южанином. Он был вирджинцем если не по рождению, то по склонностям. Ему не нравилась культура Новой Англии в целом и бостонская в частности; он одинаково презирал трансцендентализм и аболиционизм. По духу, если не по обстоятельствам жизни, По был настоящим южным джентльменом. Об этом говорят старомодная цветистость и мелодическая насыщенность его прозы. «Пора, — однажды написал По, — литературному Югу позаботиться о собственных интересах». Таким образом, в Бостоне он оказался в логове врагов.

И он ответил на оскорбление, гордо заявив, что посмеялся над бостонцами. В «Бродвей джорнал» По написал: «Мы любим Бостон. Мы родились там — и вряд ли стоит говорить о том, что в глубине души мы стыдимся этого… у бостонцев нет души». К тому же он посыпал соль на рану, или же подлил масла в огонь, добавив, что «*вряд ли* можно было предположить, будто мы дадим себе труд сочинить для бостонцев нечто оригинальное… хватит им и того, что они получили». Это было по меньшей мере невежливо.

Корнелия Уолтер решила атаковать снова, заявив: «Стоит признать, что он утер нос менеджерам-янки, поскольку опустошил не только их карманы, но и залу». Общее впечатление мисс Уолтер и остальных сводилось к тому, что По — человек ненадежный и невоспитанный. И несерьезный. Шарлатан и пьяница.

В этом же неудачном для него месяце По взял на себя заботу о «Бродвей джорнал». Предприняв ряд переговоров и интриг, он выкупил доли своих бывших партнеров. «В результате бесконечных маневров, почти непостижимо для себя самого, — писал По, — я преуспел, последовательно избавляясь от моих партнеров».

Он собрал средства, используя друзей, и даже напечатал рекламу в «Джорнал», объявив «Редкую возможность» инвестиции в свое предприятие. Он просил денег, он брал деньги в долг, он обещал денег. И двадцать пятого октября 1845 года имя По было напечатано в журнале как имя «редактора и владельца». «Я все должен делать сам, — писал он, — редактировать, — тиражировать — и выполнять еще множество необходимых *дел*».

Один из прежних партнеров, Чарльз Фредерик Бриггс, был счастлив оставить журнал. По мешал ему, к тому же Бриггс называл По «ничтожеством», «пьяницей», «самым большим эгоистом на свете». Вдобавок Бриггс не делал тайны из того, что По цитировал немцев, не зная ни слова по-немецки. Не исключено, что это было правдой. К тому же Бриггс был убежден, что По из мести распускает о нем сплетни в Нью-Йорке: «Я не могу понять смысла той изощренной мерзости, какую по отношению ко мне совершил По».

В качестве единственного владельца журнала По не преуспел. Он уменьшил листаж журнала, потому что ему не хватало денег, и по той же причине не смог привлечь в журнал хороших авторов. Приходилось перепечатывать собственные сочинения и публиковать стихи «небесных сестер» и прочих рифмоплетов. Журнал выходил в свет нерегулярно. Через шесть недель единовластного владения По продал половину «бизнеса» Томасу Г. Лейну, таможенному чиновнику, с которым познакомился в Филадельфии. «В первый раз за последние два месяца, — говорил он одному знакомому, — я чувствую себя самим собой — отвратительно больным и в депрессии, но все-таки самим собой. Словно я очнулся от ночного кошмара… По правде говоря, я подозреваю, что был безумен». По был «безумен» в лектории, был «безумен», преследуя миссис Осгуд, был «безумен», когда принимал решение единолично владеть журналом. Безумие, если это было безумие, стало результатом пьянства и ужасного переутомления. Если верить Инглишу, то через месяц после подписания договора с Лейном, у По начался очередной запой. А в январе 1846 года Лейн закрыл журнал. Больше редакторской деятельностью По не занимался.

Накануне закрытия «Бродвей джорнал» По выступил в качестве свидетеля соглашения, по которому Мария Клемм отказалась от претензий на свою часть собственности в Балтиморе стоимостью в двадцать пять долларов.

Вероятно, семейство отчаянно нуждалось в деньгах.

В предыдущем ноябре Стоддард встретился с По на улице. Шел сильный дождь, и на мгновение Стоддарду захотелось укрыть По своим зонтом. Однако «что-то — конечно же, не черствость — удержало меня. Я пошел дальше, оставив его под дождем, бледного, дрожащего, несчастного… До сих пор вижу эту картину и всегда буду видеть — его, бедного, без гроша в кармане, однако гордого, уверенного, всегда главного». В том же месяце По написал своему родственнику Джорджу По: «Я продолжал упорно бороться с бесконечными трудностями и преуспел, хотя и не в финансовом смысле. Добился положения в

литературном мире, которого при данных обстоятельствах не имею причин стыдиться».

Глава девятая
Скандал

По был убежден, что у него множество врагов. В провале «Бродвей джорнал» он винил нескольких человек, которые настроены против него, и заявлял, что предпринимается намеренная попытка окончательно его разорить. Непонятно, кто эти «несколько человек», если, конечно, они не выдуманы, но это могли быть редакторы конкурирующих газет или писатели, недовольные критическими выпадами По. Однако он был прав, почуяв преследование. В начале 1846 года его вовлекли в нежелательный скандал. И беда пришла с неожиданной стороны.

В жизни писатели фигурировали литературные дамы, которые соперничали между собой, добиваясь его внимания. Главными среди них считались Элизабет Ф. Эллет, Фанни Осгуд, Маргарет Фуллер и Энн Линч. Фанни Осгуд, поэтесса из Нью-Йорка, к тому времени стала как бы другом семьи По. Маргарет Фуллер, писательница и критик, которая четыре года назад редактировала «Дайал», выходивший четыре раза в год журнал трансценденталистов, встретилась с По на «суаре» в Нью-Йорке. Поэтесса и учительница Энн Линч являлась устроительницей некоторых из этих «суаре». В «Бродвей джорнал» заботами По печатались произведения поэтессы и прозаика Элизабет Эллет и хвалебные отзывы о них. Фанни Осгуд, возможно, без особого благодушия отмечала, что Элизабет Эллет «повсюду следует за По». Дамы не отличались уживчивостью.

Элизабет Эллет и Фанни Осгуд писали По восторженные письма, которые въедливому читателю могут показаться чересчур нескромными. Но выражение поэтического увлечения, как знал и сам По, не то же самое, что настоящая страсть. И все же в то время людям показались неприличными чувства, какие питали к мужчине эти две дамы. Реакция, которую вызвали их послания, испугала обеих отправительниц.

В начале 1846 года миссис Эллет решила навестить По в его доме на Эмити-стрит. Придя, она услышала смех, потом в гостиной увидела Фанни Осгуд и Вирджинию По. Вскоре стало ясно, что они смеялись над неким письмом. Письмо в руках Фанни Осгуд написано было миссис Эллет и адресовано мистеру По. Миссис Эллет выхватила письмо у миссис Осгуд и покинула дом. Это одна версия.

Есть и другая. Миссис Эллет пришла на Эмити-стрит, и Вирджиния По прочитала ей письмо от миссис Осгуд. (Если сия

версия правдива, то трудно понять, почему Вирджиния допустила подобную бестактность.) Миссис Эллет сделала вид, что шокирована тоном письма миссис Осгуд. Придя в несомненное возбуждение, она бросилась к миссис Осгуд и посоветовала ей забрать все письма, которые та посылала По. Речь шла о женской скромности.

Потом на авансцену выступили две другие литературные дамы. Маргарет Фуллер и Энн Линч, сдружившиеся на «суаре», нанесли визит По и официально потребовали возвращения писем миссис Осгуд. Естественно, По возмутился. Он ответил, что у него есть письма не только от Фанни Осгуд. Письма Элизабет Эллет тоже можно интерпретировать по-разному. В курятнике поднялся шум.

Тем временем Элизабет Эллет попросила своего брата пойти к По и забрать у него письма. По стоял на том, что уже отослал их миссис Эллет. Однако брат не верил ему и угрожал его убить, если он не предъявит письма. После этого По отправился к Томасу Данну Инглишу и попросил у него пистолет. Инглиш ему отказал и выразил сомнение в том, что По когда-либо получал письма от миссис Эллет. Дело закончилось потасовкой. Выглядит все это какой-то нелепой выдумкой, однако за всей неразберихой претензий и контрпретензий стоит реальная ссора.

После стычки с Инглишем По улегся в постель, а потом уговорил своего врача написать повинное письмо миссис Эллет. Он уверял, что никогда не делал неподобающих намеков на ее письма, добавляя, что если и делал их, то исключительно в припадке безумия. У миссис Осгуд тоже потребовали извинений за якобы допущенные ею в письмах насмешки, и она уговорила Вирджинию По написать ей письмо, удостоверяющее, как она выразилась, ее «невинность».

Больше По не виделся ни с Элизабет Эллет, ни с Фанни Осгуд. Миссис Эллет заявила, что По «погряз в бесчестии». Он подвергся остракизму со стороны салонов «небесных сестер». Если верить Энн Линч, По «говорил и делал много отвратительною». Позднее он заклеймил «зловредное общество *литературных дам,* особ бессердечных, лицемерных, ядовитых, бесчестных, беспринципных, объединенных лишь непомерным самомнением».

Энн Линч объявила, что По — человек «аморальный». Добавим, что и творчество его не несет в себе «морали». Литературу, основанную на морали, он вообще презирал. Не находя ее в его произведениях, зачем ожидать ее проявлений от человека?

И все же вкус его к полемике это не охладило. В это время друг По, журналист Уильям Гилмор Симмс, написал ему: «Вы, возможно, переживаете теперь самый рискованный период в вашей карьере — именно сейчас — в эту пору, — когда неудачный шаг становится большой ошибкой, — а большая ошибка может иметь роковые последствия». Однако По был не из тех, кто прислушивается к советам, хотя бы данным ему из добрых побуждений; не принадлежал он и к числу тех, кто учится на своих ошибках. Главным божеством По был бес упрямства.

Вот потому, из одного упрямства, весной 1846 года По и начал писать серию эссе, названных им «Писатели Нью-Йорка: несколько беглых заметок, содержащих честные оценки их авторских достоинств и кое-что о них самих» для «Годис ледис бук». Собственно, По планировал издать том критических эссе «Американский Парнас», и названные очерки были первой попыткой критического разбора произведений самых знаменитых писателей современности. По бесили незаслуженные похвалы, расточаемые «недостойным» писателям, отчего временами его критика становилась чрезмерно едкой. Он бросился в яростную атаку на литературные группы и кружки, которые контролировали издательский рынок и формировали восприятие американской литературы; они представляли собой то, что По называл «прогнившей сущностью нашей повседневной критики».

О Льюисе Гейлорде Кларке, редакторе «Никербокера», По написал, что как литератор он «нерешителен, невнятен и бесхребетен — у яблока или тыквы больше углов… он ничем не проявил себя в современном мире и ничем не примечателен, разве что тем, что ничем не примечателен». О Томасе Данне Инглише, бывшем друге, а теперь заклятом враге, По заявил, что «лично с ним не знаком». Вслед за этим лживым утверждением он прошелся по поводу внешности Инглиша: «Он живет в постоянной нерешительности, не зная, что предпочесть — усы или козлиную бородку». По был неподражаемым мастером *ad himinem,*[32] жанра, пользовавшегося в то время большим успехом, так что номера с подобными выпадами допечатывались дополнительными тиражами, по крайней мере трижды. Одним из самых резких критиков был По, и он же был наиболее обсуждаемым литературным авторитетом Америки. Неясно, однако, насколько положительно влияло это на его репутацию как писателя.

К тому же некоторые из его жертв имели несчастливую привычку наносить ответные удары. Так, Льюис Гейлорд Кларк написал в «Никербокере», что По — «жалкий пьяница» и «изнуренный поденщик». Он рассказал «со слов неизвестного свидетеля», каковым, возможно, являлся сам Кларк, что «третьего

дня По пришел в нашу редакцию в жалком состоянии полного отупения, и нездоровая его внешность несла на себе свидетельства неправильного образа жизни, да и говорил он довольно невразумительно… Сопровождала его пожилая родственница, которая устала ходить по жаре, но следовала за ним шаг в шаг, чтобы помешать ему напиться; однако он каким-то образом ухитрился уйти от ее недреманного ока и уже был сильно навеселе».

Но худшее было еще впереди. Томас Данн Инглиш тоже дал отповедь По в «Нью-Йорк миррор»; там нелицеприятные суждения о внешности оппонента перемежались с выпадами более серьезными; Инглиш обвинял По в мошенничестве, в получении денег без всякого на то основания и в плагиате. По немедленно подал в суд на «Миррор».

К тому времени он уже покинул город, чьи улицы его пугали, да и предлагали слишком много искушений. Чистый деревенский воздух был необходим и угасавшей Вирджинии По. В феврале семейство обосновалось около Ист-ривер. Девятилетняя соседка вспоминала, как По частенько прибегал к ее отцу «с просьбой одолжить ему лодку, и с каким наслаждением он потом налегал на весла, направляясь к маленьким островкам южнее острова Блэкуолл — его излюбленному месту». По любил воду. К этому девочка добавляла: «Он никогда мне не нравился. Я боялась его. Но мне нравилась миссис Клемм, она была хорошей, любила поговорить и отлично знала „о слабостях Эдди“, как она их называла». О Вирджинии По девочка помнила только то, что она была «бледной и хрупкой», да еще «терпеливой в своих страданиях». Маленькая девочка запомнила один разговор Вирджинии и Эдгара По. «Послушай, Эдди, — сказала Вирджиния, — когда я уйду, то стану твоим ангелом-хранителем, и каждый раз, когда ты соберешься совершить что-нибудь дурное, ты просто протяни руки вверх, и я уберегу тебя». Грустное воспоминание.

Через четыре месяца семейство По перебралось в деревню Фордхем, что находилась в тринадцати милях к северу от Нью-Йорка. Там они подыскали домик, буквально утопавший в цветах и фруктовых деревьях. По словам По, Вирджинию дом просто очаровал, и они сняли его «за ничтожную плату». Окна фасада были обращены на запад. В палисаднике цвела сирень, зрели вишни, позади дома раскинулся яблоневый сад, а за ним — лес. Дому этому суждено было стать их последним семейным пристанищем. И, как всегда, они жили на грани нищеты. Мария Клемм копала репу, предназначенную для скота. Соседи

заставали ее за сбором одуванчиков и прочей зелени, пригодной для салата. «Зелень, — говаривала она соседям, — охлаждает кровь. И Эдди очень их любит». Правду сказать, у Эдди не было выбора.

Довольно частые гости привозили с собой корзинки с провизией. К тому же Мария Клемм заимела привычку «брать в долг» у посетителей. Поскольку многие из них мечтали о литературной карьере, случалось, что По приходилось платить за их щедрость кое-какой «дутой рекламой» в популярных изданиях. Похоже, Мария Клемм отлично вела дела.

Некоторое представление о жизни По в Фордхеме у нас есть. Однажды соседка проходила мимо его дома и видела, как он рвал вишни и бросал их Вирджинии. А потом она заметила, что белое платье Вирджинии «испачкано алой кровью, такой же яркой, как вишни, которые она ловила». Не забыла она и выражение лица «Эдди», когда он на руках нес жену в дом. «Они были очень бедные», — говорила она. А Мария Клемм писала, что «у них самый прелестный дом, какой только можно вообразить. Ах, как мы невероятно счастливы в нашем милом доме! Мы все трое жили ради друг друга. Эдди редко покидал наше чудное жилище. Я занималась его литературными делами, ибо он, бедняжка, ничего не смыслил в финансовых вопросах».

Однако По не мог взять и совершенно покончить с городской жизнью. В Фордхем ездили по Гарлем-рейлроуд, соединявшей Уильямсбридж с центром города и Ратушной площадью, и поезда ходили там каждые четыре часа. Известно, что однажды вечером в июне 1846 года По был в Нью-Йорке. Это следует из его письма, написанного на листке, вырванном из блокнота. «Мой сердечный друг», — так он начал свое послание. Он надеялся, что «переговоры, ради которых я приехал, окажутся *весьма благоприятными* для меня… в моем нынешнем разочаровании. Вероятно, я бы совсем опустил руки, если бы не *ты*». Что конкретно имел в виду По, говоря о «переговорах» и о «разочаровании», нам неизвестно. Дальше мы читаем, что «моя милая жена — мой самый *главный* и *единственный стимул* в настоящее время. Вот я и сражаюсь с этим жестоким, негодным и неблагодарным миром».

Мир стал жестоким во всех смыслах. В периодике уже пошли слухи о «безумии» По. Например, в апрельском номере балтиморского «Сэтердей визитер» было напечатано, что По «доработался до такого умственного расстройства, что его пришлось поместить в клинику в Ютике». Подобные россказни явились прямым следствием злосчастного письма, в котором доктор по настоянию По объяснял историю с письмами миссис

Эллет припадком безумия. Как только это заключение стало известно, поползли слухи.

Усугубил положение иск, поданный По на «Нью-Йорк миррор», на чьих страницах Инглиш обвинил По в мошенничестве и плагиате. Адвокат По передал дело о клевете в Верховный суд Нью-Йорка, требуя пять тысяч долларов в возмещение морального ущерба. Дело было отложено, потом отложено еще раз, однако практически вся пресса Нью-Йорка явила свою враждебность по отношению к По. «Какая мелочность, — комментировала ситуацию „Нью-Йорк миррор ньюс“, — для человека, который оскорбил едва ли не всех более или менее заметных писателей в Соединенных Штатах».

Если не душевное, то физическое здоровье По пошатнулось. Ему пришлось отказаться от чести почтить своим присутствием открытие чтений университета Вермонта ввиду «серьезной и, боюсь, неизлечимой болезни». Одна из газет высказала предположение, что болезнь По — это «горячка». Чем не толкование? Тем летом По отправил из Фордхема длинное письмо Чиверсу, в котором признался, что «довольно долго и тяжело болел». Он упомянул о тех, кто хочет «погубить» его. «Моя ужасающая бедность, — писал По, — дает им преимущества. Поистине, мой дорогой друг, я уже был у врат смерти и отчаяния, которое было хуже смерти…» Вот так распорядилась судьба: в течение всей жизни По испытывать его на прочность.

Теперь он сам и его семейство стали постоянным объектом внимания прессы. Пятнадцатого декабря 1846 года нью-йоркский «Морнинг экспресс» напечатал заметку, озаглавив ее «БОЛЕЗНЬ ЭДГАРА А. ПО». «Мы с сожалением узнали, — писал журналист, — что этот джентльмен и его жена опасно больны туберкулезом, и тяжелая рука несчастья давит их неустанно. — Нам грустно писать о нужде, лишающей их самого необходимого». То же самое, с некоторыми добавлениями, появилось в некоторых других газетах Даже журнал «Миррор», против которого По затеял судебное дело, пришел ему на помощь, объявив о сборе средств. Естественно, их собирали для всего семейства. Некий редактор получил для По пятьдесят или шестьдесят долларов, да и анонимные доброхоты посылали по десять долларов, а то и больше.

По испытывал то благодарность, то раздражение. Естественно, деньги были нужны, однако ему не нравилось то, что он стал объектом откровенной благотворительности. Не нравилось и то, что смертельная болезнь жены сделалась достоянием общественности. В конце года он послал редактору одной из газет письмо, в котором сожалел о том, что «тяготы

моей семьи безжалостно выставлены напоказ». Он писал, что «безмерность моей вечной нищеты и страданий от нее — это преувеличение». Ну а то, что «у меня нет друзей — полная клевета…». (Об отсутствии друзей вечно сокрушался он сам.) Еще он добавил, что «даже в одном Нью-Йорке я без труда найду сотни людей, к которым могу обратиться за помощью, не чувствуя себя униженным». И заключил письмо он решительным и дерзким заявлением: «По правде говоря, у меня много дел, и я поставил себе не умирать, пока их все не переделаю». Он слишком рьяно протестовал и возмущался и позднее признавался, что в попытке оправдаться отрицал очевидные трудности своей жизни и тем погрешил против истины.

А трудностей этих было немало, что и подвигло некоторых нью-йоркских дам, которые знали о положении в семье По осенью, а потом и зимой 1846 года, постоянно оказывать ему помощь и поддержку. Одна из них, миссис Гоув-Николс, вспоминала, как увидела Вирджинию По, лежавшую на соломенном тюфяке и «укрытую пальто мужа, с огромной пятнистой кошкой на груди. Красавица-кошка как будто понимала свою полезность. Пальто и кошка — вот все, что согревало несчастную женщину, если не считать того, что муж грел ей руки, а мать — ноги». Мисс Гоув-Николс рассказала об этом своей подруге миссис Шю, которая немедленно организовала подписку для несчастной семьи. Помимо шестидесяти долларов Вирджиния получила пуховую перину и постельные принадлежности.

В начале 1847 года стало ясно, что Вирджиния По протянет недолго. Кому-то из посетительниц она сказала: «Я знаю, что скоро умру и что неизлечимо больна. Но я хочу быть, насколько возможно, счастливой и делать счастливым Эдгара». Ее мучила лихорадка, бросавшая бедняжку то в жар, то в холод, ей нечем было дышать, ей не давали покоя страшные боли, она беспрерывно кашляла кровью. Все то же самое было у матери По. Да и умирала Вирджиния в том же возрасте, в каком умерла Элиза По. Фатальное совпадение не ускользнуло от внимания По. Все, кто приезжал в Фордхем в эти последние месяцы жизни Вирджинии, отмечали, что он как будто «в ступоре, не живет, не мучается, а просто существует». Мария Клемм вспоминала, что По «был предан жене до последнего часа, и это могут все подтвердить». Но и сама Мария Клемм пребывала в состоянии, наблюдать которое было тяжко.

Друзья и родственники собрались в маленьком домике в Фордхеме. Среди них была старая приятельница По из Балтимора, Мэри Деверо, теперь миссис Дженнингс. Умирающую

она нашла в гостиной. «Я спросила ее: „Вам сегодня лучше?“ Потом устроилась рядом с большим креслом, в котором она сидела. Мистер По сел по другую сторону. Вирджиния взяла мою руку и соединила ее с рукой мистера По, сказав: „Мэри, будьте Эдди другом и не забывайте его“». В тот вечер По написал письмо своей благодетельнице, миссис Шю: «Моя несчастная Вирджиния еще жива, хотя быстро угасает и ужасно мучается… Если ей больше не придется с вами свидеться, она просит, чтобы я передал вам ее самый нежный поцелуй и благословение». И он добавляет: «Да, я *буду* спокоен».

На другое утро, тридцатого января 1847 года, миссис Деверо вернулась в Фордхем вместе с миссис Шю. Вирджиния была жива и подарила миссис Шю портрет По и шкатулку, когда-то принадлежавшую Розали, сестре По.

Вскоре Вирджиния отошла в мир иной, и тут выяснилось, что не существует ни одного ее портрета, так что кто-то из дам поспешил набросать ее акварельное изображение. Этот портрет дошел до наших дней.

Миссис Шю купила превосходный саван. В день похорон гроб поставили на мужнин письменный стол, рядом с которым она раньше так любила сидеть. День был на редкость холодный. По надел пальто, которое носил со времен Вест-Пойнта, и в нем шел за гробом в числе немногих друзей. Вернувшись домой после похорон, он слег.

У него начались жар и бред. Шесть недель спустя он говорил своему почитателю: «Меня переполняла такая мучительная боль, что несколько недель я не мог ни думать, ни даже двигаться». Мария Клемм попросила помощи у миссис Шю: «Эдди говорит, вы обещали Вирджинии навещать нас хотя бы через день на протяжении некоторого времени и, во всяком случае, пока он снова не станет работать. Надеюсь и верю, что вы не покинете его».

Миссис Шю так напугало состояние По, что она решила, будто он умирает. Ей показалось, что он страдает от душевного расстройства, которое могло перерасти в чистое помешательство. И тогда она предприняла очередную попытку собрать денег и сама принялась ухаживать за ним во время его нервных прострации. У нее было твердое убеждение, что рыба — лучшее лекарство от «мозговой горячки», так уж считали в то время, но миссис Шю предлагала По и духовное утешение. Она уговорила его сходить вместе с ней к заутрене, однако, услышав «печалью исполнилось»,[33] По бросился вон из церкви. В любом случае он не любил церковных обрядов. И по своей воле никогда не

посещал служб. Мария Клемм признавалась, что «хотела умереть» в то время, однако ей надо было «жить, чтобы заботиться… о бедном безутешном Эдди».

Но случилась и маленькая радость. В причудливой, но неминуемой цепи событий (которые в иных обстоятельствах могли бы доставить По большое удовольствие) за день до похорон Вирджинии в Верховном суде Нью-Йорка был рассмотрен иск По против «Миррор». Обрисовывая характер По, Томас Данн Инглиш сказал, что писатель «имеет славу лжеца и горького пьяницы, позабывшего долг чести». Это были серьезные обвинения, и они могли полностью подорвать репутацию По, которую тот успел приобрести в Нью-Йорке. Однако судьи не были расположены верить Инглишу. Дело решилось в пользу По. Один из свидетелей заявил, что не говорил ничего из ему приписанного. Другой заверил, что «никогда и ничего не слышал о По плохого, разве что тот иногда выпивает». Однако пьянство — это не мошенничество и не кража. Присяжные заседатели не признали По виновным и вынесли вердикт — заплатить По, как пострадавшему от клеветы, 225.06 доллара и выдать компенсации 101.42 доллара за судебные издержки. Пожалуй, такой большой суммы По еще не держал в руках. «Отлично, — сказал он, — если учесть, что реального „ущерба“ никакого *нет*». Выйдя из зала суда, он немедленно купил себе новый костюм — как обычно, черный, — а также ковер и стол для дома в Фордхеме.

Однако опасность еще не совсем миновала. И миссис Шю продолжала навещать По и ухаживать за ним. Согласно ее более поздним записям, По постоянно пускался в воспоминания о прошлом. Но это не было его реальное прошлое. Он рассказывал своей слушательнице о том, как бился на дуэли из-за женщины во Франции. О том, как долго болел после этого, но был спасен ученой дамой-шотландкой, которая в течение тринадцати недель каждый день посещала его. Еще рассказывал, что написал автобиографический роман «Жизнь несчастного художника», который приписали Эжену Сю. Рассказывал, что его «прелестная мама» родилась на корабле. Добавлял, будто «всю жизнь печалится, что не сумел оправдать мать в глазах окружающих». Может быть, он имел в виду предполагаемую незаконнорожденность сестры. Впрочем, он был в таком состоянии, что это не имеет значения. С раннего детства душу его мучило некое зияние — ему хотелось утешения, любви, заботы. Чувствуя одиночество, потерянность, он придумывал небылицы о своем происхождении.

Мало-помалу По приходил в себя. Когда он метался в постели, Мария Клемм сидела рядом с ним, гладила его по

голове и прикладывала «успокаивающие» примочки к его лбу.

Сохранилось довольно много воспоминаний о дальнейшей жизни По в Фордхеме вместе с Марией Клемм и кошкой Катериной. Катерина устраивалась у него на плечах, когда он сидел за письменным столом, и мурлыкала от удовольствия. Один из посетителей сказал, что «она производила впечатление одержимой». А По принимал гостей, поил их чаем и прогуливался с ними по берегу Бронкс-ривер. Однажды он затеял соревнование в прыжках, в которых так отличался в школьные годы, отличился он и на этот раз, порвав себе гетры. Ему нравилось сидеть в саду под вишней и пересвистываться с птицами в клетках, развешанных на ветвях. Он лакомился фруктами, пил сливки и ел творог. Одному из адресатов он написал, что ему «еще никогда не было так хорошо… Я встаю рано, ем немного, не пью ничего, кроме воды, и постоянно занимаюсь физическими упражнениями на свежем воздухе».

Теперь ему предстояло возродиться для жизни. Одна причина для пьянства и отчаяния ушла в прошлое. В письме, написанном через несколько месяцев после похорон Вирджинии, он признался, что «пил до умопомрачения и почти разуверился в возможности излечения, которое пришло тем не менее вместе со смертью жены». Похоже на строчку из какого-нибудь его произведения, но все же это правда. Его мучил постоянный страх за жену. А теперь, заявил он, «на первом месте мои честолюбивые мечты». Вновь у По начала возрождаться надежда на собственный литературный журнал.

Летом 1847 года он посетил Вашингтон и Филадельфию с намерением найти подписчиков и разместить свои статьи в местных журналах. Его видели в саду Епископальной школы в Вирджинии и уговорили прочитать «Ворона», чтобы «доставить удовольствие присутствующим». Так как рядом не было Марии Клемм, то, несмотря на искреннее его желание удержаться, По опять запил. Вернувшись в Фордхем, он написал приятелю в Филадельфию: «Без вашей помощи, оказанной нужным образом и в нужный момент, скорее всего, я бы уже умер и не смог написать вам это письмо…» Он сообщал, что был «ужасно болен — настолько, что „единственное, о чем я мечтал, это добраться до дому“». «Болен» По был часто. Это эвфемизм, которым он заменяет слово «пьян». Никакими силами его нельзя было теперь оттащить от бутылки. Связь между его желанием не поддаваться слабости и его поступками, как между его фантазиями и реальной жизнью, была нарушена и теперь образовывала брешь. Воображение с легкостью порождало слова, но действовал он, повинуясь потребности и случайной силе желания.

Однако в эти месяцы в Фордхеме, вдалеке от искушений, По обдумывал пространный научный трактат. Третьего февраля 1848 года газеты Нью-Йорка объявили, что По тем же вечером прочитает лекцию «О вселенной» в Научной библиотеке на углу Бродвея и Леонард-стрит. Это должно было финансово помочь «Стайлусу». Однако вечер выдался ненастный, и зал собрал лишь шестьдесят процентов от предполагаемого числа слушателей. По проговорил два с половиной часа о тайнах космоса, и некий молодой адвокат, присутствовавший на лекции, вспоминал «его бледное, тонкое, умное лицо и потрясающие глаза. Его лекция была подобна великолепной рапсодии. Он появился как само вдохновение и заразил своим вдохновением аудиторию. Изящное тело плотно обхватывал аккуратно застегнутый сюртук…».

Газетные отклики были в целом благоприятными, хотя сомнительно, чтобы журналисты толком поняли рассуждения По о «святом первоисточнике и бесконечности пространства». Тем не менее «Морнинг экспресс» сделала вывод, что «великолепная попытка По была тепло принята публикой, которая слушала его, как завороженная». Другие газеты были не столь восторженными. Один из современников счел рассуждение По «нелепым и чересчур громоздким для популярной лекции». Прочитав газетные статьи, По заключил, что «все хвалили лекцию… и никто не понял ее». Он предсказал, что труд его оценят через две тысячи лет. Надежду ему, однако, дал более сиюминутный успех. Два месяца спустя По встретился с Джорджем П. Путнемом в его издательстве на Бродвее.

Путнем вспоминал о встрече с По, как тот «сидел за столом и целую минуту смотрел на меня сверкающими глазами, прежде чем сказал: „Я мистер По“. Конечно же, я весь „обратился в слух“, так как был самым искренним образом заинтересован». По молчал. «Не знаю, что сказать, — проговорил он в конце концов, — с чего начать то, что я должен сказать. Это очень важно». Потом он заявил, что собирается издать сочинение, которое поколеблет значение ньютоновского закона гравитации, к тому же его книга «сразу же привлечет к себе всеобщее и пристальное внимание, так что издатель сможет забыть обо всех остальных проектах и сделать эту книгу делом всей своей жизни». Для начала По предложил тираж в пятьдесят тысяч экземпляров. На Путнема это произвело «впечатление», однако он «не поддался», как выразился он сам, и пообещал дать ответ в течение двух дней. После этого По попросил у него небольшую ссуду.

Обдумав предложение, Путнем купил рукопись и в конце концов напечатал пятьсот экземпляров «Эврики».

Тем временем По задержался в Нью-Йорке. Обедая со своим другом-литератором Руфусом Грисвольдом, он, увы, напился, после чего послал «крик о помощи» миссис Шю, которая отправила к нему врача и свою подругу, чтобы они позаботились о нем. «Обнаруженный смертельно пьяным на руках полицейских, он был отвезен домой в Фордхем (одиннадцать миль), где его ждала несчастная миссис Клемм». Три дня его не было дома, но он успел истратить все деньги, какие получил. Миссис Клемм достались лишь пять долларов от спасителей на самое необходимое.

Так или иначе, но терпение миссис Шю в отношении эксцентричных выходок ее бывшего подопечного было на пределе. Она ни разу ничего не сказала о пьянстве По или проявлениях его темперамента, потому что видела в этом симптомы фатальной его слабости. Однако ей были чужды воззрения По, которые он изложил в своей лекции о вселенной. А он тем временем уже подготовил для печати свои комментарии к лекции, заключив их откровенным выражением солидарности с пантеистами. На эту тему с По имел беседу преподобный Джон Генри Хопкинс, друг миссис Шю. В письме миссис Шю он описал, как «странная дрожь сотрясала его слабую фигуру, когда По восклицал: „Все мое существо *восстает* при мысли о пребывании в Космосе некоего Существа, которое превосходит *меня*“. Не похоже, чтобы По был христианином».

Слышать подобное набожной миссис Шю показалось дико. Она не желала общаться с еретиком. Поездки ее в Фордхем стали реже, отношение ее к По стало сдержаннее. Да и ее поведение становилось более формальным, более отстраненным. Когда однажды вместо молитвы перед обедом она еле слышно пробормотала «аминь», По сказал: «У меня чуть сердце не остановилось, я подумал, что вот сейчас умру у вас на глазах». В начале лета миссис Шю послала По прощальное письмо. Он ответил: «Я уже несколько месяцев знаю, что вы меня покинете». Надо отметить, что из всех несчастий По больше всего страшили расставания с женщинами. Наверное, так повлияла на него смерть матери, а также смерть других молодых женщин, которых он любил. Вот и к миссис Шю он взывал будто «из бездны»: «Горе мне! Без верной, нежной и чистой женской любви я вряд ли протяну еще один год!» И добавлял: «Слишком поздно, неумолимая, жестокая волна влечет вас прочь. Наверное, малодушие писать вам подобное, однако для меня это не просто испытание, а испытание страшное». Больше миссис Шю не получала писем от По.

Еще до того, как миссис Шю отвернулась от него, По уже

начал высматривать более молодую и более внушаемую молодую даму. В мае 1848 года он написал страстное, едва ли не влюбленное письмо Джейн Э. Локк, в котором называл ее «милым другом», «дорогим другом» и горько сетовал на свое «отшельничество», сокрушаясь о себе, «похороненном в дебрях Фордхема». Он заявил, что вся его «жизнь была настоящим романом — в смысле отрешенности от всего земного». Он жаждал узнать больше, намного больше о ее жизни. Есть один вопрос, «который я даже не смею задать вам». Этот вопрос, вне всяких сомнений, касался семейного положения дамы. Оказалось, она замужем. И вместо «мой милый друг» По стал писать «моя дорогая миссис Локк». В который раз планы его оказались разрушенными. Однако не прошло и нескольких недель, и он предпринял новую попытку.

Летом 1848 года была опубликована «Эврика». Она стала последним произведением По, напечатанным при его жизни, и произведением, в некотором смысле наиболее интригующим. Не помогает и предисловие, в котором По называет свое сочинение «продуктом чистого Искусства как такового, романным повествованием или же, если не бояться высоких слов, Поэмой». Цель, поставленная По, — рассказать о происхождении и истории вселен ной стилем научной прозы, а также рассмотреть те идеи и события, которые вдохновляли его самого на беллетристику и поэзию. Начинает он с того, что вселенная как совокупность возникла из некой «первичной частицы», уже несущей в себе зародыш неизбежного своего уничтожения. Говоря об универсальности закона гравитации, По видит в нем проявление универсального стремления материи и всех ее элементов к изначальному и всеохватному единству. «Я не так уверен в том, что говорю и вижу, — писал По, — что у меня бьется сердце и жива душа… как уверен в непреложности того факта, что Все Вещи и Все Идеи Вещей во всей бесконечной Множественности их Связей в некий момент родились из первичного и абсолютного по своей сути Единства». При этом все эти вещи хотят вернуться в первоначальное «единство», или первоначальное «ничто», то есть к своему истоку, ибо, как говорил По, «исток их заключен в принципе изначального Единства. Это их утраченный родитель». Слова об «утраченном родителе» крайне важны. Не содержится ли в них аллюзия на собственную его утрату матери и желание вернуться к ней? А может быть, здесь кроется намек на утрату им веры в возможность единения, выражение извечной и неутомимой тяги к нему? Может, и неумеренное пьянство По объясняется его желанием вернуться в состояние блаженного детства?

«И этому возвращению к первоначальному единству, во чрево; то есть процессу, о котором мы рискнули здесь заговорить, суждено повторяться вечно и вечно; будет являться новая Вселенная, а потом разлетаться вдребезги, превращаться в ничто по знаку и в унисон с биением Святого Сердца. Святое Сердце — что это такое? Это *мы сами*». Сердце-вещун бьется в груди По, да и в груди каждого из нас. Вселенная внутри нас. Это старинная доктрина, которую По мог позаимствовать у Парацельса или у Блейка, но не исключено, что он пришел к ней самостоятельно. В письме к одному из знакомых он утверждал: «То, что я выдвинул, в свое время перевернет мир Физической и Метафизической Науки. Я говорю это спокойно, и я спокоен, когда говорю это». Некоторые космологи заявили, что По предвосхитил Эйнштейна и первым предложил теорию «черных дыр», однако не исключено, что По попросту прилагает свое неуемное и путаное воображение к миру физическому и духовному. При этом он добавляет: «Планы Бога идеальны. Вселенная — это замысел Божий». По не очень-то верит в себя.

В то же время По сочиняет два своих знаменитых стихотворения — «Улалюм»[34] и «Звон», которые, в сущности, являются приближением к «звуковой поэзии», как и все стихотворения, написанные Эдгаром А. По. Считается, что первое из них предназначено не для чтения, а для декламации, во втором же он хотел достичь эффекта колокольного звона. Неким журналистам в Ричмонде он говорил, что хотел бы «передать в словах звуки колокола». В обоих случаях ему сопутствовала удача, однако, увы, за счет смысла и значимости стихотворения. Это образцы «чистой поэзии», в которых ритм и мечтательная мелодия использованы ради самих себя. По хотел сочинить «стихотворение, которое есть лишь стихотворение и ничего больше — стихотворение, написанное исключительно ради самого стихотворения». Его цель — удовольствие, а не истина, но воздействует стихотворение скорее неопределенностью своей, нежели определенностью тех или иных достоинств. Красоту создает исключительно ритм. Теория По эквивалентна доктрине искусства во имя искусства, позднее пропагандируемой Патером и Суинберном. Но важно отметить и еще кое-что. По заявлял, что «источник Поэзии заключается в жажде такой свободной Красоты, какой не может предложить Земля», поскольку «божественная Красота» видится нам лишь «в неземном загробном блаженстве»; По томится по чему-то навеки утерянному, навсегда ушедшему.

Поздние стихотворения По можно рассматривать как приложение к его «Эврике». Его поэзия считается

предшественницей французского «символизма» и обеспечила ему величайшее уважение таких поэтов, как Бодлер и Малларме. А вот англо-американские поэты и критики восприняли те же стихи с меньшим энтузиазмом и считают их «незрелыми» стихами или так называемой «поэзией абсурда» в традиции Эдварда Лира. Такое различие в суждениях сохраняется до сих пор.

Глава десятая
Женщины

Исчезновение миссис Шю и неудачное начало отношений с миссис Локк никак не умерили страстного желания Эдгара А. По обзавестись подругой. Летом 1848 года он посетил миссис Локк и ее мужа в Лоуэлле (в Массачусетсе), где ему предстояло прочитать лекцию на тему «Поэты и Поэзия в Америке». Миссис Локк познакомила его со своей соседкой, молодой женщиной по имени Энни Ричмонд. Позднее, в одном своем очерке, По признался, что с первого взгляда был сражен. «Она приблизилась с такой скромностью движений, которую почти невозможно описать. И я сказал себе: Несомненно, я нашел идеал естественности, с которым не сравнится никакая искусственная *грация*… Таким сильным было ощущение „романтизма“, как я это называю, или небесной прелести, которую излучала глубь ее глаз, что она проникла в самое мое сердце, захватив его так полно, как никакая другая женщина». У нее был «одухотворенный» взгляд. Возможно, По провидел ее раннюю смерть.

Прочитав лекцию, По провел с Энни Ричмонд остаток вечера и довольно большую часть следующего дня. Наверняка с ними были еще муж и брат миссис Ричмонд, но это никак не охладило энтузиазма По. О Джейн Локк он уже забыл. Энни Ричмонд вспоминала: «Он был так не похож на остальных людей… События его жизни, о которых он мне рассказывал, имели оттенок *нереальности* так же, как его сочинения». Не исключено, что события эти были куда ближе к вымыслу, чем она предполагала. Будучи вечно не в ладу с самим собой, По постоянно чувствовал какую-то незавершенность и со всей страстью лепился к любому, кто выказывал ему расположение или хотя бы доброжелательность. Отсюда его поклонение абстрактной красоте как источнику мудрости и утешения. Однако в то же время он был суровым аналитиком и трезво оценивал свое положение, изучая все, что мешало ему жить, сковывая его.

Например, в том же месяце, когда По встречался с Энни Ричмонд, он осторожно наводил справки о Саре Элен Уитмен, поэтессе из Провиденса, в Род-Айленде, которая потом прислала ему валентинку в стихах. Одного из своих корреспондентов он спросил: «Не можете ли вы что-нибудь рассказать о ней — хоть что-нибудь — что-нибудь, вам известное». Тон письма предполагает, что По был едва ли не в отчаянии: он искал любви и умиротворения у любого, с кем чувствовал близость. Он был

сиротой, мечтавшим о неосуществимом.

В июле По отправился в Ричмонд, в дом своего детства, чтобы найти подписчиков для своего литературного журнала. Есть сведения, что он там много пил, а также читал куски из «Эврики» в тавернах и барах. Один из современников, редактор «Сатерн литерари мессенджер», свидетельствует, что «в целом его пребывание в Ричмонде стало чередой постыдных безрассудств». Похоже, что это преувеличение.

Он был достаточно трезв и собран, чтобы встретиться с одной из своих прежних возлюбленных, Эльмирой Ройстер, которой увлекался еще до поступления в университет Вирджинии, ставшей теперь богатой вдовой миссис Шелтон. Позднее она вспоминала, что По взволновала эта встреча, произошедшая после столь них лет разлуки. «Он подошел ко мне и пылко воскликнул: „Ах, Эльмира, неужели это вы?“» Похоже, он хотел возобновить роман, однако знакомство с новым стихотворением другой вдовы, Сары Элен Уитмен, изменило его планы Оканчивалось стихотворение бессмертной строчкой: «Мой идол — Красота и в ней Надежда». Получив через Марию Клемм это стихотворение, По покинул Ричмонд. Однако у нас есть письмо, написанное предыдущей адресатке: «Вам не надо избавляться от Романтизма или пытаться отшутиться от него. Это зло, которое пребудет с вами вечно. Это часть вашего существа — часть вашей души». Но и для По это было точно так же.

Миссис Уитмен была неземным созданием. Ее звали «Провидицей Провиденса», которой открыто было как будущее этого города, так и будущее вообще. Она была рассеянна и не от мира сего, любила носить вуаль, которая путалась у нее на голове, к тому же она постоянно что-то теряла, то веер, то шаль. Говорили, что она порхает, как «птичка». Она была великим мастером столоверчения, непререкаемым авторитетом во всем, что касалось общения с загробным миром. Использовала она и эфир, пропитывая им носовые платки — чаще, чем того требовали даже ее обмороки, которым она была так подвержена.

В начале сентября 1848 года По приехал в Нью-Йорк и, выяснив, что Элен Уитмен находится в Провиденсе, удовольствовался тем, что послал ей письмо с просьбой об автографе. Маленький «розыгрыш», которые он очень любил. Две недели спустя он явился лично с рекомендательным письмом от общего знакомого. По подарил Элен Уитмен книгу «Ворон и другие стихотворения» с дарственной надписью: «От самого преданного из друзей. Эдгар А. По». На следующее утро они вместе посетили Публичную библиотеку, где миссис Уитмен простодушно спросила По, читал ли он когда-нибудь «Улалюм». К

ее великому изумлению, По признался в своем авторстве.

В тот же вечер По был представлен кружку самых близких друзей Элен Уитмен. Один из присутствовавших там вспоминал, что «По и Элен были очень взволнованы. Одновременно встав, они оба очутились в центре залы. Увидев Элен, он обнял ее, поцеловал. Некоторое время они не размыкали объятий, после чего он проводил ее на место. В полном молчании все наблюдали эту странную сцену».

На другой день они побывали на местном кладбище, что на берегу Сиконк-Ривер. На этом живописном месте По предложил Элен Уитмен руку и сердце. Потом Элен Уитмен вспоминала: «Он старался… убедить меня в том, что мое влияние и мое присутствие смогут вытащить его из трясины отчаяния, излечить от апатии, которая душит его, что я пробужу в нем его замолкший гений». Она отказалась, вернее, ушла от прямого ответа под предлогом того, что должна позаботиться о престарелой матери. Тем не менее она обещала написать ему письмо, в котором объяснит все подробно. Через два дня По уехал в Нью-Йорк, а следом поехало письмо миссис Уитмен, которая писала, что слишком стара и слаба и поэтому не может стать второй миссис По. На самом деле она была всего на шесть лет его старше, однако ссылка на слабые нервы представляется нам обоснованием для отказа. По нужна была женщина с сильным характером.

Не прошло и дня, как По ответил легкомысленным письмом, начинавшимся так: «Я снова и снова прижимал ваше письмо к губам, дражайшая Элен, — омывал его то слезами радости, а то — искреннего отчаяния». И так далее, в том же театральном, возвышенном стиле, вновь и вновь уверяя Элен в своей любви и в том, что когда она будет на его попечении, «здоровье ее станет лучше, а в конце концов и вовсе поправится». Он также вкратце проанализировал всю историю их недолгих отношений и подробно описал все то, что испытал во время их первой встречи в Провиденсе: «В первый раз в жизни я ощутил и с трепетом осознал это ваше мощное духовное воздействие на меня. Я понял, что вы *Елена — моя Елена* — Елена, являвшаяся мне в мечтах».

Восемь дней спустя Элен Уитмен ответила ему, вновь повторив свой отказ, — мол, у нее есть обязательства перед матерью и младшей незамужней сестрой. Мол, она не может оставить их ради брака, пусть даже самого возвышенного. Еще она попросила По, довольно бестактно, рассказать, откуда возникла его дурная репутация в определенном кругу. Элен Уитмен слышала, что «он обладает мощным интеллектом, но у него *нет* принципов — *нет* моральных устоев».

По не заставил себя ждать с ответом, написав необычайно длинное и вдохновенное письмо. Восемь дней задержки он интерпретировал как знак того, что «его не любят». Он жаловался на то, что его сердце разбито: «У меня больше нет цели в жизни — у меня осталось только одно желание — умереть». Особенно его расстроил вопрос миссис Уитмен относительно его «моральных устоев». «Не прочти я собственными глазами эти ужасные слова, — заявил он, — я бы не поверил, что такое мнение обо мне вообще возможно…» Поскольку подобные мнения о нем не раз попадались ему на глаза в разумных печатных изданиях, а кое-какие из них он даже привлекал к суду за клевету, то его возмущение было несколько наигранным.

По обещал говорить «правду и только правду». Он утверждал, что «ни за какие деньги не пошел бы на ложь». О своей женитьбе на Вирджинии Клемм он писал, что «это был брак не по велению сердца, а лишь чтобы сделать ее счастливой, тогда как о своем счастье я не мечтал». В обоих утверждениях было мало «правды», что до второго, то оно выглядит чудовищным предательством первой жены. Далее следовали туманные намеки на некие отношения с Фанни Осгуд. Это было не самое удачное из сочинений По. Надо признаться, что его всегда увлекали слова, само их звучание, становившееся для него другой реальностью. Сочиняя, он начинал верить написанному. Однако здесь он изменял, переписывая ее, собственную жизнь.

В «Беренике» рассказчик признается, что его «страсти всегда были продуктом ума», и мы можем отчасти принять это как диагноз самого По. Его стремления всегда были идеализированными и отвлеченными. В работе его никогда не интересовала чувственная сторона. В жизни стоило появиться перспективе физической близости, как он немедленно начинал пить. Современник описывал его так: «Из всех известных мне мужчин он был *бесстрастнее* всех». В искусстве и в жизни он влюблялся в умирающих женщин.

Еще прежде, чем Элен Уитмен получила его письмо, По предстал перед ней сам. Он повторил ей свое предложение. Отправляясь в Лоуэлл, где ему предстояла лекция, он попросил ее написать ему туда.

Однако в Лоуэлле он встретился с женщиной, которую обожал не меньше. — Энни Ричмонд. Прогостив некоторое время у мистера и миссис Локк, он переехал к жившей поблизости Энни. Такая переменчивость в чувствах разрушила его дружбу с Джейн Локк, зато укрепила отношения с Энни Ричмонд. Они стали неразлучны, и ее сестра вспоминала, как «ранним осенним вечером, сидя возле камина, По внимательно глядел на

мерцающие огоньки и в полной тишине держал за руку милого друга „Энни“». Наверное, это происходило в присутствии и с согласия мужа Энни, который явно не видел в По угрозы для своей семейной жизни.

Напомним, что прошло совсем немного времени с тех пор, как По писал Элен Уитмен, что с нею «хоть во мрак могилы».

Через пару дней после визита в Лоуэлл он написал Энни Ричмонд: «Почему я сейчас не *с вами, дорогая?..*» Его чувства были на редкость нестойкими и подвластными настроению. Он даже советовался с Энни Ричмонд насчет общего будущего с Элен Уитмен, и, кажется, миссис Ричмонд не исключала для него возможность брака. Однако вряд ли По был доволен последним советом. «Как вы, *моя Энни,* — писал он ей, — можете вообразить себе, что я принадлежу другой?» По оставил ее, «обливаясь слезами», и опять помчался в Провиденс.

Но прежде чем предстать перед Элен Уитмен, он заболел. Он провел «долгую, долгую ночь, полную отчаяния», а наутро выпил две унции опиевой настойки. По отправился в Бостон, откуда он послал Энни письмо, напоминая о ее обещании «вне зависимости от обстоятельств приехать к моему смертному одру». Теперь он умолял ее немедленно прибыть в Бостон, называя место, где она могла бы его найти. Казалось, он всерьез задумался о самоубийстве. Но в основном это была реакция на принятое решение жениться на Элен Уитмен. По пояснил Энни, что душа его «восстает против слов, которые предстоит произнести». Успокоила его унция настойки опия.

Действовала настойка мгновенно и сильно, из чего можно заключить, что вопреки слухам По не был закоренелым наркоманом. Кузина Элизабет Херринг свидетельствовала, что во время болезни Вирджинии ее муж «часто страдал после того, как принимал опий». Естественное желание для человека, находящегося в горе и отчаянии. Странно было бы, если бы время от времени он не принимал опий или настойку опия — средство такое действенное и легко достижимое. Опий был отличной заменой алкоголю. Но даже это не говорит о том, что он пристрастился к опию и принимал его постоянно. В Бостоне же он потерял над собой власть и забыл имя «друга», который помогал ему «справиться с ужасными обстоятельствами, в которых он очутился».

Через два дня, то есть 7 ноября, По настолько пришел в себя, что был готов отправиться в Провиденс. Элен Уитмен, безмерно тревожившаяся за него в те два дня, пока По отсутствовал, была так взволнована, что не сразу смогла его принять. И он послал ей записку, заклиная ее «написать одно *слово любви.* Уверьте меня,

что любите и, *что бы ни случилось*, будете моей». Такая удивительная переменчивость настроения смущает и озадачивает, вызывая подозрения, что под влиянием опиумной настойки или алкоголя он мог временами терять рассудок. Элен Уитмен согласилась встретиться с По через полчаса в Публичной библиотеке. На этом свидании По рассказал, что было с ним в Бостоне. Днем они встретились еще раз, но миссис Уитмен не дала По прямого ответа на его предложение руки и сердца. Она прочитала ему письмо, присланное ей кем-то из Нью-Йорка, содержащее резкие высказывания о характере По. Кажется, последний был этим сильно уязвлен.

Тем же вечером он запил и в этом состоянии сочинил прощальную записку миссис Уитмен «со словами разрыва». Она решила, что он вернулся в Нью-Йорк, а По в это время оставался в Провиденсе под опекой мистера Макфарлейна. Наутро Макфарлейн убедил его попозировать для дагерротипа. На портрете лицо По насмешливо, саркастично, с заметной асимметрией двух его половин. Щеки одутловаты, темные круги под глазами, губы скривились в презрительной усмешке, глаза впали, выражение их задумчиво. Сфотографировавшись, По побежал к Элен Уитмен в состоянии «неконтролируемого, горячечного исступления», моля спасти его от «грозящего ему ужасного несчастья». Его голос «пугал меня, как никогда ничто не пугало… В нем было что-то ужасное и величественное одновременно». По бился в судорогах безумия.

Два часа просидела с ним матушка миссис Уитмен, стараясь успокоить его, но когда Элен вошла в комнату, «он приник ко мне с таким неистовством, словно хотел разорвать надетое на мне муслиновое платье». Позвали врача, тот диагностировал «прилив крови к голове», после чего По отвезли в дом друга миссис Уитмен, где два-три дня он приходил в себя. После еще нескольких свиданий с По Элен согласилась на «помолвку с условием» — условие состояло в том, что он полностью прекращает пить. Однако мать Элен, упрямо противившаяся этому союзу, заявила По, что для ее дочери даже смерть будет лучше брака с ним. Вечером 13 ноября, разочарованный и измученный недостижимостью заветной своей мечты, По отплыл на пароходе в Нью-Йорк.

Оказавшись в Нью-Йорке, По написал миссис Уитмен, что «чувствует сердцем» ее любовь, но также ощущает и «странную тень близящегося зла». Затем он сел в поезд до Фордхема, где наконец-то воссоединился с Марией Клемм, которая написала Энни Ричмонд: «Господь… вернул мне моего дорогого Эдди. Однако он очень переменился, и я едва его узнала». По тоже

написал Энни длинное и отчаянное письмо, в котором подтвердил: «Вы знаете, я люблю вас, как еще ни один мужчина не любил женщину… *ах, моя дорогая* Энни, моя милая *сестра* Энни, мой *чистый* прекрасный ангел — *супруга* души моей…»

При этом ощущение реальности не было им утрачено полностью. Четырьмя днями позже он пишет возможному благотворителю, прося дать ему двести долларов на будущий литературный журнал. Он медленно возвращался к жизни после недавних треволнений, и его почти не потревожило известие о том, что мать Элен прибрала к рукам все имущество семьи Уитменов.

Двадцатого декабря По вернулся в Провиденс, чтобы прочитать лекцию «Поэтический принцип». Вряд ли у него были другие причины посетить этот город. Знакомая ему поэтесса Мэри Э. Хьюит спросила его, не жениться ли он приехал. Кажется, он ответил, что «женитьбы не будет». Лекция в лицее Франклина собрала тысячу восемьсот слушателей, среди которых была и миссис Уитмен. На другой день она согласилась «немедленно обвенчаться», вновь повторив поставленное По условие — прекратить пить. Вечером того же дня *миссис* Уитмен принимала гостей, среди которых был и По, ведший себя на удивление тихо. Наутро кто-то видел, как он выпил бокал вина, в чем, отправившись к Элен, с жаром покаялся. Вероятно, покаяние было принято, так как на следующий день в письме к священнику местной епископальной церкви он просил оповестить прихожан о будущей свадьбе. Потом По написал письмо Марии Клемм, ставя ее в известность о том, что «обвенчается в понедельник, а во вторник мы будем в Фордхеме».

Но планы эти рухнули. В тот день, когда По написал Марии Клемм, он и его невеста отправились в экипаже в одну из городских библиотек, где кто-то вложил в ее руку записку. Это было «подметное» письмо самого отвратительного содержания, извещавшее ее «о множестве неподобающих поступков мистера По в последнее время» и, главное, о том, что он продолжает пить. Не исключено, что там говорилось и о его отношениях с Энни Ричмонд. Это испытание оказалось непосильным для Элен Уитмен. Когда они возвратились в дом Уитменов, Элен было так плохо, что ей пришлось, успокоив нервы эфиром, лечь на диван. По опустился рядом с ней на колени и попросил, чтобы она сказала лишь одно слово.

— Что *я могу* сказать?
— Элен, скажите, что любите меня.

— Я люблю вас.

После этого несчастная, растерянная женщина потеряла сознание.

Не столь эмоциональной вышла беседа По с матерью миссис Уитмен, когда та ясно дала понять ему, что присутствие его в доме нежелательно. В результате, чувствуя себя «невыносимо оскорбленным», По ретировался и сел на пароход, отправлявшийся в Нью-Йорк. Элен Уитмен он ни разу больше не видел.

Странная история, которую делает еще более странной непостижимо нелогичное поведение писателя. Он писал страстные, полные любви письма двум женщинам одновременно, обещая обеим вечную любовь, уподобясь каракатице, тонущей в собственных чернилах. Он предал память своей покойной жены. Выражал желание умереть в объятиях Энни Ричмонд и выказывал совершенно инфантильную зависимость от обеих женщин, хотя ему было доподлинно известно, что обе женщины для него совершенно недостижимы. В этом отношении он сближал их обеих с идеализированным образом матери. Но существовало и различие. В письмах к Элен он подписывался Эдгаром. Для Энни же он был Эдди. Как будто в одном теле обитали два разных человека — взрослый Эдгар и маленький Эдди. Слова «мне не надо говорить вам, Энни, какая тяжесть упала с моего сердца, когда я порвал с миссис У…» писал Эдди.

Дело осложнилось и еще одним обстоятельством. Родственники мужа Энни Ричмонд, обитавшие в Провиденсе, с удовольствием сплетничали о По и Элен Уитмен и распространяли новость, что миссис Уитмен разорвала помолвку. Это было неправдой, так как помолвка официально объявлена не была. Все, естественно, заподозрили, что свадьбу отменила невеста, узнав новые порочащие сведения о писателе. Тогда, к концу января 1849 года, По написал Элен Уитмен: «Вы, миссис У, высказали, распространили или как-то еще поддержали жалкую ложь, во что я не верю и не могу поверить… Я собирался объявить, что наша свадьба отложена по причине вашего слабого здоровья».

Вероятно, в тот же день По написал и Энни Ричмонд, жалуясь, что «был *глубоко* уязвлен вашим жестоким письмом». В тот же конверт он вложил письмо миссис Уитмен, датируя его более поздним числом, и попросил Энни прочитать его, запечатать и отослать дальше по назначению. Для него это был наилучший способ поправить свою репутацию. Элен Уитмен ему не ответила.

Глава одиннадцатая
Последний год

По пытался смотреть в будущее. В феврале 1849 года он пишет относительно бодрое письмо старому другу Фредерику Томасу, обещая, что «остаток жизни посвятит литературе». Тогда же он заявил Энни Ричмонд: «Не проходило и дня, чтобы я не написал страницу или три страницы». К весне он закончил окончательную версию «Звона» и начал стихотворение, которое назвал «Аннабел Ли»; одновременно работая над одним из своих самых своеобразных рассказов, «Лягушонок», о мести карлика, которого вынуждали уродством своим забавлять знатных патронов и лиц королевской крови. Вдобавок По пишет «рассказ-розыгрыш» «Фон Кемпелен и его открытие» о возможности превратить свинец в золото. Он клялся, что не пьет, и правда, он «был в лучшей форме, чем когда бы то ни было». Он и Мария Клемм арендовали дом в Фордхеме на целый год. Была еще одна причина чувствовать уверенность. Вдруг объявился человек, пожелавший финансировать «Стайлус». Юный поклонник По, Эдвард Паттерсон из Окуоки, в штате Иллинойс, предложил писателю субсидировать литературный журнал, полностью полагаясь на вкус По. И По в восторге согласился. Все складывалось отлично.

Однако случилось непредвиденное. Журналы, от которых он ждал денег за публикации, стали прогорать один за другим. К апрелю По вновь серьезно заболел. «Я не раз думала, — писала Мария Клемм, обращаясь к Энни Ричмонд, — что он *умирает*». У По началась депрессия. Энни он написал: «Моя печаль *необъяснима,* и оттого я еще более печален. *Ничто* не веселит и не утешает меня. Жизнь кажется пустой — будущее как будто не сулит ничего хорошего». Это было неизбежной реакцией на бурный период его двойного ухаживания, когда он одновременно домогался Энни Ричмонд и Элен Уитмен.

И все же По еще раз отправился в Ричмонд, чтобы прочитать серию лекций. Вероятно, он обрадовался возможности возобновить знакомство с Эльмирой Шелтон, теперешней богатой вдовой, которая была некогда его «кумиром». К тому же ему требовались новые подписчики для предполагаемого журнала. «Я собираюсь в Ричмонд, — говорил он, — чтобы оценить обстановку».

Итак, 29 июня 1849 года Мария Клемм проводила По на пароход, увезший его в Филадельфию. Как она вспоминала, на

прощание он сказал: «Благослови Бог мою Распустеху, и не бойтесь за вашего Эдди, увидите, каким благонравным я буду в разлуке и как стану любить и оберегать вас по приезде». Он явно собирался вернуться домой. Но больше она его не видела.

По пути в Ричмонд По хотел побывать в Филадельфии, однако ему помешала старая болезнь. Он вновь запил. На железнодорожной станции он потерял саквояж с двумя лекциями, которые должен был прочитать в Ричмонде. Это был плохой знак. Следующие несколько дней застилает для нас туман. Неделю спустя По написал Марии Клемм истерическое письмо из Филадельфии о том, что его «однажды здесь забрали в тюрьму за то, что был пьян, но больше я не пил. Я думал о Вирджинии». Лишь одно настораживает нас в этом признании: тюремные документы не подтверждают того, что он был заключен в тюрьму. Более реальное объяснение может состоять в том, что По уже тогда был подвержен приступам бредовой горячки и галлюцинациям.

Так, на другой день после предполагаемого ареста По навестил своего давнего знакомого, гравера и издателя Джона Сартейна. Выглядел он «бледным, изможденным, и в глазах у него читался ужас». Он стал умолять Сартейна спрятать его, пояснив, что какие-то люди собираются его убить. Потом, будучи в ужасном состоянии, По заговорил о самоубийстве и попросил у Сартейна бритву. Мол, ему надо сбрить усы, чтобы сбить со следа преследователей. Сартейн отрезал ему усы с помощью ножниц. (Не исключено, что Сартейну изменила память. Когда По приехал в Ричмонд впоследствии, усы были на месте.)

В тот же вечер они отправились, как вспоминал Сартейн, на прогулку к водопроводной станции на Скулкил-ривер и по глупости поднялись по лестнице к резервуару. Тогда-то По и признался в видениях, или галлюцинациях, преследовавших его в Филадельфийской тюрьме. В частности, он видел искалеченную Марию Клемм. Его стали «бить судороги», и Сартейну пришлось прийти ему на помощь и поддерживать его во время крутого спуска.

Несколько ночей По оставался у своего покровителя, после чего настолько оправился, что смог покинуть его дом, полагаясь только на свои силы. Вернувшись, он признался, что его недавние видения были «результатом его собственного растревоженного воображения». Вероятно, Сартейн и сам пришел к такому же выводу. Несколько дней спустя По написал письмо Марии Клемм, жалуясь на то, что «сильно болел»: «У меня была либо холера, либо какие-то иные, но столь же жестокие спазмы». Он попросил

ее выехать к нему незамедлительно, как только она получит письмо, мрачно предупреждая, что «только смерть может нас разлучить, и не надо разубеждать меня *сейчас; я* должен умереть». Письмо он отправил Саре Энн Льюис в Бруклин, однако миссис Льюис поступила мудро, не передав его Марии Клемм, хотя Мария Клемм тем временем весьма сокрушалась и беспокоилась о бедном Эдди.

По все еще болел и не имел денег. Когда он зашел к знакомому журналисту Джорджу Липпарду в Филадельфии, на нем был один ботинок. У него совсем не осталось денег, и он голодал. По сказал, что у него нет друзей, предусмотрительно забыв о Сартейне. Липпард быстро собрал некоторую сумму у симпатизировавших По местных издателей, и По наконец-то смог выехать в Ричмонд.

На вокзале он нашел свой саквояж, однако, к его неудовольствию, открытым и без лекций. Непонятно, что за вор мог заинтересоваться учеными изысканиями По касательно состояния американской поэзии.

Направлялся По в Ричмонд, однако прибыл он туда намного позднее, чем намечал. Приключение в Филадельфии стало для него кошмарным мучением, вызванным, как он говорил, «mania-a-potu», или тягой к спиртному. Это был первый знак того, что По отлично понимал природу своего состояния. Последовательность событий в Филадельфии не совсем ясна, не стоит доверять полностью позднейшим воспоминаниям Сартейна и Липпарда. В рассказах По всегда есть место для мифотворчества. Несомненно одно, По был в критическом состоянии. Липпард впоследствии вспоминал, что, когда По уезжал из Филадельфии, «в его голосе, лице и поведении было Нечто, говорившее о том, что его беспокойная и странная жизнь подходит к концу». Легко судить задним числом.

Как только По добрался до Ричмонда, он написал письмо Марии Клемм, объяснив ей, что «в последние недели ваш бедный Эдди насилу мог передохнуть от ужасных мучений». В конце письма он прибавил: «Моя одежда в *ужасном* состоянии, и я совершенно *болен*». Пятью днями позже он как будто оправился. Ему стало лучше, и он сообщил Марии Клемм: «Все еще может наладиться. Я приложу к этому всю свою энергию». По обладал редким умением собираться с силами и быстро восстанавливаться — хотя, может быть, столь резкой переменой настроения (и физического состояния) мы обязаны лишь его воображению, а не реальности. Поселившись в таверне «Лебедь», По стал наносить визиты друзьям и знакомым. Он возобновил общение со своей сестрой Розали, с которой довольно давно не виделся. И начал

зарабатывать деньги, читая лекции. Вне всяких сомнений, он продолжал быть личностью известной. «Мистер По — уроженец нашего города, и он вырос среди нас… — писала одна из газет. — Теперь он вновь здесь, у него репутация известного писателя, и он имеет право на наше внимание». В августе По доложил Марии Клемм: «Меня еще *никогда* не принимали так восторженно».

Есть несколько описаний того, как По проводил время в Ричмонде, причем описаний противоположного свойства. Одному из современников По показался тогда «неизменно веселым и довольно часто в игривом настроении». Другой замечает, что рот его говорит «о твердости, но также и о раздражительности и презрении к окружающим». В целом, когда он был трезв, то казался любезным и даже сердечным, правда улыбался он редко и производил впечатление человека крайне сдержанного. «В интонациях его речи проскальзывала грусть». А временами он давал волю своей старой привычке. Однажды он так перепил, что друзьям пришлось за ним ухаживать. Один из ричмондцев сообщает, что в течение нескольких дней «его жизнь была в страшной опасности», и, по мнению врачей, еще один такой приступ мог оказаться смертельным. Кажется, По ответил: «Если бы люди не искушали меня, я бы не срывался». В тех обстоятельствах это был не самый обнадеживающий ответ. Наведывался он и в редакцию «Ричмонд экзэминер», где запасы горячительного вполне могли увести его с праведного пути. В Ричмонде любимым напитком в то время был мятный джулеп.

Однако, несмотря ни на что, По еще был достаточно крепким, чтобы возобновить ухаживания за Эльмирой Шелтон. Он несколько раз приезжал к ней, а летом распространился слух об их помолвке. Один современник записал позднее, что «дама была богатой и красивой вдовой, давней пассией По». Однако дорога истинной любви подчас бывает тернистой. Двое детей миссис Шелтон противились ее браку, да и ее покойный муж завещал ей состояние на условии, что она больше не выйдет замуж. Кстати, и намерения По не были абсолютно чисты. В письме Марии Клемм он предлагал ей покинуть Фордхем и переехать в Ричмонд. И еще писал, что хотел бы «жить недалеко от Энни… Ничего не говорите мне об Энни — я ничего не хочу слышать — разве что вы уведомите меня о смерти мистера Р.» С одной стороны наметившаяся помолвка с Эльмирой Шелтон, с другой — нежные чувства к другой женщине. Тремя неделями позднее По вроде бы стал склоняться к миссис Шелтон. «Я полагаю, она любит меня больше, чем кто-либо другой, — писал он Марии Клемм. — И я не могу не отвечать ей любовью. Но пока еще ничего неясно».

Через четыре дня, то есть 22 сентября, обозначилась четкая

перспектива помолвки. В тот же день Эльмира Шелтон написала Марии Клемм: «Я совершенно готова *полюбить* вас и искренне надеюсь, что и вы испытываете ко мне подобные чувства». Она уверяла Марию Клемм в том, что По «трезв, воздержан, добродетелен и очень любим». Итак, По приложил определенные усилия, чтобы новая возлюбленная поверила ему. В тот же день, как известно, он присоединился к местному обществу трезвости.

Двумя днями позже его пригласили прочитать лекцию «Поэтический принцип», и миссис Шелтон заранее заняла место в первом ряду. Один из современников оставил ее описание: «Правильные черты, высокий лоб, холодное выражение лица… благоразумная, практичная женщина, полная противоположность поэтическому идеалу». Так оно и было. Позднее, в ответ на расспросы о ее якобы помолвке миссис Шелтон говорила, что «не была помолвлена с По, когда он был тут, хотя многие так думали, но я полагаю, что не вышла бы за него замуж ни при каких обстоятельствах». Как во всем, что касается По, эта история тоже запутанная и вряд ли когда-нибудь будет распутана.

Была еще одна задача, которую По предстояло выполнить. Фабрикант из Филадельфии, некий Джон Лауд, предложил писателю сто долларов за то, чтобы тот отредактировал томик стихотворений его жены. По этому поводу По написал Марии Клемм: «Конечно же, я принял его предложение». Итак, По планировал покинуть Ричмонд на некоторое время, чтобы выполнить выгодный и, без сомнения, довольно трудоемкий заказ. Он подсчитал, что вся работа займет у него три дня. А еще он хотел поехать в Нью-Йорк, чтобы подготовиться к изданию нового литературного журнала.

За два дня до отъезда из Ричмонда он навестил старых друзей, семейство Талли, которым он заявил, что уверен в себе и полон надежд. Мол, «несколько недель в обществе старых и новых друзей были самыми счастливыми за много лет», а еще он сказал, что хочет «оставить позади все неприятности и беды прошлой жизни». Сьюзан Талли описала эту радостную встречу. «Он последним из гостей покинул наш дом. Мы стояли на крыльце, а он, спустившись на несколько ступенек, вдруг остановился, обернулся и снова приподнял шляпу, в последний раз прощаясь с нами. В это время на небе, прямо над его головой, промелькнул яркий метеор и исчез на востоке».

Вечером следующего дня, перед самым отъездом, По посетил Эльмиру Шелтон. Позднее она писала Марии Клемм, что По «был очень печален и жаловался на здоровье. Я проверила пульс и обнаружила у него довольно сильный жар». Миссис Шелтон

решила, что По слишком болен и не может ехать на другой день, однако, к ее досаде и удивлению, выяснилось, что он сел на пароход до Балтимора. Так началось роковое путешествие, закончившееся смертью, как и было сказано в первой главе нашей книги. Через шесть дней Эдгара Аллана По нашли в таверне в Балтиморе. Где он был и что делал до этого — никто не знает. Бродил ли в помрачении по улицам? Или же его привлекли к участию в выборной кампании в городе, пользовавшемся дурной славой из-за мошенничеств с голосами? Может быть, его мучила опухоль мозга? Или он попросту пил до бесчувствия? Очередная неразрешимая загадка, подобная тем, что мы так часто находили в его рассказах. По умер в больнице, в воскресный день, 7 октября 1849 года — печальный и предсказуемый конец несчастной и беспокойной жизни. Эдгару А. По было сорок лет.

Мария Клемм написала миссис Ричмонд: «Энни, мой Эдди *умер*. Это случилось вчера в Балтиморе. Энни! Помолитесь за меня, вашу одинокую подругу! У меня больше *не осталось никаких чувств*».

Наверное, она следовала воле По, когда отдала все бумаги Руфусу Грисвольду, однако решение это, несомненно, оказалось губительным для репутации покойного, окончательно ее испортив. Грисвольд написал воспоминания, где ругательства и оскорбления перемежались клеветой, и поставил их предисловием к третьей книге писателя. Тон этих воспоминаний был таким же, как и у некролога Грисвольда, опубликованного на другой день после похорон и утверждавшего, что эта смерть «удивит многих, но *никого не огорчит… у него было мало или совсем не было друзей*». Злоба автора казалась настолько очевидной, что кое-кто поднял голос против такого поношения памяти писателя, однако клеветнические утверждения в адрес Эдгара А. По оставались в моде до конца XIX столетия.

Шарль Бодлер однажды заметил, что «эта смерть была почти самоубийством, таким самоубийством, которое подготавливалось долгое время». В самом деле, По верил, что со дня рождения отмечен Роком. Ему, причем с ранних лет, было отлично известно то, что однажды он назвал «железными тисками Отчаяния». В одном из ранних рассказов, «Рукопись, найденная в бутылке», повествователю принадлежат слова: «Мы, без сомнения, быстро приближаемся к какому-то ошеломляющему открытию, к разгадке некой тайны, которой ни с кем не сможем поделиться, ибо заплатим за нее своею жизнью».[35] По было предначертано умереть в бесчестии. Ему было суждено умереть в беспамятстве. Как-то он сказал: «Я всегда думал, что отчетливо различаю шорох, когда из-за горизонта наползает тьма». Эта тьма

постоянно преследовала его.

Мария Клемм сначала пожила некоторое время у Ричмондов, потом гостила у других сочувствующих ей людей; но совершенно очевидно, что иногда терпение хозяев истощалось. В конце концов она нашла себе пристанище — последнее — в «Церковном приюте и лечебнице» в Балтиморе.

А тем временем, сразу после смерти По, его слава начала расти, особенно в Англии и во Франции. Он совершенно покорил Верлена и Рембо; и Малларме и Бодлер перевели на французский язык «Ворона», тем самым отдав дань уважения американскому поэту, который в некоторых отношениях стал предтечей европейского романтизма и особенно символизма и сюрреализма. Бодлер говорил, что, читая стихотворения и рассказы Эдгара А. По, он обнаруживал в них «не только темы, которые грезились мне, но и выражения их, которые находил сам и которые По обозначил за двадцать лет до меня». Реми де Гурмон заявил, что По больше принадлежит французской, нежели американской литературе. Валери сказал Андре Жиду, что «По — единственный безупречный писатель. Он никогда не ошибался».

Теннисон писал о По как «о самом оригинальном гении, которого только произвела на свет Америка», достойном стоять рядом с Катуллом и Гейне. Томас Гарди считал По «первым, кто до конца осознал возможности английского языка», и Йейтс не сомневался в том, что По был «величайшим из американских поэтов». Многим обязаны По и такие издатели научной фантастики, как Жюль Верн и Герберт Уэллс, да и Артур Конан Дойль признавал мастерство По в жанре детектива. Им восхищались Ницше и Кафка, находившие сходство печальной его судьбы и собственных душевных терзаний. Его обожали Федор Достоевский, Джозеф Конрад и Джеймс Джойс, видевшие в его творчестве зачатки современной литературы. В конце концов сирота обрел семью.

notes

Примечания

1

Пр**о**клятого поэта *(фр.)*.

2

Пьеса по роману «Абеллино, великий разбойник» (1793) швейцарского писателя Генриха Цшокке (1771–1848).

3

Жильбер де Лафайет (1757–1834) принадлежал к числу передовых людей Старого Света, чье имя вписано в анналы истории трех революций — американской (1774–1883), Великой французской (1789–1794) и Июльской (1830).

4

Перевод Е. Бируковой.

5

Стихотворение Вальтера Скотта.

6

Сток-Ньюингтон — северное предместье Лондона.

Кобблер — напиток из вина, сахара и лимона со льдом; джулеп — напиток из коньяка или виски с водой, сахаром, льдом и мятой.

8

С чувством *(ит.)*.

9

Адамс Джон Квинси (1767–1848) — шестой президент Соединенных Штатов Америки (1825–1829).

10

Скваттеры — лица, самовольно занимающие пустующие земли или дома.

11

Духи смерти. Перевод В. Брюсова.

12

Здесь и далее перевод К. Бальмонта.

13

Уолтер Хорейшо Патер (Пейтер, 1839–1894) — английский эссеист и искусствовед, главный идеолог эстетизма — художественного движения, исповедовавшего девиз «искусство ради искусства» (Оскар Уайльд, Джордж Мур, Обри Бердсли).

14

Перевод В. Неделина.

15

Перевод В. Рогова.

16

Перевод Г. Злобина.

17

Метемпсихоз — учение о переселении душ умерших в новые тела людей, животных или растений.

18

Перевод И. Гуровой.

19

Перевод Н. Галь.

20

Перевод Н. Демуровой.

21

В дальнейшем рассказ получил название «Овальный портрет».

22

Перевод Р. Померанцевой.

23

Перевод В. Хинкиса.

24

Перевод В. Брюсова.

25

Перевод А. Старцева.

26

Перевод В. Брюсова.

27

Nevermore.

28

Чистая вода *(лат.)*.

29

Перевод В. Рогова.

Писатели *(лат.)*.

31

Корнелия Уолтер в 1842 г. стала первой женщиной-редактором одной из крупнейших газет США.

32

Личный выпад *(лат.)*.

33

Иоанн 16: 6.

Или «Улялюм» в другом русском переводе.

35

Перевод М. Беккер.